

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Том 6. № 3 (20) • 2015

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский

О.В. Гаман-Голутвина

Е.В. Колдунова

Д.А. Кузнецов (редакция номера)

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ
О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.
В.В. Гриб, д.ю.н., проф.
В.И. Журавлева, д.и.н., проф.
М.В. Ильин, д.полит.н., проф.
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.
В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ
В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН
О.В. Павленко, к.и.н., доц.
Е.В. Попов, к.ю.н., доц.
В.Д. Соловей, д.и.н., проф.
Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф.
М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.
А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Ditrîhs*
(Университет Анкары)
Профессор *Akihiro Iwashita*
(Университет Хоккайдо)
Профессор *Zhao Huasheng*
(Фуданьский университет)
Профессор *Klaus Segbers*
(Свободный Университет Берлина)
Профессор *Anne de Tanguy*
(Сьянс По)
Профессор *Yu-Shan Wu*
(Институт политологии, Academia Sinica)
Профессор *Alexander Zhebit*
(Федеральный университет Рио де Жанейро)
Профессор *Charles E. Ziegler*
(Университет Луисвилла)
Профессор *A. Faizullaev*
(Университет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана)
Профессор *Li Xing*
(Пекинский педагогический университет)

Издается при поддержке

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
<http://www.lawinfo.ru>
Отпечатано в типографии
«National Polygraphic Group»
Тел.: +7(4842) 70-03-37

Печать офсетная

Усл. печ. л. 18,5
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 20.09.2015

ISSN – 2221 – 3279

© Воскресенский А.Д., 2015
© Сравнительная политика, 2015
© Издательская группа «Юрист», 2015

COMPARATIVE POLITICS

Volume 6. № 3 (20) • 2015

MASS MEDIA REGISTRATION CERTIFICATE PI № FS77-28335 of December 8, 2009

Editor-in-Chief

Alexei D. Voskressenski, Prof., Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of
Far Eastern Studies)

Dputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Professor, Dr.Pol.Sc.
S.I. Lunev, Professor, Dr. of History

Executive Secretary

E.V. Koldunova, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board of the Issue

A.D. Voskressenski

E.V. Koldunova

O.V. Gaman-Golutvina

D.A. Kuznetsov (editor of the issue)

Executive Secretary (online version)

I.Yu. Okunev, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board

T.A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor,
Distinguished Researcher of Russia

O.N. Barabanov, Doctor of Political Sciences, Professor

V.Ya. Belokrenitskij, Doctor of History, Professor

V.V. Grib, Doctor of Juridical Sciences, Professor

V.I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor

M.V. Il'in, Doctor of Political Sciences, Professor

E.V. Koldunova, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor

V.G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD
(University of Manchester), Professor

M.M. Lebedeva, Doctor of Political Sciences, Professor,
Distinguished Lecturer of Russian Higher School

V.V. Mikheev, Doctor of Economics, Professor,
Corresponding Member of the RAS

O.V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor

E.V. Popov, Candidate of Judicial Sciences,
Associate Professor

V.D. Solovej, Doctor of History, Professor

L.V. Smorgunov, Doctor of Political Sciences, Professor

M.V. Strezhneva, Doctor of Political Sciences, PhD
(University of Manchester), Professor

V.V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor

T.A. Shakleina, Doctor of Political Sciences, Professor

A.Yu. Shutov, Doctor of History, Professor

I.N. Timofeev, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor

International Consultative Board

Professor Ayse Ditrhihs
(University Anbara)

Professor Akihiro Iwashita
(University Hokkaido)

Professor Zhao Huasheng
(Fudan University)

Professor Klaus Segbers
(Free University of Berlin)

Professor Anne de Tanguy
(Sciences Po)

Professor Yu-Shan Wu
(Institute of Political Science, Academia Sinica)

Professor Alexander Zhebit
(Federal University of Rio de Janeiro)

Professor Charles E. Ziegler
(University of Louisville)

Professor A. Faizullaev
(University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan)

Professor Li Xing
(Beijing Normal University)

Published with support

Subscription Centre:

+7(495) 617-18-88 (multichannel)

Editorial Office Address:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya

Emb., Moscow, 115035

Tel.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Printed in typography

«National Polygraphic Group»

Tel.: +7(4842) 70-03-37

Offset printing.

Conventional printing sheet – 18,5

Circulation 3000 copies.

Free-market-price

Passed for printing: 20.09.2015.

ISSN – 2221 – 3279

© Voskressenski A.D., 2015

© Comparative Politics, 2015

© Publishing Group “Yurist”, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

«Сравнительная политика»: на пути к международным реферативным базам

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Т.А. Алексеева. Перечитывая «классиков»: Фукидид и политический реализм

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Matthew Crosston. NEMESIS: Keeping Russia an Enemy through Cold War Pathologies

Anna Corsaro, Daniel Djouder. Foreign Policy of the USA and Russia in East Asia

К.А. Санин. Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Jessica Lagan. The Use of Primary Source Material in Academic Research: a View from Cambridge Archive Editions

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Д.А. Кузнецов. Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение

М. Поштитч. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии

А.А. Бойко. Конкуренция Индии и Пакистана в сфере мирного атома. Сравнительный анализ современного этапа и перспектив

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«После украинского кризиса: к новому постгегемонистскому многополярному миру?». Конференция 24–26 февраля 2015 г. в Центре Азии и глобализации Школы государственного управления Ли Куан Ю, Национальный университет Сингапура

Информация о симпозиуме «70 лет спустя: как справиться с изменяющимся балансом сил в Азии?», Национальный университет Сингапура

ICTSD & OECD DIALOGUE, Paris

ICTSD, FAO, AND EAGC DIALOGUE, Nairobi

CONTENTS

FROM THE EDITOR

5 'Comparative Politics': On the Way to International Citation Databases

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

7 **Tatiana Alekseeva.** Re-reading the "Classics": Thucydides and Political Realism

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

21 **Matthew Crosston.** NEMESIS: Keeping Russia an Enemy through Cold War Pathologies

34 **Anna Corsaro, Daniel Djouder.** Foreign Policy of the USA and Russia in East Asia

48 **Konstantin Sanin.** Historical Problems in the Relations between the PRC and the Countries of East Asia

DISCUSSION

60 **Jessica Lagan.** The Use of Primary Source Material in Academic Research: a View from Cambridge Archive Editions

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

65 **Denis Kuznetsov.** Latin American Integration and Sub-regionalization: Political and Ideological Dimension

85 **Mina Poshtich.** Comparative Analysis of China's Energy Strategy in Central Asian States

104 **Alexander Boyko.** Comparative Analysis of the Indian and Pakistani Nuclear Energy Development Programmes

ACADEME

113 Conference Report 'After the Ukraine Crisis: Towards a Post-hegemonic Multipolar World?', Centre on Asia and Globalisation, Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore (February, 24–26, 2015)

141 Public Symposium '70 Years On: How to Manage Changing Power Relations in Asia?', National University of Singapore

142 ICTSD & OECD DIALOGUE, Paris

143 ICTSD, FAO, AND EAGC DIALOGUE, Nairobi

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.С. Зиновьева. Рецензия на книгу: А.В. Бирюков
Современные международные научно-технологические
отношения. М.: РосНОУ, 2014. - 488 с.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Ya-Chung Chuang. Democracy on Trial: Social
Movements and Cultural Politics in Postauthoritarian
Taiwan. Hong Kong: The Chinese University Press, 2013

Mingming Wang. The West as the Other: A Genealogy of
Chinese Occidentalism. Hong Kong: The Chinese University
Press, 2014

Информация для авторов

CONTENTS

REVIEWS

144 Elena Zinovieva. Book Review: A.V. Birjukov Contemporary
International Relations in the Field of Science and
Technology. Moscow: RosNOU, 2014. - 488 p.

ON THE BOOKSHELF

146 Ya-Chung Chuang. Democracy on Trial: Social
Movements and Cultural Politics in Postauthoritarian
Taiwan. Hong Kong: The Chinese University Press, 2013

147 Mingming Wang. The West as the Other: A Genealogy
of Chinese Occidentalism. Hong Kong: The Chinese
University Press, 2014.

146 Information for Authors

ОТ РЕДАКЦИИ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НА ПУТИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ РЕФЕРАТИВНЫМ БАЗАМ

Веки информационных технологий меняет облик научных журналов – старая добрая печатная версия теперь требует электронного дополнения, позволяющего журналу соответствовать критериям включения в международные реферативные базы. В последние месяцы журнал «Сравнительная политика» предпринял целый ряд шагов в данном направлении. У журнала появился свой сайт www.comparativepolitics.org. На сайте выложена информация о журнале, требования к публикации, полных архив выпусков журнала с 2010 г. Все материалы размещены на русском и английском языках. В сайт встроена система онлайн подачи и анонимного рецензирования рукописей. Новые выпуски журнала, тем не менее, продолжают размещаться на сайтах МГИМО-Университета и Российского совета по международным делам.

Созданная электронная версия журнала была зарегистрирована в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Ей присвоен Международный номер научных периодических изданий ISSN 2412-4990. ISSN (International Standard Serial Number) является уникальным идентификатором для каждого сериального издания, обязательным элементом выходных сведений серийных изданий. Блоки ISSN устанавливает и распределяет Международный центр ISSN (ISSN International Centre) в Париже.

Кроме того, журнал стал полноправным членом Международной ассоциации издателей научной литературы (PILA – Publishers International Linking Association) и участвует в проекте CrossRef. Последнее позволило присвоить всем вышедшим в журнале с момента его основания статьям код DOI (Digital Object Identifier). DOI закреплён в стандарте ISO 26324:2012 «Информация и документирование. Система цифровых идентификаторов объектов» в качестве международного цифрового идентификатора объекта. В настоящее время идентификатор DOI является наиболее надёжным и всемирно признанным средством идентификации и поиска научных данных, размещённых в сети Интернет. Код значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации. Коды DOI присваиваются статьям во всех журналах в Web of Science и в большинстве журналов в Scopus. Разработчиком и исполнителем стандарта является международная научная организация International DOI Foundation IDF (Международный фонд DOI). На конец 2009 г. в системе зарегистрировано около 40 млн. научных публикаций.

При присвоении научной работе идентификатора DOI её название, аннотация и используемые в ней ключевые слова направляются во всемирную общедоступную базу научных данных www.doi.org, в результате чего работа становится доступной для поиска по ключевым словам ученым всего мира.

Данный факт значительно повышает вероятность цитирования работы в авторитетных международных источниках.

DOI код всех статей, вышедших в «Сравнительной политике», отображается на странице описания каждой статьи на сайте журнала. Однако одного лишь наличия DOI для повышения цитируемости Ваших статей в журнале недостаточно. Многое зависит от Вас – ссылаясь на статьи в журнале «Сравнительная политика» и отправляя рукопись в отечественный или зарубежный журнал, указывайте её DOI.

Мы надеемся, что предпринятые шаги позволят журналу уже в ближайшее время

войти в различные международные реферативные базы, о чем мы известим наших читателей на сайте журнала.

По всем вопросам, связанным с работой сайта журнала, пожалуйста, пишите на официальный адрес редакции sravnitpolit@mail.ru.

**А.Д. Воскресенский,
главный редактор**

**И.Ю. Окунев
ответственный секретарь
онлайн издания**

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «КЛАССИКОВ»: ФУКИДИД И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Т.А. Алексеева

Чуть ли не общим местом в трудах «классических» «политических реалистов» является отсылка к «Истории Пелопонесской войны в восьми книгах» древнегреческого историка-хрониста Фукидида (471–401 до н.э.) как к первоисточнику политического реализма. Как бы там ни было, подчеркивает профессор Дарио Батистелла из Института политических исследований (Бордо, Франция), «подобно тому, как вся последующая философия представляет собой бесконечный диалог с Платоном, так и теория международных отношений – это вечный диалог с Фукидидом»¹. Забегая вперед, скажем, что все-таки это скорее не диалог, а параллельные монологи, в той или иной степени затрагивающие сходные сюжеты и темы.

Многие современные исследователи, обращаясь к Фукидиду, видят в нем прямую трансляцию сегодняшних предположений, убеждений и заблуждений. В других случаях труды Фукидида по существу сводятся к нескольким простым тезисам, цитируемым в дальнейшем в самых разных учебниках и монографиях в качестве своего рода азбуки реалистских международных исследований. Подход такого рода, к сожалению, приучает студентов к избирательному чтению «классических» текстов и признанию авторитета первоисточников, вырванных из контекста,

что неизбежно оказывает негативное влияние на интеллектуальное мышление, особенно при изучении такой деликатной сферы как международные отношения.

Отдавая должное Фукидиду как историку-хронисту и писателю, следует все же отделять «зерна от плевел», т.е. различать оригинал и его последующие интерпретации, поскольку, как известно, обычной практикой является признание давности за доказательность, придающую научную респектабельность. В данной статье предпринята попытка выяснения, что и как из оригинального текста Фукидида было взято «политическими реалистами» ради доказательства их собственных, отнюдь не бесспорных идей и взглядов.

* * *

«История Пелопонесской войны» Фукидида – работа, беспрецедентная по содержанию, форме и глубине. С этим, мало кто спорит. Действительно, Фукидид дал нам пример объективной и точной истории 27-летней войны (с 431 по 404 г. до н.э.), аналога которому практически нет в известной нам научной литературе. Но ценность этого произведения заключается не только в хронике событий, а в том, что это – одна из первых в истории попыток дать рекомендации политикам в сфере международных отношений «на все времена».

Конечно, в «Истории...» Фукидида не так уж много философии или «теории» в том смысле, как мы понимаем ее сегодня (единственное место, где Фукидид вообще упоминает слово «философия» – это поминовение Перикла – государственного деятеля, стратега, сторонника демократии, которым историк очевидно восхищался). Однако хронист вполне сознательно обращает вни-

¹ Цит. по: Цыганков П.А. Исторический реализм Фукидида о проблеме войны. Вклад Фукидида в теорию международных отношений // Обозреватель – Observer. - 2010. - № 8. - С. 104. [Tsygankov P.A. Istoricheskii realizm Fukidida o probleme voyny. Vklad Fukidida v teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii // Obozrevatel' - Observer. - 2010. - № 8. - S. 104.].

мание читателей на «трансгисторические истины». Именно они и представляют наибольший интерес для международников. Английский историк Роберт Коллингвуд подчеркивал, что «... речи у Фукидида, как по стилю, так и по содержанию – условности, характерные для автора, который не может полностью сосредоточиться на самих событиях, но постоянно отвлекается от них в поисках скрывающегося за ними урока – некоей неизменной и вечной истины, для которой эти события, если говорить языком Платона “*paradeigmata*” (примеры, образцы, модели (греч.) или *mimhmata* (отображения (греч.²)). По существу, мыслитель поставил перед собой вполне практическую задачу: рассказать государственным деятелям о своих наблюдениях над типическим поведением людей для облегчения бремени управления государством³. Предвидя ход событий, политики должны правильно управлять полисом, сдерживая дурные качества народа – раздражение, заносчивость, стремление «захватить побольше», т.е. бороться с исторической неизбежностью.

Практически все концепты, к которым апеллирует политический реализм, а именно: государства как акторы, анархия, сила, государственный эгоизм, безопасность, – уже присутствовали в тексте Фукидида. Такой известный реалист как Роберт Кохейн зафиксировал базовые положения, которые позднее, по его мнению, прямо вошли в политический реализм: 1) государства (или города-государства) как ключевые единицы взаимодействия; 2) они стремятся к власти (силе) либо ради нее самой, либо как к средству достижения других целей; 3) их поведение в значительной степени является рациональным и, поэтому, совместимо с точки зрения рациональности с поведением внешних акторов⁴. Но в каком смысле упо-

треблялись концепты, позднее составившие «ядро» политического реализма?

Практически реалисты опираются всего лишь на несколько утверждений Фукидида (содержащиеся преимущественно в книге Первой, в частности, на речь, произнесенную в Спарте непосредственно перед началом войны), а также на знаменитый Мелийский диалог, в котором устами посланников Афин, как считается, и были изложены основные принципы будущего политического реализма.

Мелийский диалог имеет отношение к событиям 416 г. до н.э., когда Афины покорили нейтральный остров Мелос, тесно сотрудничавший со Спартой – один из эпизодов Пелопонесской войны. К этому моменту, Афины, преимущественно силовым путем, начали превращать морской союз примерно сотни мелких городов-государств в прототипию («империализм Афин» в терминологии французского академика Жаклин де Ромийи⁵ и др.). Им противостояли лакедемоняне (спартанцы), также претендовавшие на роль крупнейшего государственного объединения древней Греции. Добавим к этому длительный конфликт между Афинами и Спартой из-за доступа к сицилийской «житнице» (афиняне практически не производили собственную пшеницу и вынуждены были привозить ее из стран с более благоприятными климатическими условиями морским путем). Фукидид указывал: «Со времени Персидских войн и до этой (Пелопонесской – А.Т.) войны афиняне и лакедемоняне постоянно то заключали союз, то воевали или между собою, или с отпадавшими от них союзниками; при этом они совершенствовались в военном деле, изоощряясь среди опасностей, и приобрели большой опыт»⁶. Все это действительно

² Коллингвуд Р. Идея истории. - Москва: Наука, 1980. - С. 31. [Kollingvud R. Ideia istorii. - Moskva: Nauka, 1980. - S. 31.].

³ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. - Т.1. - с. 22; Т.2, с. 48. [Fukidid. Istoriia. Per. F.G. Mishchenko. V 2-kh tt. Moskva. 1887-1888. Pereizdanie: Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. - T.1. c. 22; T.2, s. 48.].

⁴ Keohane, Robert O. Realism, Neorealism and

the Study of World Politics // Neorealism and Its Critics. NY: Columbia University Press, 1986. - P. 7.

⁵ De Romilly. Thucydideetl'impérialismeathénien, la pensée de l'historien et la genèse de l'œuvre. Paris, 1947/1961.

⁶ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. - Т.1, с. 18, 3. [Fukidid. Istoriia. Per. F.G. Mishchenko. V 2-kh tt. Moskva. 1887-1888. Pereizdanie: Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. - 588 s. - T.1, s. 18, 3.].

дало огромный материал для размышлений и обобщений.

После неудачной попытки морского десанта под командованием Никия, Мелос, в течение десяти лет оставался не подвластным Афинам. Наконец, Афины направили на Мелос посольство с ультиматумом: или присоединиться к Афинскому морскому союзу, или быть уничтоженным.

Мелийский диалог, по-видимому, может быть рассмотрен как самые первые из известных нам дебатов⁷ между представите-

лями двух групп, одну из которых с существенной долей условности, позднее назовут реализмом (афиняне), а другую – идеализмом (мелийцы). Как и спустя две тысячи лет, в центре диалога находился вопрос: могут ли международные отношения основываться на международном порядке, вытекающем из принципов справедливости, или же они – всегда арена столкновения конфликтующих национальных интересов и сил?

Объясняя смысл конфликта, Фукидид использовал прием диалога, якобы состоявшегося до начала осады, вложив в уста будущих участников конфликта объяснения мотиваций их поведения. Мелийцы подчеркивают свой нейтральный статус, высказывая предупреждение, что его нарушение произведет дурное впечатление на другие нейтральные государства. Но этот аргумент не впечатляет афинян – к этому времени почти все острова уже покорены. Поэтому для мелийцев выбор состоял между войной и подчинением афинянам⁸.

Будучи очевидно слабее в военном отношении по сравнению с афинянами, мелийцы выстроили свои аргументы на основе обращений к справедливости, в частности, на обвинении афинян в несправедливости. Они надеялись, что Боги компенсируют их слабость, поскольку они выступают за правое дело⁹. Они апеллировали к необходимости достижения какой-то договоренности с помощью переговоров, ибо стремились сохранить свой статус, не желая отказываться от свободы, которой пользовались на протяжении 700 лет. Последующие интерпретаторы именно здесь нашли намеки на будущие идеалистские, либеральные взгляды: веру в

⁷ Как известно, в теории международных отношений принято рассматривать процесс становления науки через т. н. «Великие дебаты», первыми из которых считаются как раз дебаты между политическими реалистами и идеалистами после окончания Второй мировой войны. См., например, работы Nau, Henri R. *Perspectives on International Relations. Power. Institutions. Ideas.* Washington. 2012; *International Relations Theories. Discipline and Diversity* / Ed. by Nim Dunne, Milja Kurki, and Steven Smith. Oxford. 2007; *Theories of International Relations.* Ed. by S. Schiederand M. Spindler. London: 2014; Weber, Cynthia. *International Relations Theory. A Critical Introduction.* London. 2014; а так же книги отечественных авторов: Т.А. Алексеева. *Политическая теория и международные отношения XX–XXI вв.* М. 2015; Лебедева М.М. *Мировая политика.* М. 2011.; *Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ.* Под ред В.И. Гантмана. М. 1976; *Современные международные отношения.* Под ред. А.В. Торкунова и А.В. Мальгина. М. 2012; Цыганков П.А. *Теория международных отношений.* М. 2003 и др. работы. [As it is well known, the process of the evolution and formation of the theories of international relations is used to study through so called “Great Debates”, the first of which were the debates between political realists and political idealists after the end of the Second world war See, for example, the works of Nau, Henri R. *Perspectives on International Relations. Power. Institutions. Ideas.* Washington. 2012; *International Relations Theories. Discipline and Diversity* / Ed. by Nim Dunne, Milja Kurki, and Steven Smith. Oxford. 2007; *Theories of International Relations.* Ed. by S. Schiederand M. Spindler. London: 2014; Weber, Cynthia. *International Relations Theory. A Critical Introduction.* London. 2014; as well as the works of the Russian experts: T.A. Alekseeva. *Politicheskaiia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia XX–XXI vv.* M. 2015; Lebedeva M.M. *Mirovaia politika.* M. 2011.; *Sovremennye*

burzhuaaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Kriticheskii analiz. Pod red V.I. Gantmana. M. 1976; *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia.* Pod red. A.V. Torkunova i A.V. Mal'gina. M. 2012; Tsygankov P.A. *Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii.* M. 2003; and other works].

⁸ Фукидид. *История.* Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 588 стр. – Т. 5.86. [Fukidid. *Istoriia.* Per. F.G. Mishchenko. V 2-kh tt. Moskva. 1887-1888. Pereizdanie: Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. - 588 str. - T. 5.86.].

⁹ Фукидид. *История.* Пер. Ф.Г. Мищенко. Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 5, С. 90, 104, 112. [Thucydides. Op. cit. T. 5. S. 90, 104, 112].

то, что нации имеют право на политическую независимость, что они связаны взаимными обязательствами по отношению друг к другу, что агрессивная война несправедлива в принципе и т.д. Патриотизм мелийцев вылился в решимость защищать себя, скорее в силу надежды, нежели рациональных калькуляций. Мелийцы были уверены, что их союзники-лакедемоняне обязательно придут им на помощь. Этого так не случилось – город был осажден, взят, все мужчины казнены, женщины и дети проданы в рабство – из этого будущие реалисты делали вывод об опасности веры в мораль, справедливость и обещания союзников, когда враг стоит у ворот.

Афиняне призывали мелийцев прекратить разговоры о морали и взглянуть на ситуацию трезво, т.е. признать свою военную слабость и подумать о возможных последствиях столкновения, поскольку речь идет об их выживании¹⁰. Афиняне ссылаются на «законы природы», где сильный повсеместно властвует над слабым. В сущности, здесь Фукидид очевидно опирается на философию софистов Калликлеса и Фрасимаха – «сила есть право». Однако последующие интерпретаторы усматривают в этом отрывке реалистскую логику, в основе которой лежат соображения безопасности и собственных интересов, предполагающие опору на рациональность и способность к предвидению. Однако это довольно поверхностный взгляд. Мелос – государство довольно слабое и хотя бы в силу этого не могло представлять угрозу для афинян, а, соответственно, и интерес протоимперии отнюдь не сводился к заботам о безопасности, а скорее демонстрировал цинизм хватательного инстинкта.

Политические реалисты фактически упустили из виду, а Фукидид настойчиво проводил мысль о том, что сила, неограниченная чувством справедливости, порождает неконтролируемое стремление к бесконечному увеличению, ведь не существует логических пределов расширения размеров империи. Опьяненные перспективами славы и добычи после оккупации Мелоса,

Афиняне, собственно, и ввязались в войну с Сицилией. Они не обратили внимания на аргумент мелийцев о том, что в длительной перспективе справедливость всегда торжествует¹¹. Аргументы афинян, их логика переоценки силы и собственного интереса, в конце концов, в исторической ретроспективе предстала в качестве недальновидной. Войну они проиграли. Более того, разрушение Мелоса никак не сказалось на дальнейшем ходе Пелопонесской войны, а лишь стимулировало стремление к дальнейшим победам. В любом случае, значение записанного и осмысленного опыта Пелопонесской войны бесценно. Хотя и по другому поводу, современный американский историк Уильям Бернстайн подчеркивает: «Именно в Афинах впервые появились многие европейские научные и культурные институты. Стали Афины и пионером в другой, менее славной традиции. За века, прошедшие со времен Пелопонесской войны, они стали первой в ряду дряхлеющих европейских империй, прошедших униженный путь от мировых держав до тематических архитектурных парков, знаменитых только произведениями искусства, архитектурой, учебными заведениями и своей историей»¹².

Следует отметить, что, Фукидид не поддерживал ни наивный идеализм мелийцев, ни цинизм их афинских оппонентов. Он учил читателей с осторожностью относиться к «наивным мечтам в мировой политике», равно как и предостерегал «против другой пагубной крайности: неограниченного цинизма»¹³. В этом смысле Фукидид вряд ли может считаться прямым предтечей сторонников «реальной политики».

Как известно, реалисты в целом неоднократно выражали скепсис по отношению к роли морали в международных отношениях. Некоторые из них жестко утверждают, что

¹⁰ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 5. С. 87, 101. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. С. 87, 101].

¹¹ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 5. с. 90. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. С. 90].

¹² Бернстайн У. История мировой торговли. – Москва: АСТ, 2013. – С. 64-65. [Bernstein U. Istoriia mirovoi trgovli.– Moskva: AST, 2013. – С. 64-65.].

¹³ Donnelly, James. Realism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 193.

для морали в международных отношениях вообще нет места; другие делают акцент на напряжении между моральными требованиями и успешностью политических действий; третьи – говорят о разнице между моралью конкретного государства и традиционной моралью, или же вообще относятся к ней инструментально ради узаконивания поведения того или иного государства.

Таким образом, бросается в глаза как минимум односторонность реалистов при чтении Фукидида. Они фактически не заметили рассуждений Фукидида о морали, справедливости, легитимности, уважении норм добрососедства, значении риторики, институтов и использования возможностей для договоренностей, об особенностях национального характера и т.п. Это – отражение современных позитивистских представлений о разделении между социальными науками и этическими принципами, которого в принципе не могло быть в античные времена. И хотя Фукидид не занимался морализаторством в тексте своей «Истории...», он, очевидно, размышлял над необходимостью осторожности и ценности мира как такового, его превосходства над ужасами войны и насилия. В этом смысле, он – «последний из трагиков», опирающийся на древнегреческую традицию эпической поэзии и трагедии при конструировании истории, как писал о нем известный английский исследователь Нед Ричард Лебов¹⁴.

В основе рассуждений Фукидида о великих войнах за гегемонию лежит его представление о природе человека. По его мнению, природа человека неизменна и в силу этого, исторические события будут повторяться в будущем вновь и вновь. Здесь следует сделать существенную оговорку. Если тезис о природе человек, в самом деле, лег в основу «классического» реализма, то неореализм занял другую позицию. Неореализм, как известно, видит свое главное отличие от реализма «классического» в наличии теории, снижающей значение чуть ли не всех факторов, за исключением структуры международной системы, т.е. представления о том, как именно в ней распределена сила и, соот-

ветственно, как это распределение будет влиять на действия государств. Например, Джон Миршаймер, как и другие неореалисты, в книге «Трагедия политики великих держав» доказывал, что анархическая система создает сильные голодные государства, каждое из которых будет пытаться утвердить себя в качестве региональных и глобальных гегемонов¹⁵. Неореализм отбросил идею о том, что природа человека в состоянии объяснить сущностно конфликтную природу международных отношений. Понятно, что при таком подходе Фукидид значительно труднее вписывался в неореализм, констатирует, например, Роберт Гилпин¹⁶.

Но вернемся к Фукидиду. Под влиянием Гиппократата, он, подобно лекарю, вскрывает болезни полиса, типические патологии в природе человека. Отсюда и общий закон исторического развития в его трактовке – в человеке изначально заложено стремление угнетать окружающих, ибо сильный всегда господствует над слабым. Но это не означает, что человеческая природа закалилась и вообще не поддается изменениям. Оставаясь по сути своей, прежде всего эгоистической, она может претерпевать определенные метаморфозы, направленные либо к вырождению и «зверству», либо к облагораживанию (как у Перикла под влиянием стремления к свободе). В любом случае, благородные человеческие качества – доблесть, гуманность, честь вырождаются под влиянием аморальной исторической действительности. Но это скорее внешние изменения, по сути же своей, природа человека всегда неизменна. Поэтому антисоциальный характер природы человека противоположен праву как человеческому установлению, созданному ради сдерживания политической системой человеческого эгоизма, корыстолюбия, честолюбия и жадности. Поэтому в войне, писал Фукидид, «человеческая природа, которой свойственно впадать в преступления, вопреки законам, взяла верх <...> и с наслаждением проявляла себя, господствуя

¹⁴ Lebow, Richard N. *The Tragic Vision of Politics*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

¹⁵ Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*. - NY: Norton, 2001.

¹⁶ Gilpin, Robert. *The Theory of Hegemonic War* // *The Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 18, No. 4, *The Origin and Prevention of Major Wars*, Spring, 1988. - P. 593, 599, 605.

над правом и враждую с лицами, имеющими превосходство»¹⁷.

Поскольку природа человека всегда опирается на три фундаментальные страсти – интерес, гордость и, превыше всего, – страх, люди и в будущем будут стремиться к тому, чтобы увеличить свое богатство и силу до тех пределов, которые допустят другие люди, обуреваемыми теми же страстями¹⁸.

Итак, конфликтность заложена в самой природе человека. Отсюда – значение, придаваемое собственному интересу. Уже во время дебатов в Спарте, описанных в книге Первой, афиняне указывают на превосходство собственного интереса над моралью, ибо последняя никогда не способна отвлечь людей от использования возможности увеличить преимущества, вытекающие из превосходства в силе¹⁹. «Искони так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему <...> да и вы сами в недавнее время думали так же. Теперь вы, думая о своей выгоде, ссылаетесь на справедливость. Но соображения справедливости никогда еще не заставляли упустить представившийся случай расширить свое могущество с помощью силы»²⁰.

Этот тезис был прямо перенесен в политический реализм XX века. Реалисты взяли у Фукидида крайне пессимистический подход к природе человека, представляя его как эгоиста, властолюбца, способного на всякое зло в отсутствие централизованного правления, собственные интересы которого всегда важнее для него любых моральных принципов, или, говоря словами Ганса Моргентау,

человеку присущ «эгоизм и *animus dominandi* (жажда власти – лат.)»²¹. Реализм во всех своих вариантах, подчеркивает современный американский исследователь Роберт Гилпин, предполагает «сущностно конфликтную природу международных отношений» и «приоритет во всей политической жизни силы и безопасности в человеческих мотивациях»²². Между тем, у Фукидида все гораздо сложнее: природе человека, в его редакции, свойственно как стремление к силе и доминированию, так и страсть к свободе и независимости. Советский эллинист Г.А. Стратановский, один из лучших знатоков Фукидида, выдвинул предположение, что целью Мелийского диалога было не столько возвеличивание силы за счет морали, сколько «контраст между высокими идеалами Надгробной речи Перикла и открытым цинизмом его преемников»²³.

Что же касается древнегреческого понимания гордости, то оно существенно отличалось от ее современной интерпретации, поскольку государство – унитарный, рациональный актор, к которой политические реалисты применяют это понятие, – продукт эпохи Модерна. В то время как герменевтическое прочтение «Илиады» и других источников позволяет представить гордость, прежде всего, как стремление к славе, что, понятно, отнюдь не одно и то же. Более того, политические реалисты зачастую употребляют другой термин – «престиж», что, по-видимому, еще дальше от оригинала. Такие «классики» политического реализма как Ганс Моргентау и Роберт Гилпин писали о престиже с позиции жесткой инструментальности, престиж никогда не подавался ими как цель в себе, а лишь как средство обеспечения национальных интересов.

Наконец, страх, значение которого огромно в природе человека. Фукидид прямо гово-

¹⁷ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва, 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. I, III, 84, 2. [Thucydides. Op.cit. – T. I, III, 84, 2].

¹⁸ См. Morgenthau, Hans J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace, 5th ed. New York: Knopf, 1978; Gilpin, Robert. War and Change in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1981.

¹⁹ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. I. С. 76. [Thucydides. Op.cit. – T. I. С. 76].

²⁰ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 588 стр. – Т. I. С. 75). [Thucydides. Op.cit. – T. I. С. 75].

²¹ Morgenthau, Hans. Scientific Man versus Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1974. – P. 191.

²² Gilpin, Robert G. The Richness of the Tradition of Political Realism, in Robert O. Keohane (ed.) Neorealism and Its Critics. New York: Columbia University Press, 1986, – Pp. 301–21; 304–5.

²³ Стратановский Г.А. Примечания к «Истории» Фукидида. – М, 1981. – С. 492. [Stratanovskii G.A. Primechaniia k «Istorii» Fukidida. – M, 1981. – S. 492].

рит о том, что Спарта начала войну вследствие страха, который ей внушала растущая мощь Афин. Он подчеркивал, что «рост силы Афин и беспокойство, которое это вызвало в Спарте, сделало войну неизбежной»²⁴, то есть не события в Эпидамне и Потидее, а именно возвышение афинского могущества, возбудило в лакедемонянах страх и зависть²⁵). Именно страх оказывается главной причиной войны. Фукидид рассматривает страх как одну из универсальных характеристик человека, вытекающей из его злобной природы, поэтому война – неизбежная характеристика международной системы. По мере дестабилизации баланса сил, являющегося, по Фукидиду, единственным средством обеспечения мира, по мере усиления Афин и роста ощущения отсутствия безопасности у спартанцев, стремление последних защитить себя также возрастало. У политических реалистов эта мысль будет впоследствии выражена предельно просто: без баланса сил мир невозможен в принципе, так как он сравнительно разрушается, что, собственно, и становится причиной войны.

Для реалистов, а особенно, неореалистов, анархичность состояния международной системы – чуть ли не ключевая категория. Отсутствие централизованно принимаемых решений приводит к тому, что каждое государство само ответственно за собственное выживание и свободно определяет собственные интересы и обеспечивает свою силу. Анархия, таким образом, приводит к ситуации, в которой сила играет важнейшую роль в определении характера межгосударственных отношений. Или, говоря словами афинских посланников в Мелосе, в отсутствие общего авторитета (центра власти), который может принудить к порядку, «независимые государства могут сохраниться, когда они сильны»²⁶.

Фукидид не отказывался от правовых норм во взаимодействии между государствами, но справедливость, по его мнению, «имеет решающее значение только при равенстве принуждения для обеих сторон; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает»²⁷. «Равное принуждение», поясняет современный юрист Кораб-Карпович, означает нахождение под действием закона, т.е. подчинение общему авторитету, издающему законы²⁸. Поскольку такой авторитет в межгосударственной сфере не существует, то Афиняне утверждали, что имеют место беззаконные условия – международная анархия, поэтому здесь действует исключительно право сильного, доминирующего над более слабым. Тем самым, они фактически отождествили право и мощь и полностью исключили соображения справедливости из сферы международных отношений.

Соответственно, проблема безопасности становится наиболее важной в деятельности государства. Ради обеспечения безопасности государства стремятся увеличить собственную силу и принимают участие в игре баланса сил с тем, чтобы обеспечить «сдерживание» потенциального агрессора. Войны ведутся для того, чтобы не позволить конкурирующим государствам слишком увеличить свою военную мощь. Иными словами, Фукидид ясно указал на их, по сути дела, превентивный характер.

Древние греки оставили в наследство будущим «реалистам» представление о трех типах разума в международных делах: инструментальном разуме, практическом разуме, и наконец, мудрости. Инструментальный разум, иначе называемый стратегическим мышлением, используется акторами ради достижения поставленных целей. Практический разум поощряет акторов на переосмысление своих целей, или накладывает ограничения на способы их достижения на основе опыта, собственного или благоприобретен-

²⁴ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. I. С. 23. [Thucydides. Op.cit. – Т. I. S. 23].

²⁵ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. I. С. 23; Т. II. С. 8. [Thucydides. Op.cit. – Т. I. S. 23; Т. II. S. 8].

²⁶ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. 5. С. 97. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. S. 97].

²⁷ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. 5. С. 89. [Thucydides. Op.cit. – Т. 5. S. 89].

²⁸ Korab-Karpowicz, Włodzimierz J. How International Relations Theorists Can Benefit by Reading Thucydides. The Monist, 2006. - № 89(2). - P.234.

ного из каких-то источников. Мудрость также заставляет акторов пересмотреть цели, однако, не под влиянием конъюнктурных моментов, а вследствие целостного представления о мире и своем месте в нем.

Современная теория международных отношений, как правило, ограничивается инструментальным разумом, и в значительной степени игнорирует эмоциональную сторону принятия решений (у Фукидида, страсть). Большинство политологов и психологов, занимающихся этой проблемой, в основном обращают внимание только на то, в какой степени страсть мешает принятию рациональных политических решений. Однако еще древние греки, включая Фукидида, хорошо понимали, что страсть может играть позитивную, а часто и сущностно необходимую роль при принятии даже наиболее взвешенных и продуманных решений.

Вместе с тем, использование разных типов разума в сочетании с различными уровнями страсти открывает широкий спектр возможностей. В истории Пелопонесской войны мы находим множество свидетельств баланса сил, нападений, жадности, амбиций, зависти, нарушений данного слова, интриг и наглого утверждения собственных интересов. И, разумеется, все это так или иначе связано с войной. Именно в этом реалисты увидели динамику отношений между городами-государствами древней Греции, пронизывающую весь текст «Истории...». То есть в международных отношениях, заключают современные «реалисты», чаще всего можно встретить негативную страсть (страх, подозрительность, враждебность и т.д.) и лишь изредка позитивную аффектацию (уважение, дружба), как правило, следствия применения практического разума. Таким образом, негативная аффектация в принципе присуща миру, построенному на страхе. Однако сам Фукидид подчеркивал, разумеется, другими словами, в том числе в Милейском диалоге, что негативная аффектация деструктивна по своим последствиям и не может быть нормой ни в каком обществе. И вот здесь происходит расхождение между собственной Фукидидовой и его политико-реалистскими интерпретаторами. Реализм призывает политических лидеров воспринимать эту патологию как норму, что существенно затрудняет выстраи-

вание отношений сотрудничества с другими государствами²⁹.

Практический разум в сочетании с позитивными последствиями сотрудничества позволяют избежать «дилеммы безопасности». Это происходит в силу того, что внимание лиц, принимающих решения, направляется на преимущества сотрудничества или даже конфликта, но который происходит не стихийно, а в соответствии с четко согласованными процедурами. В подобном контексте инструментальный разум не утрачивает своего значения, наоборот, он формируется под влиянием ценностей и склонностей акторов, и это всегда так. Как следствие, он в меньшей степени ограничивается правилами и оказывается менее деструктивным по своим результатам. Политические реалисты и другие сторонники позитивистской методологии делают ошибку, рассматривая инструментальный разум как универсальный и свободный от ценностей. Кстати, у Фукидида, понятно, ничего подобного не было. Решения, которые он описывает, всегда связаны с ценностями или привязанностями действующих лиц.

Отсюда происходит расхождение между оригиналом и интерпретациями относительно мотивов и причин войн и конфликтов. Фукидид четко противопоставляет повод и глубинные причины Пелопонесской войны, отвергая практически все события, непосредственно предшествовавшие ее началу, в качестве достаточных оснований для конфликта. Он видел причину войны в изменяющемся распределении сил между двумя блоками греческих городов-государств: Делийской Лиги под руководством Афин, и Пелопонесской Лиги под руководством Спарты. Именно рост афинской силы заставил спартанцев опасаться за собственную безопасность и, поэтому, побудил их начать войну.

В «политическом реализме» нет единого понимания проблемы мотивации. Некоторые реалисты, например, Ганс Моргентау, утверждают, что мы никогда не знаем доподлинно истинные мотивы зачинателей конфликта. Он писал: «Мотивы – наиболее

²⁹ Lebow, Richard N. The Long Peace, the End of the Cold War, and the Failure of Realism // International Organization, Spring 1994, №48. - Pp. 249-277.

иллюзорные из психологических понятий <...> будучи искаженными, часто вплоть до неузнаваемости, как благодаря интересам, так и эмоциям и актора, и наблюдателя. Знаем ли мы, что представляют собой наши собственные мотивы? И что мы знаем о мотивах других»? Однако с этим соглашаются далеко не все реалисты. На другом полюсе – сторонники противоположной позиции, например, Дж. Блэни, утверждающий, что мы всегда знаем, что именно мотивирует конфликт: «Одно обобщение относительно целей войны может быть уверенно сформулировано. Цели – это просто варианты силы. Тщеславие национализма, воля к распространению идеологии, защита соплеменников в сопредельных землях, стремление расширить территорию или создать условия для торговли, месть за поражение или оскорбление, страстное желание добиться большей национальной силы или независимости, желание произвести впечатление или сementировать союзы – все это представляет собой силу в разных оболочках. Конфликтные цели конкурирующих государств – это всегда конфликты силы»³⁰.

Среди множества уроков, которые Фукидид преподает в «Истории Пелопонесской войны», есть и такой: то, с чего начинается война, не является ее причиной, – убеждены, в том числе, и современные реалисты. «Как известно, Пелопонесская война разгорелась в 5-м веке до н.э. из-за споров об островах Коркира на северо-западе Греции и Потидея на северо-востоке. Сами по себе эти территории не представляли стратегической ценности. Однако полагать, что войны ведут только из-за прежних территорий, означает плохо читать Фукидиду. Пелопонесская война началась НА этих островах, но не ИЗ-ЗА них. Истинной же причиной, о которой он пишет в Первой книге своей восьмитомной истории, стало растущее превосходство Афин на море и то беспокойство, которое оно вызвало у Спарты и ее союзников. Например, сегодня недалекие аналитики скажут, что причиной конфликта в Южно-Китайском море явля-

ются нефтяные запасы, морские пути и т.д. Фукидид и Гоббс сказали бы, что нет – растущая военно-морская мощь Китая»³¹.

Практически все реалисты сходятся во мнении о том, что главной мотивацией лидера должна быть максимизация силы и только во вторую очередь достижение справедливости. В любом случае, ставка на силу противопоставляется справедливости. Высшим проявлением морали становится умеренность в использовании силы³².

Посмотрим, какую интерпретацию это получило в трудах реалистов. Так, Роберт Гилпин в «Теории гегемонистской войны» писал: «... по Фукидиду великая гегемонистская война, подобно болезни, следует едва различимому и повторяющемуся курсу. Исходная фаза – это относительно стабильная международная система, характеризующаяся иерархической упорядоченностью с доминирующей или гегемонистской страной. Со временем сила одного из подчиненных государств начинает диспропорционально возрастать; по мере развития оно приходит в конфликт с гегемонистским государством. Борьба между этими конкурентами и их приобретенными союзниками приводит к bipolarизации системы. На языке теории игр система становится игрой с нулевой ситуацией, в которой приобретение одной стороны обязательно означает потерю для другой. Как только происходит bipolarизация, система становится все более нестабильной и даже небольшое событие может запустить кризис и превратиться в крупный конфликт; разрешение этого конфликта определяет нового гегемона и иерархию власти в системе»³³. Из книги в книгу, из учебника в учебник воспроизводится также тезис о том, что война, по Фукидиду, неизбежный результат раскола

³⁰ Цит. по: Welch, David. Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides? // Review of International Studies, 2003, № 29. - P.306.

³¹ Каплан Р. Происхождение войн. // The Prime Russian Magazine. – 2013. – № 2(17). Март-апрель. – С. 33–34. [Kaplan Rt. Proischozhdenie woin // The Prime Russian Magazine. - 2013. - № 2(17). March-april. - S. 33-34].

³² Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887-1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. I, I, 76, 3–4. [Thucydides. Op.cit. – T.I, 76, 3-4].

³³ Gilpin, Robert. The Theory of Hegemonic War.// The Journal of Interdisciplinary History, Vol. 18, No. 4, The Origin and Prevention of Major Wars, Spring, 1988. - P. 593.

древнегреческого мира на два блока. Это тезис теперь получил поддержку с помощью достижений современных социальных наук. Ситуацию во время Пелопонесской войны часто обозначают как «биполярную» – идея, взятая из естественных наук, так сказать, дань позитивизму, которой в то время, конечно же, еще не могло быть.

Блестящие победы при Марафоне и Саламине, «золотой век» афинской демократии при Перикле – все это уже несло в себе зародыш будущих трагических событий. Мир – неустойчивое состояние. Фукидид вводит понятие «стасис», понимая под ним восстания и гражданские беспорядки, совокупность симптомов, указывающих на внутренние нарушения как в личности человека, так и в государстве.

Однако такой «беспорядок» – своего рода передышка, поскольку в этот период жизнь не улучшается, и не развивается³⁴. Во времена стасиса политическое сообщество переживает разрушение законов полиса, нарушения высшего, божественного порядка (неуважение к богам становится чуть ли не нормой), распад добрых и дружественных отношений во имя приверженности какой-то из противостоящих групп. Однако, как только какое-то одно государство усиливается, мир (при всех его недостатках) нарушается, так как природа человека диктует стремление к превосходству со стороны главного соперника. Поэтому война для реалистов – это норма. Эта мысль всплывает в истории вновь и вновь. Не случайно такой любитель парадоксов как английский писатель Оскар Уайльд писал, что до тех пор, пока война будет считаться злом, у нее всегда будут привлекательные стороны; и только тогда, когда ее сочтут вульгарной, она утратит свою популярность. Похоже, это еще одна констатация неизменности природы человека.

Суммируем взгляды Фукидида в трактовке одного из современных политических реалистов: Кто бы, за исключением профессиональных историков, помнил сегодня эту войну, хотя она и была одним из величай-

ших событий для Эллады, если бы Фукидид не сформулировал на ее примере основные принципы международных отношений в будущей трактовке политического реализма:

- главным аргументом в конфликте между государствами является сила;
- мотивами действий государств выступают честь, амбиции и страх утраты безопасности;
- насилие опирается на природу человека;
- конечно, для права и морали также находится место в международных отношениях, однако только в мирное время, пока конфликт не принял открытого характера.

Ибо, подобно тому, как Геродот – отец истории, Фукидид – отец реализма³⁵.

В любом случае, вклад Фукидида в критический анализ и рационализм огромен: он не просто стремился «отыскать истину», он вел свой поиск на основании достоверных свидетельств и документов, многократно перепроверяя полученную информацию. Опираясь на рационалистические идеи Анаксагора и философской школы софистов, он акцентировал идею постепенности развития, раскрыл смысл причинно-следственных связей, определенно противопоставлял причины и поводы войны или случайные обстоятельства.

* * *

Довольно вольная интерпретация Фукидида, по-видимому, началась с Томаса Гоббса, одной из первых научных работ которого был перевод его «Истории...»³⁶. Похоже, что именно Гоббс был в немалой степени ответственен за упрощение и даже выхолащивание идей Фукидида, что воодушевило более поздних теоретиков, вооруженных достижениями естественных наук, пойти еще дальше по пути фиксации нескольких простых истин, первоначально сформулированных древнегреческим исто-

³⁴ Фукидид. История. Пер. Ф.Г. Мищенко. В 2-х тт. Москва. 1887–1888. Переиздание: Санкт-Петербург: Наука, 1999. – Т. 3. С. 82. [Thucydides. Op.cit. – Т. 3. С. 82]

³⁵ Каплан, Роберт. Происхождение войн // The Prime Russian Magazine, 2013. – № 2(17). Март-апрель. – С. 33–34. [Kaplan R. Proischozhdenie woin // The Prime Russian Magazine. - 2013. - № 2(17). March-April. - P. 33-34].

³⁶ Thucydides. The Peloponessian War. Trans. By Thomas Hobbes. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1959.

риком³⁷. Гоббс выстроил свою теорию на основе идеи конфликтности как нормы, войны всех против всех – *bellum omnium contra omnes*. «Две фундаментальные инновации, которые могут быть приписаны Гоббсу, – позднее напишет Лео Штраус, – подчинение закона силе и признание важного значения идеи суверенитета, тесно взаимосвязаны. Можно увидеть их общее происхождение (в том числе, от Фукидида? – *Т.А.*), когда вновь прослеживаются условия, сделавшие возможной проблему суверенитета»³⁸. Но дело не только в этом. Не секрет, что Гоббс прямо искажал Фукидида, когда это служило его политическим интересам. Так, он представил греческого историка чуть ли не противником демократии и сторонником твердой власти, хотя Фукидид во многих местах книги восхищался Периклом и временем его правления, осуждая олигархический переворот в Афинах. Но это Гоббс, как и многие последующие интерпретаторы, предпочел не придать большого значения.

В то же время, у Фукидида и Гоббса много как совпадений, так и различий. Оба мыслителя не отрицают наличия морали в международных отношениях (в отличие от более поздних реалистов, для которых международная система часто представляла как свободная от моральных установлений и ценностей). Фукидид более скептичен, нежели Гоббс, но даже он признавал значение морали, рассказывая о взглядах спартанцев на международную систему³⁹.

Эстафета опоры на Фукидида была позднее подхвачена Дэвидом Юмом⁴⁰ и, наконец, политическими реалистами от «классиков» – Ганса Моргентау, Раймона Арона и других, и вплоть до «неореалистов»

или «структурных реалистов» в наши дни⁴¹. Даже в последнее время неореалисты или структурные реалисты обращаются к Фукидиду, усматривая в его идеях основания для «баланса сил» как ключевого ядра их теорий. Они усмотрели в Пелопонесской войне урок системных изменений, т.е. перемен в иерархии и контроле в международной политической системе. Значение выводов Фукидида однозначно фиксируется, например, в статье «Политический реализм в международных отношениях» в знаменитой Стэнфордской энциклопедии философии⁴². Помимо таких реалистов, как Р. Гилпин и К. Уолтц, стоит назвать также известного политического мыслителя Лео Штрауса, также подчеркивавшего возможность использования выводов из «Истории...» в современной ситуации в качестве законов политики, или «скрытых универсалий», служивших основой для внешней политики США и их доктрины безопасности после окончания Второй мировой войны, особенно в годы «холодной войны». Их он назвал «политической философией Фукидида», в самом деле, ставшей философским основанием для множества теоретических работ.

Однако со Штраусом также все не так-то просто. Хотя в научной литературе он постоянно провозглашается «ястребом», сторонником беллицизма, в том числе, и под влиянием Фукидида, некоторые исследователи видят картину по-другому. Например, английский теоретик Роберт Хаусе, прочитавший не только широко известные опубликованные книги Лео Штрауса, но и малоизвестные тексты лекций философа. Штраус обратил внимание на то, что Клеон – «самый жестокий человек в Афинах» и одновременно «наиболее популярный среди простых людей» ратовал за коллективное наказание милейцев, поскольку и правые, и виноватые равно заслуживают смерти. Диадот возражает ему, что речь идет не о вине, а о пользе, о том, как сделать милейцев полезными для Афин и их имперского правления. Штраус указал, что идея коллек-

³⁷ Welsh, David A. Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides? // *Review of International Studies*, 2003. - № 29. - P. 309.

³⁸ Strauss, Leo. *Political Philosophy of Hobbes. Its Basis and its Genesis*. Chicago: Chicago University Press, 1952. - P.158.

³⁹ Ahrensdoerf, Peter. "Thucydides" Realist Critique of Realism // *Polity*, 1997, Vol. 2, № 2. - Pp. 231-265.

⁴⁰ Hume, David. *Of the Balance of Power* // Hume, David. *Political Writings*. Ed. by Stuart Warner and Donald Livingston. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1994.

⁴¹ *Roots of Realism*. Ed. by Benjamin Frankel. London: Frank Cass, 1996.

⁴² См.: *Political Realism in International Relations* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2013. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/realism-intl-relations>

тивной вины появилась на вершине афинской цивилизации, в то время как речь Диадота – пример «просвещенного афинского гуманизма». Р. Хаусе делает из сказанного дальнейший вывод: «Речь предполагает возможность того, что специфическая еврейская концепция *“t'shivah”*⁴³ проистекала из опыта человечности и условий человеческого существования, которые, как минимум, были обычными в греческом мире, равно как и появляющаяся религия – потенциально универсальная»⁴⁴. Именно гуманизм Фукидида, прорывающийся через его стандартный образ в научной литературе, позволяет сделать вывод о том, что роль историка – в предчувствии потенциальной связи между Афинами и Иерусалимом. Таким образом, речь идет в данном случае уже не только об интерпретации Фукидида, но также Лео Штрауса, а, по-видимому, и их интерпретаторов – своего рода тройной интерпретации.

Изучению «поляризации» в эллинистическом мире отдали должное и другие политические реалисты, в частности, Луис Халле, Джозеф Най, Роберт Кохейн и др. Майкл Доул даже констатировал, что «для большинства ученых, работающих в международной политике, думать как Реалист значит думать как думал первоначально философ и историк Фукидид⁴⁵». Наконец, стоит также упомянуть Генри Киссинджера, неоднократно обращавшегося к опыту Пелопонесской войны, как в своей докторской диссертации, так и будучи Советником по национальной безопасности и Государственным секретарем США в 1970-е гг. Он также не избежал искуса принять участие в растаскивании фрагментов Фукидида на отдельные уроки. Когда он говорил в период «холодной войны», называя СССР «Спартой нашего времени» (имелось в виду, что, разумеется, аналогом Афин выступают США), или гарнизонным государством, журналист

не удержался, чтобы не спросить: «Означает ли это, что мы обречены проиграть?»⁴⁶. «Малые войны», даже такие как война во Вьетнаме или в Ираке неоднократно сравнивали с Сицилийской экспедицией. Есть признаки того, что Фукидид может снова претерпеть новую вульгаризацию в контексте сегодняшнего ухудшения отношений между Россией и Западом.

Нужно, однако, оговориться, что реализм представлен сегодня во множестве течений, которые не всегда комфортно сосуществуют друг с другом, и, соответственно, и влияние Фукидида не в каждом случае равноценно. Тем не менее, большинство теоретиков-реалистов хорошо усвоили урок относительно того, что сила тождественна праву. Они признают, что хотя у этики есть собственная адекватная сфера внутри государства, она не распространяется на межгосударственные отношения, поэтому попытки регулировать межгосударственные отношения на основе сходной перцепции приводят к узакониванию интервенций против суверенных государств. Если перефразировать слова Ганса Моргентау, нет ничего более опасного, чем смешивание морали с внешней политикой. Но именно это и происходило в годы «холодной войны», когда стремление свести противостояние с СССР к «игре с нулевой суммой» на основе доктрины баланса сил, приводило к многочисленным интервенциям в таких регионах как Латинская Америка, Ближний Восток, Азия, Средиземноморье с целью противодействия коммунистической угрозе. Значение этих интервенций для американских национальных интересов превосходило всякое чувство «аморальности», которое могло возникнуть вследствие поддержки нередко жестоких и крайне недемократичных режимов. Или иначе, поддержка принципов гражданского общества внутри страны (также вызывающая немало вопросов) отнюдь не распространялась на другие культуры и страны, если это грозило подрыву баланса сил.

Еще раз подчеркнем, что сам Фукидид отнюдь не был сторонником аморализма в международной сфере. Он всегда занимал противоположную позицию, когда дело

⁴³ Понятие «Шивах» обозначает семидневный плач близких родственников по умершему. Он имеет две цели: восславление умершего и помощь плакальщикам пережить потерю.

⁴⁴ Howse, Robert. Leo Strauss: Man of Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. - Pp.138-139.

⁴⁵ Doyle, Michael. Thucydidean Realism // Review of International Studies, July 1990, № 16. - P.223.

⁴⁶ National Interest, 2014, May, 2.

касалось взаимоотношений между индивидами и характеристик отдельных людей. Для него мораль была исключительно важна. В дебатах, предшествующих Сицилийской экспедиции, он восхвалял Никия за его высокую мораль, осуждал аморализм Алкивиада.

Следует признать, что многое в реалистских воззрениях, в самом деле, резонирует сказанное Фукидидом. Доктрина реализма опирается на ряд пассажей «классического» текста, а также восприняла общую характеристику динамики взаимоотношений между государствами, раскрываемую по тексту «Истории...». Тем не менее, очевидна и односторонность: реалисты не заметили или не уделили должного внимания таким проблемам как мораль, справедливость, легитимность, сочувствие, нормы, институты и т.д., что составляет важную часть «трансгисторических истин» Фукидида. Зато внимание исследователей обратилось к внутриаполитическим структурам, политическим режимам древней Греции, демократии, национальному характеру, идеологии и т.д., т.е. к контексту, в котором происходили описанные историком события. Некоторые конструктивисты даже усмотрели у Фукидида вполне конструктивистскую методологию.

Остается признать, что многие отечественные авторы также опираются в своих рассуждениях на древнегреческого историка. Например, российский философ Ф.Х. Кессиди, вслед за Игорем Джаданом – популярным автором «Русского журнала», усмотрел связь между Фукидидом и Н.Я. Данилевским, С. Хантингтоном с его идеей «столкновения цивилизаций», и даже принципами социалистического соревнования в Советское время⁴⁷. Кроме того, приписываемые самому Фукидиду высказывания и аргументы очень часто были словами «героев» его хроники, и он отнюдь не часто комментировал ту или иную позицию.

Где пределы использования «классических» текстов для доказательства собственных взглядов и существуют ли они? Как мне

⁴⁷ Кессиди Ф.Х. «Мелосский диалог» или политика в позиции силы // Философия и общество. – 2007. – №2. – С. 125–127. [Kessidi Ph.Ch. “Melosky Dialogue”, ili politika s pozitsyi sily // Philosophia i obschestvo, 2007. - № 2. - S.125-127].

кажется, стоит прислушаться к предупреждению американского исследователя Дэвида Уэлша: «Мы должны перестать использовать его (Фукидида – А.Т.) по собственной воле, заставляя его участвовать в дебатах, в которых он бы мало чего понял и которые еще меньше его бы волновали. Мы должны прекратить делать из него зеркало для наших собственных предположений, убеждений и искажений. Мы должны остановиться в своей конкуренции с его санкцией. И, возможно, самое важное, мы должны перестать пытаться ограничить его хрупкую и утонченную работу, превращая ее в серию упрощенных банальностей»⁴⁸.

Очевидно, что современные международные отношения, требуют переосмысления в том числе и с точки зрения «классического» наследия. Причем это относится не только к сторонникам других парадигм, но и самим реалистам. Так, Л. Джонсон Бэгби подчеркивает: «Фукидид может направить нас в наших исследованиях за пределы реализма – и, в особенности, за границы неореализма»⁴⁹.

Хотя, безусловно, во взаимоотношениях между государствами и поведении лидеров на международной сцене присутствуют некоторые константы, возможности взаимодействия, сотрудничества и даже конфликтов предстают сегодня зачастую в новых, ранее неизвестных формах. В этих случаях обращение к истории – это всего лишь урок, но отнюдь не предписание. Только в подобной оптике рассуждения Фукидида, в самом деле, могут служить мудростью «на все времена», как сам он этого хотел.

Понятно, что сам Фукидид не мог иметь никакого отношения к последующим интерпретациям и искажениям его взглядов. Хотя, по-видимому, он, в самом деле, был интеллектуальным предтечей доминирующих сегодня в международных отношениях пара-

⁴⁸ Welsh, David A. Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides? // Review of International Studies. - 2003. - № 29. - P. 302.

⁴⁹ Johnson, Bagby L. The Use and Abuse of Thucydides in International Relations // International Organization, Winter 1994, Vol.48, № 1. - P.133.

дигм, мы должны все же постоянно иметь в виду, что сами эти парадигмы в немалой степени являются продуктом специфического прочтения его текстов, своего рода самореферентной герменевтикой, сложившейся

за прошедшие столетия. В конце концов, как бы ни хотелось защитить Фукидида, «классик» потому и «классик», что каждый находит в его трудах нечто близкое своим собственным представлениям.

Перечитывая «классиков»: Фукидид и политический реализм

Татьяна Александровна Алексеева, д.филос.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ, Зав. Кафедрой политической теории
МГИМО (У) МИД РФ, e-mail: ataleks@mail.ru

Аннотация: Тема статьи – широко распространившиеся обращения к Фукидиду и его знаменитой «Истории Peloponnesian War» как своего рода «санкции» на научную респектабельность теоретико-международных исследований. Такой подход сформировался во многом благодаря Томасу Гоббсу и «политическому реализму» как одной из наиболее популярных парадигм в теории международных отношений. «Интерпретация интерпретаций» показывает, что Фукидид во многих случаях плохо прочитан и не всегда правильно понят, а его выводы вырываются из контекста, получая излишне расширительное толкование. А это привело к упрощению и даже искажению его идей. На наш взгляд, «классики» заслуживают более бережного отношения, а ссылки на их труды как минимум должны быть взвешенными и осмысленными и не носить автоматического характера.

Ключевые слова: реализм, международные отношения, политическая философия.

Re-reading the “Classics”: Thucydides and Political Realism

Tatiana Alexandrovna Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor,
Distinguished Scholar of the Russian Federation, Political Theory Chair
of the MGIMO-University, e-mail: ataleks@mail.ru

Abstract: The theme of the article – a widely spread appealing to Thucydides and his famous “History of the Peloponnesian War” as some sort of the “sanctions” for scientific respectability of the theoretical studies of international relations. Such an attitude was formed under the influence of Thomas Hobbes and later supported by “political realism” as one of the most popular paradigms in the theory of international relations. The “interpretation of the interpretations” demonstrates, that the texts of Thucydides are often badly read and not always rightly understood, his conclusions are eradicated out of context, and they got too extended interpretation. The result many of his ideas are oversimplified or even misrepresented or distorted. From our point of view, the “classics” deserve a more cautious attitude, and the quoting of their works ought to be more weighted and thought of, at the very least nor to be automatic.

Key words: realism, international relations, political philosophy.

NEMESIS: KEEPING RUSSIA AN ENEMY THROUGH COLD WAR PATHOLOGIES

Matthew Crosston

Introduction

There have been numerous articles on the authoritarian strengthening of power in Russia and Putin's backsliding from democracy throughout the 2000's. Russian positions and initiatives in Syria and Ukraine have been portrayed within media venues across the West as evidence of quasi-Soviet revanchism. In the midst of this there has been very little consideration of the impact of American positioning on the Russian perspective. This article examines that influence, whether it is the openly adversarial neoconservative foundation under George Bush or the Republican Party in general, the so-called 'reset' interaction under Barack Obama, or American foreign policy analysts and academics meant to be experts on Russia. What will be exposed is a fairly uninspired and non-innovative American policy that not only fails to consider Russian initiatives from Russia's own national security interests, but aims to contain Russia within a continued Cold War box that not only sours opportunities for collaboration but guarantees the absence of partnership in important global security areas. The idea that Russia's contemporary positions have not evolved beyond the residue of Cold War mentalities seems to be more a product of scholars and practitioners in the West rather than in the institutions of Russia itself. This piece examines the consequences of imagining Russia only as nemesis and whether the West is more responsible for this Cold War pathology than it is willing to admit.

Unlike many pundits which have considered Russia a superpower also-ran since the dissolution of the Soviet Union, or even those who simply bristle at the idea of giving Russia

a major global platform on international issues today, the fact of the matter is that Russia does indeed still matter: it will remain a key United Nations member; a new entrant into the World Trade Organization; a formidable military power; and a significant player with countries that overall tend to be unfriendly or openly adversarial to the United States. America, however, seems either reluctant to accept this reality and thus cuts itself off from creating new dialogues with Russia. There seems to be an element of purposeful disdain in the way Russia is viewed, analyzed, and engaged. Russia most certainly is not blameless and at times only intensifies its bravado, apparently in a fairly petulant display meant to encourage American irritation. Perhaps most disappointing, it will be shown that two of the biggest culprits in this process will be none other than the two respective presidents, Barack Obama and Vladimir Putin.

This article highlights some fairly intriguing and balanced work being done on Russian national security positions and how American interests endemically conflict with those policies. Unfortunately, these works are not getting near enough attention. Instead there is a public American perspective that seems wholly committed to portraying all Russian initiatives in the harshest light. Whether that portrayal accurately reflects on-the-ground reality sometimes seems recklessly uneven. The raging and disjointed conflict in Eastern Ukraine will be highlighted as a critical case example, where an obvious line of thought has been pushed and trumpeted regardless of ambiguous facts and vetted counter-information. When taken in sum, all of these angles reveal what should be considered a 'Cold War pathology' that is actually emanating most vociferously from the American side rather than the Russian. A final section will

elaborate how this pathology, based on historical legacies, may carry stark political consequences far into the future, leaving what could be a major potential partner no choice but to be the enemy.

Flaming Punditry and Cold War Triumphalism: Pushing an Adversarial Agenda

There are numerous think tanks, both in the United States and Russia, which are deeply concerned about the state of Russian-American relations. Places like the Moscow Carnegie Centre or the Brookings Institute in Washington, DC are regular go-to places for the media when seeking expert opinion and analysis. However, these centers have had a decided slant in allocating blame for the poor bilateral relations to the Russians, with the explanations ranging from the fairly simple to the rather mystically esoteric.

“If America did not exist, Russia would have to invent it. In a sense it already has: first as a dream, then as a nightmare. No other country looms so large in the Russian psyche. To Kremlin ideologists, the very concept of Russia’s sovereignty depends on being free of America’s influence. Anti-Americanism has long been a staple of Vladimir Putin, but it has undergone an important shift. Gone are the days when the Kremlin craved recognition and lashed out at the West for not recognizing Russia as one of its own. Now it neither pretends nor aspires to be like the West. Instead, it wants to exorcise all traces of American influence.”

It is not difficult to find this Freudian popcorn political psychology today when it comes to ‘analyzing’ Russian positions. It portrays the United States as the victim of a global oedipal complex when it comes to Russia: first Putin desperately craves daddy’s attention only to then defiantly and recklessly reject him, petulantly trying to run away from home. It is important to remark how most countries around the world would actually find it dangerously myopic and unhealthy to base its own foreign policy on earning the ‘approval’ of another country. With ease the far more standard approach to foreign policy formulation is to determine a country’s own national interests within its local security dilemma and craft an independent and fierce

strategy that can best achieve its optimal goals.

That normal process, ironically, is often described in America as a ‘shift’ away from craving attention to exorcising American demons. In reality there is no shift: Russia has always been about Russia, as it expects America to be about America, France to be about France, Nigeria to be about Nigeria, so forth and so on. What Russia usually finds so irksome is that when it does what everyone else does in terms of exercising global power, it is judged as psychologically unstable or deficient. What the American media outlets and think tank personalities fail to recognize is how much of this judgment is coming not from explicitly observable behavior or direct quotes from Russian actors but is placed upon Russia by the so-called experts themselves as they push a decidedly one-sided interpretation.

Russia is not supposed to aspire to be a copy of the West nor should it be allowing particular American influence over its policies. This is not said as anti-Americanism but rather as simple logic: America would never strive to copy another country and it most certainly would not allow another country to force-influence its foreign policy. So why should Russia? It is this very simple and straightforward question that seems to never be asked by what are otherwise august media institutions and impressive political think tanks in the West. Sometimes this tendency can reach near farcical levels. When Alexei Pushkov, the chairman of the Russian Parliament’s Foreign-relations Committee, received so much media attention here when he spoke about ridding Russia of dependence on America and even fining cinemas that showed too many foreign films, Western experts needed to recognize the absurd for absurdity. But they did not. Failure to do so is perplexing given Western analysis always laments the strengthening of Putin’s own presidential power system and decries how little power sits within the legislative or judiciary branches of Russian government. Thus, it is nonsensical to highlight parliamentarians as having real impact. But this happens often in America with no sense of diplomatic irony.

There also tends to be a failure to focus Russian analysis through the looking glass of reciprocity. What this means is that current

American thinking emphasizes how untrustworthy Moscow decision-makers are while completely ignoring the same Russian criticism lobbed back at Washington. President Putin openly and publicly discusses his lack of trust in American power and in the specific policy decisions emanating from the White House. It is this skepticism that supposedly forces his own lack of desire to engage the United States. There are simply too few voices at present in the West trying to analyze this mindset as a legitimate position. As far as can be determined, the only reason this is not analyzed more seriously is because the competing alternative – that Putin is untrustworthy and Moscow is the cause of all communication breakdown – is simply accepted as a *de facto* axiom.

In short, if the United States does not trust Russia, it is because of how Russia behaves on the global stage and its untrustworthy history. If Russia does not trust the United States, that is simply Russian posturing and a case of political transference, wanting to blame its own self-made problems on someone else so that it can avoid any accountability. The problem is how readily this is unquestioningly accepted and how few so-called Russian experts are willing to step forward and shine a light on such intellectual superficiality.

Perhaps one of the worst examples of this is the over-reliance on ‘insider knowledge’ without actually vetting the source’s objectivity. The recent exit of Alexander Sytnik as a senior fellow from the Russian Institute for Strategic Research is a prime example. Upon his exit early in 2015, Reshetnikov unleashed a torrent of information that, while interesting, really does not amount to more than just gossip and hearsay. Worse, American media and political analysts adopted it almost wholly as fact rather than as a possibly compromised source motivated to talk badly about Russia:

“The Russian analyst’s scathing remarks about the country’s leadership and about the community of government experts *confirm* that the concept of Russian supremacy has a strong hold on the Russian leadership. These supremacist views are not limited to the post-Soviet space, where ‘only ethnic Russians are capable of creating statehood.’ The West is also seen as decadent and somewhat spiritually inferior to

the Russians. The spread of such views in Russia, especially among the country’s leaders, precludes easy and quick solutions to the Ukrainian crisis, but rather suggests a relatively lengthy period of tensions between Russia and the West, even if Russian strongman Vladimir Putin were, for some reason, to step down.” (*Italics mine*)

The tendency is to use personal opinion as confirmation of fact when it should be recognized as biased material. The only confirmation is the affirming of preconceived ideas and a particular agenda that undermines any new attitudinal environment between Russia and the United States. As a consequence, it is easy to find ‘research’ proclaiming Russian goals that have never been publicly disclosed or addressing Putin objectives that have never been formally issued. This is not to say that Russia is incapable of having ulterior motives or secret agendas. Truly every country to one degree or another has them. The criticism here is the propensity in the Russian analytical sphere to assume such agendas and then cherry picking information to affirm the assumption. In pure methodological terms, selection bias is rife within the community that analyzes Russia, leaving those analyses decidedly weak.

This bias is only more pronounced when you leave academically-oriented think tanks/news monitors behind and observe within the corridors of American power. Traditionally, the focus has been on a decidedly anti-Russian fervor coming from the Republican Party. However, this analysis would argue that except for a very brief and ultimately dashed Obama ‘reset’, Russian-American relations within Washington, DC has always been dominated in both parties by a remarkably typical Republican mindset. That mindset sets a fairly stark characterization: Russia is an aggressive and untrustworthy dictatorship that is an innate contradiction to American values. As such it will inevitably always be a threat to U.S. interests and global security. By all indicators, Russia is a threat not just to itself and its immediate neighbors but to the entire world, masking its own domestic failings and instabilities with an aggressive foreign policy that will never acquiesce to a more peaceful and cooperative global community. Indeed, in an American political world that likes to specialize in ambiguous statements and plausible deniability, it is

rather remarkable how freely the American Congress seems to deride Russia:

– John Boehner: “It is increasingly evident that Russia is intent on expanding its boundaries and power through hostile acts.”

– Ted Poe: “The Russian bear is coming out of its cave because it got its feelings hurt because of the fall of the Soviet Union, and now it is trying to regain its territories.”

– Chris Smith: accused a “repressive Russian regime” of “coddling dictators” around the globe from Central Asia to Syria to Cuba and Venezuela.

– Trent Franks: After the conclusion of an arms deal between Russia and Venezuela, President Putin was called a “thugocrat” engaged in “dangerous alliances.”

Keep in mind all of the above statements were uttered before the 2014 crisis in Ukraine even broke out. So before the U.S. Congress received what is has subsequently considered undeniable and irrefutable proof of Russian aggression in Ukraine, it was already quite prepared to view Russia solely as a corrupt kleptocracy willfully abusing human rights, powered by an irrational and paranoid hatred of the United States as the sole driver of its foreign policy.

While much hope was initially placed on the so-called Obama ‘reset’ in American relations with Russia in 2008, the reality is that enthusiasm quickly faded and subsequently placed the Democratic Party as squarely adversarial in its attitude toward Russia as the Republicans. Indeed, in today’s environment of divided government, having a problem with Russia seems to be one of the few happy consensus points in Washington. The problem, of course, is how that consensus is built more upon partisan posturing: each side trying to one-up the other in order to earn foreign policy merit points. There are some voices that decry a picture being painted about Russia that combines inaccuracy with heightened rhetoric while purposely ignoring mitigating contexts and less negative observations. However, those voices are extremely rare and at the moment easily drowned out by the drumbeat of American derision.

This is why there is a decided chicken-and-egg quality when trying to unravel Russian-American relations. The general pes-

simism and pejorative characterizations that come from the U.S. Congress clearly have a negative influence on Putin’s strident bravado and dismissive arrogance toward America. This dilemma, however, is never an actual problem for American politicians: the Russian corrupt and violent chicken always comes before the calm and diplomatic American egg. Of course this makes Russia feel just as convinced about the American oppressive and interfering egg coming well before the Russian self-defense chicken. Russia refuses to accept sole blame for all of the bombastic rhetoric. In this particular case reality better supports the Russian side: it is more accurate to describe Putin’s contemporary hostility toward America as one far more deeply-rooted in frustration with American positions than in sinister strategy to overtake the world. But instead, America characterizes Putin as having an unstable mania obsessed with Russia remaining a great *Derzhava* (powerful state) and not recognizing his own culpability in creating a future political cataclysm.

This perfectly matches what Stephen Cohen astutely characterized several years back as ‘Cold War Triumphalism.’ In basic terms, since Russia lost the Cold War it was and should be treated as a *de facto* defeated nation. This triumphalism has arguably never left American decision-making power given that the advent of this attitude began with President Bill Clinton and has lasted through three presidencies (two Democrat, one Republican), totaling six terms and 24 years. In other words, the American attitudinal perspective toward Russia has witnessed a literal generation passing where the United States has felt justified in selective cooperation, one-way bargaining, uneven playing fields and reluctance on its own part to bury the ghosts of the past because said ghosts give it a decided political advantage.

The failure of America to move past the triumphalism of Cold War victory has produced a decidedly negative impact on Russian-American relations that precludes a new era from developing. It is as if Russia is being criticized that it simply does not know its place or will not accept its role, both of which of course are decided by America and are not open to negotiation. This is why prominent thinkers and players like John McCain, Charles Krauthammer, Ariel

Cohen, Hillary Clinton, George Will, Alexander Motyl, and Fiona Hill are quick to damn 'Russian provocations' as moving the country to a de facto 'fascist' state. In reality no such explicit initiatives can be found supporting such radical accusations. More calm analyses find Russia simply not accepting being told what to do on the world stage.

This is especially true when one considers that Russia feels, with some validation, that it has been incredibly non-confrontational with the U.S. on many contentious issues since the end of the Cold War that were not necessarily aligned with its own national interests. It is not uncommon, therefore, to find Russian political players quite adamant that the U.S. 'owes' it for accepting moves that could have easily exploded into formal conflict after the Cold War.

In a sense, the debate is one of degree: there is no doubt Russia has accepted that the end of the Cold War signaled a decided shift in the balance of power. It did not, however, allow that change to mean Russia was now permanently relegated to the status of nation-state also-ran. And quite frankly, too many voices in American institutions of power, both governmentally and academically, have taken that relegation as an unquestioned reality. As long as the two nations continue to engage each other with this attitudinal chasm, then the relationship will continue to be dogged by vast differences of opinion and massively divergent interpretations. Unfortunately, as will be seen next, the highest office in the land for both countries has not been a beacon in which to effect positive change on this note.

Posturing Presidents: Obama, Putin, and the Failure to Get Real

There is no stronger example of the schizophrenic nature of American foreign policy toward Russia than comparing statements written in the formal National Security Strategy (NSS) of President Obama with actual testimony given by the Director of National Intelligence James Clapper. In 2010 the NSS asserted that the U.S. would endeavor to "build a stable, substantive, multi-dimensional relationship with Russia, based on mutual interests." What's more, the NSS called Russia a 21st century center of influence in the

world and a country with whom America should build bilateral cooperation on a host of issues, including forging global nonproliferation; confronting violent extremism; fostering new trade and development arrangements; promoting the rule of law, accountability in government and universal values in Russia; and in cooperating as a partner in Europe and Asia.

Now take into account Director James Clapper while appearing before Congress in 2013 to discuss global threats. He described Russian foreign policy as a nexus of organized crime, state policy, and business interests (let it be noted that all three of these descriptors were said pejoratively). Clapper went on to warn that both China and Russia represented the most persistent intelligence threats to the United States and that Russia could even face social discontent (read: political disorder and revolution) because of a sluggish economy, the constraint of political pluralism, and pervasive corruption.

At first blush these two accounts seem to offer a completely incompatible attitude toward Russia. Reading deeper between the lines of the NSS reveals key words, however, that always trigger contempt from Russian actors in the Kremlin. The ideal of 'promoting rule of law, government accountability and universal values' is not an olive branch offering Russia the chance to team up with America. This ideal is not being promoted with Russia but in Russia. To follow that goal up with being a 'cooperative partner' in Europe and Asia has also always signaled to Russian ears an American skepticism about Russia's ability to be a 'non-meddler'. In other words, the NSS comes across to Russians not as a mechanism to promote deeper co-equal ties between the two countries but rather as a snobbish slap across the face about how the United States needs to engage Russia to stop it from getting in its own and others' way.

Clapper's comments in some ways garner even more derision from Moscow. Not so much the complaints about centralized power and corruption. Russia has been hearing these criticisms since Yeltsin first came down off the tanks after the August coup in 1991. Russia has always been rather dismissive of these arguments. Rather, Clapper's comments about the possibility of social discontent and unrest, placing that possibility at the feet of the Russian

government because of repression and incompetence, always comes off as a red flag to the bull of Russian conspiracy theorists: they are quick to see American interference in any and all things that go wrong in Russia. And even if the more rational voices in Russian political power dismiss conspiracy theories, there is still the obvious interpretation that while America might not try to personally foment unrest, Clapper's comments make it seem like instability would be welcomed.

The U.S. government at times can play too fast and loose with semantics: as long as America does not actively try to create discord it thinks it cannot possibly be seen as a source of such discord. Very few actors around the globe agree with that interpretation, especially Russians. To this day Russians point to Georgia, to Ukraine, to the countries of the Arab Spring, to Syria, and believe the build-up to the unrest was either directly orchestrated by the United States or at least subtly fostered by America. To Russians there is no difference between 'actively pursuing' and 'subtly managing' while to Americans they are complete polar opposites. This is what allows Russia to take statements about bilateral cooperation and substantive partnership and see nothing but animosity, mistrust, and manipulation.

Indeed, it is surprising there is not more analysis comparing the U.S. National Security Strategy with the subsequent Russian foreign policy concept that came out in 2013 on the heels of Clapper's testimony. It affirms the Putin criticism that U.S.-Russia relations will always remain complicated because of fundamental cultural differences. What might be these cultural differences? Namely, that American identity is based on individual wants, racism, genocidal and other extreme forms of violence and thus will always conflict with Russian identity, which is based on 'loftier ambitions, more of a spiritual kind.' This was only compounded on September 11th of the same year, when Putin published a letter to the New York Times:

– The UN could collapse and international law would suffer if nations take military action without UN approval.

– Such action in Syria would only result in a total destabilization of the area and a widening of conflict and terrorism.

– Russia is protecting, therefore, international law rather than the Assad regime.

– Many in the world are beginning to see the United States as relying solely on brute force and that such U.S. reliance has proven ineffective and pointless.

– President Obama's statement that the United States should act when possible to uphold international norms was 'extremely dangerous,' arguing that all countries are equal already under international law.

This amounts to nothing more than posturing presidencies and tit-for-tat foreign policy, where each side envisions the other as the chief global antagonist while promoting themselves as the cowboy in the white hat standing up for the less powerful in the world. But it is important to note that Russia's tit, as it were, came after America's tat.

Rightly or wrongly, Russia is convinced that America has a global agenda that pushes not only itself as a single unilateral superpower but also pays special attention to keeping Russia on the sidelines, politically and militarily marginalized. What this de facto means for U.S.-Russia relations is that the highest office in both countries cannot actually be counted upon to inspire new and better interaction and engagement. Rather, the administrations of the two presidents seem rather intent and eager to only make things worse. Given the aforementioned section showing how media outlets and academic think tanks also tend to not improve the situation, this leaves very little room for analysts to carve some balance and fairness into the debate. Despite this problem, some are indeed attempting to carve that space and deserve greater attention.

Finding New Perspectives: Hope for the Future or Balance Betrayed?

Bo Petersson has done work trying to bridge the gap between recognizing Russia's tendency to aspire to great power status while also simultaneously worrying about new 'times of troubles' for the country. One of the unique contributions in his work is not falling to the Western tendency to over-emphasize the history of backwardness that is legendary in Russian literature and make sweeping grand gestures about

contemporary political reality. Petersson rightly points out the tension that exists in Russia between the dream of being powerful with the realism of having problems regarding 'true' independence and financial self-sufficiency. Works like this show that there is much more time spent in Russia addressing rational concerns of statehood and political/economic development than many Western experts tend to give the country credit for. Indeed, when one examines this minimal literature what is most remarkable is just how 'normal' Russian decision-making seems to be on an every-day political level.

Fyodor Lukyanov, one of the most astute observers on the Russian political psyche, has done work dissecting the delicate aspect of Russia being unable to consider a global environment where it is not a major player while also experiencing self-conscious political hand-wringing:

"Over the twenty years of reforms, we have achieved at least one fundamental result: we have tried all possible models for the country's strategic development and become disappointed with each of them: first the Soviet model, which proved to be unviable and bankrupt; then a pro-Western liberal model, which brought about bitter disillusionment about the very idea of democracy. Finally, an 'Asian' model of authoritarian modernization, on which we pinned considerable hope. Many Russians, even those who share liberal ideas, believed that there would emerge a strong and resolute leader who would restrict democracy but, at the same time, would ensure a breakthrough with an iron hand. However, such aspirations, even if they do exist in the Russian leadership, inevitably bog down in the quagmire of corrupt bureaucracy."

Most remarkable here is again the normalcy and rationality of the decision-making process: the West always exposes a perspective that makes Russian attempts at democracy insincere at best and insipid at worst. Lukyanov provides the evidence of how Russian political development has eagerly engaged different phases since the end of the Cold War and the problem was not with a lack of sincere effort but ultimately with a deep disappointment with what the models themselves were providing. That type of political introspection is hardly ever afforded today in Russian analysis in the West. There is

a balance in this analysis that does not run away from Russian culpability but also does not allow for rendering Russia as some sort of demon caricature.

Vladimir Shlapentokh, world-renown for numerous works across the entire spectrum of Russian Studies, has shown how even during the worst examples of Russian anti-Americanism there were still some positive changes in Russian attitudes toward America. Shlapentokh cannot be considered a shill for the Russian government. His work always points out governmental hypocrisy and contradiction. What's important to note, however, is that this work also firmly places phenomena taking place in Russia as fairly standard with developing and post-democratic transitioning states and that is a fairly important: too many present-day commentators seem to treat Russian reality as some sort of exemplary outlier, as it were, signaling a unique degradation of democratization and modernity. Such work testifies to the fact that Russia falls squarely within the normal range when it comes to problems in the post-democratization process. More importantly, Russia has just as much divergence in public opinion and stratification in political power as other countries. None of this is meant to make Russia out to be a patron saint of statehood excellence. Rather, these efforts simply allow a sense of normalcy when viewing Russian problems. As soon as such normalcy can be more accepted, then the opportunity for greater collaboration between Russia and others will become more plausible.

Samuel Charap's work on the so-called American 'reset' brought to light how often frantic assumptions seem to be made about Russia regardless of whether or not they correspond to reality. Indeed, his is one of the first voices to explicitly throw down the gauntlet and say many of the problems in US-Russia relations tend to be completely manufactured by exaggerating the lack of 'deliverables.'

"Without deliverables, both sides would turn their attention to the yawning gap between Washington's expectations about Russia's post-Soviet political development and Russian realities that have not conformed to those expectations. Many key U.S. partners have far worse human-rights records and not even the modicum of democratic procedure that exists in Rus-

sia today – Saudi Arabia and Ghana being just two examples.”

Charap rightly reveals how the American emphasis on bolstering sovereignty in Russia’s ‘near abroad’ devolves into strange games of paranoia, where any Russian influence in its own immediate region is seen as a duel to the death needing to be countermanded. In addition, U.S. policy makers need to do a much better job fighting the Washington myth that any engagement with Russia *de facto* signals an American acquiescence to democratic deficiencies in the Kremlin. The reality is that Russia is not as fully democratic or stable as the United States, but it is also not a one-party dictatorship and political contestation does indeed take place across the Russian Federation. Charap wisely advises that Washington must stop framing the choice as one between total capitulation and all-out confrontation.

Finally, there has been some outstanding interview work done in scholarly venues with Russian political players, like when Johan Kharabi interviewed Deputy Minister of Foreign Affairs Ryabkov in 2010. Ryabkov started quite simply: Russia firmly believes that every action taken by the government of any state is largely determined by its understanding of the country’s national interests. Ironically, this basic point may be one of the most contentious problems in U.S.-Russia relations today: the insistence by Russia that it is largely copying the example given by the United States. The reality is that many countries, not just Russia, find American actions abroad very much an affirmation of exceptional behavior: that what America does others cannot do because only America supposedly knows what is truly best for the global community. That attitude has riled the feathers of many, but it has been Russia most eagerly calling America out. This is at the heart of Ryabkov’s commentary embedded within an affirmation of globalization:

“I believe we correctly assessed, on the threshold of the century, future world trends – the formation of a new polycentric international system that is replacing the previous bipolar one and is, to a major extent, the product of globalization...while preparing for that, we have correctly defined the fundamental principles of foreign policy for the new Russia as: a multi-

vector approach, network diplomacy, openness, and rejection of confrontation...It was Washington’s initiative that created the G20 format, which is used to coordinate efforts in overcoming the crisis and offers a mechanism of collective leadership of major world countries represented in geographic and civilizational respects.”

Rejecting that exceptionalism continues to rile relations between the two countries, as many American actors seem to be perplexed at Russia’s unwillingness to accept a minor role on the world stage and bequeath center stage to America alone. Dimitri Simes was one of the first to also connect this behavior to ‘Cold War triumphalism’ on the part of America. Simes pointed out how the triumphalists had failed to recognize, and continue to fail today, that no one is ever eager to accept any dominant power claiming exceptional prerogatives. It is this kind of analytical balance, recognizing Russian recalcitrance within a context of subtle American provocation, which is unjustly underemphasized in the West compared to more strident pieces that are not nearly as deep and offering arguments not nearly as profound.

The previous works have been around for nearly a decade in some cases. Thus, the opportunity to evolve American analysis on Russia has always been present but ultimately missed. This only makes other analyses that offer up platitudes about Russian mysticism seeking great power or the Russian bear needing to bare its claws or the innate inability of Russia to ever embrace democracy more troubling. Even fine scholars and commentators like Katz, Ratti, and Gelb have all produced work in the last two years that continue this trend and thus have further concretized a vision of U.S.-Russia relations that seems doomed to animus. The crisis in Eastern Ukraine is the critical case study to show how much that animus is pushed.

To Live and Die in Donetsk: Eastern Ukraine as Nexus of U.S-Russian Analytical Malaise

Let us look at Ukrainian affairs over the past two years: Yanukovych was a thug; but he was a thug popularly elected in his own country; but he was elected via means that were

clearly not free or fair and rife with corruption; but despite 'official American protest' about these corrupt elections, they still went through without any major global interference. The main consequence of this acquiescence was a reign of corrupt negligence full of largesse, abuse, and misrule. Which despite official American protest again, this rule also went on uninterrupted until the Ukrainian people forced his removal.

America doesn't stand on the geopolitical high ground, either, if it wishes to critically assess Russia hosting/harboring Yanukovych. Cozying up at one time or another with questionable leaders because they happen to look favorably upon your own global positions and foreign policy interests? Hello (place any number of developing corrupt nations from Latin America, Africa, Middle East, and South Asia here). American commentators need to stop crowing about this being an example of 'Russian exceptionalism.' There is a humiliating irony being dangerously missed when they speak of such things. The only other country in the world with a richer, deeper, and more pronounced sense of exceptionalism is the United States. And the Russians know it. To the Kremlin, America 'criticizing' Russia for exceptionalism is like the Great White telling the Bull Shark not to be so aggressive in the water.

Russia's actions within, around, and about Ukraine are no doubt self-serving, in pursuit of its own priorities, and with only a modicum of consideration, at best, as to what is in the long-term interests of Ukraine. More pertinently, it will no doubt couch those actions with declarations of constitutionality, stability, and normalization. And in doing so Russia in its own mind will be acting just as the United States has countless times in countless arenas over countless years. This is the true nature of real foreign policy power to Moscow: to do as you please while getting everyone else to drag their feet and ultimately do nothing. Such old-school realist power has not left the global stage despite all the good intentions to create greater adherence to international law and build actual foundations for global governance. The problem is not that Russia accepts this reality but that America seems affronted that Russia does.

March 16, 2014 marked the day when the people of Crimea went to the voting booths to

decide whether they would be part of Ukraine or part of Russia. While Western journalists as a whole tend to be a conscientious lot, simply pursuing an interesting story and often putting themselves in harm's way in order to get it, the Cold War pathology that remains between the United States and Russia has a tendency to put a grimy film over more than just political actors. It often affects the way in which stories are told, the lens through which 'impartial observers' focus their attention. Unfortunately, this happens usually at a subconscious level, resulting in news stories meant to be 'fair, free, and impartial' that instead have a decidedly biased perspective snaking its way from reporter to reader.

Look no further than the first reporting on referendum day from the highly respected and august news organization, Reuters. It reported how thousands of Russian troops had taken control of the Black Sea peninsula and Crimea's pro-Russian leaders had sought to ensure the vote was tilted in Moscow's favor. That, along with an ethnic Russian majority, was why a comfortable 'yes' vote to leave Ukraine was expected. These were actually two very different perspectives conflated into a single position. On the one hand, readers were given the distinct understanding that the referendum was basically rigged, commandeered by Crimean leaders, who were nothing but sycophants to the Kremlin. But Reuters also accurately mentioned that Crimea is majority ethnic Russian, which indicates a free and fair referendum could have produced the very result reporters were already declaring as disingenuous. So which was it? Was Crimea being manipulated by local leaders and the Russian military or was its majority Russian population voting its free will? By writing the piece so that the suspicious manipulation theory was conflated with the demographically true statistic, readers were left confused into thinking the referendum itself was illegitimate no matter what.

The Reuters piece explained the protests began when Yanukovich turned his back on a trade deal with the European Union and opted for a credit and cheap oil deal worth billions of dollars with Ukraine's former Soviet overlord, Russia. It is perplexing how the above transaction is only portrayed in Western media as Yanukovich simply being in the back pocket of

Moscow. Why did the West see favoring a credit, oil, and gas deal worth 'billions of dollars' for Ukraine now over a possible trade engagement with the European Union later as being akin to a Faustian bargain made with a 'Soviet overlord?' What impact did this tone have on uninformed readers who did not know that the Russian credit deal basically meant Russia forgave a massive amount of owed oil and gas debt by Ukraine?

Finally, the piece reported that the 1992 constitution foresaw giving the region effective independence within Ukraine. That 1992 constitution, however, was the Ukrainian Constitution and not the Russian one. It does indeed grant the Crimean region effective independence within Ukraine and the right to determine its own path and relations with others. Ukraine wrote those words in the immediate glowing aftermath of Soviet dissolution, when, quite frankly, most in the West felt the true political and economic prosperity path shone brightest for Ukraine and not Russia. Many seem to have forgotten this but any simple source search back to the time period will reveal massive Western enthusiasm for Ukraine's prospects while being skeptical of Russia's size, infrastructure and historical legacy. So yes, it was quite true that the constitution recklessly gave Crimea the opportunity to pursue the very path it was now pursuing. But this flawed constitution was written by Ukrainians, not Russians. This is a reality not revealed to readers. The problem, once again, is a pervasive subconscious Cold War pathology that predetermines how readers around the world learn about the situation in Crimea and therefore how they see Russia's role there.

The issue at hand seems to be that too many powerful decision-makers in the West felt a bit bamboozled and outplayed. They felt, rightly or wrongly, as if they ended up with proverbial diplomatic egg on their faces and they did not like it. Even worse, it seemed they could not stand the possibility that this game of chicken ended with only one round (Crimea) and there would be no opportunity to regain the upper hand with future rounds. Thus, this situation cannot be just about Crimea. Russia must not be satisfied with this as the end game. There simply must be another chess piece to be moved. Because...well...just because: because Russians aren't supposed to be

diplomatically agile and astute. And they most certainly cannot be strategically deft and subtle. At least, not when they are compared to their counterparts in the West, who think Russians are rash; Russians are emotional; Russians are capricious; Russians are sneaky; and quite frankly, Russians are a bit daft. All of these things they can be because all of these things suit the players at the other end of the chess board. This is the danger of Cold War pathology: it starts to warp observation so that it caters to the desired opinion outcome.

Even the original Maidan revolution that preceded events in Eastern Ukraine has been impacted by this affliction. Consider: most revolutions in the 21st century have been positioned as protests against corrupt regimes and thus have largely escaped the microscope of political analysis until much later. Georgia, Kyrgyzstan, the first Ukraine (the 'Orange' one), Egypt, Libya, Yemen, and Syria, all of these protest movements were first and foremost lauded for their ability to overcome entrenched regimes that seemed more interested in personal enrichment and cronyism than functional governance. As it turned out, none of the 'revolutionary' movements created great governing regimes themselves, with a few even ending up victims of additional revolutions later on. The Maidan revolution is quite different from this trend in that there was a geopolitically powerful neighbor right next door to the revolution that happened to have great interest in how things evolved.

In the aforementioned revolutions there was either no nearby strong power deeply interested in how affairs on the ground played out or the strongest power was the United States from a great distance just hoping an autocratic regime would fall. In the Maidan revolution this was not the case: Russia was very much interested in the long-term geostrategic consequences of regime change and it was the blindness endemic to Cold War pathology that let Western academia miss the important consequences of that interest. There was an intellectual presumptuousness that afflicted Western scholars and diplomats alike to believe any toppling of a crony-like regime could only be applauded by all players. To this day there is not much Western media/academic coverage

analyzing or considering the legitimate Russian interests/investments in long-term Ukrainian political affairs. Those responsible for leading the Maidan revolution were equally blind: while they are quick to lay blame on Russia now, it is obvious that they were completely caught unaware and off-guard that anyone on the global stage would have words or actions for their behavior other than simple congratulatory phone calls. Obviously, this has proven to be a rather large and serious mistake that began in Maidan Square and bled, literally, all the way into Eastern Ukraine.

It should be recalled that when the prospect of violence breaking out in eastern Ukraine was a major media issue in the West the protests and indignation was voiced primarily under the context of expecting that violence to come from Russian military forces. It was the assumption that the only way authorities in Kiev would take to arms and resort to violence was if the Russians made it inevitable with their own attacks. Just as the authorities in Kiev misplayed their hand after the Maidan revolution, they badly analyzed the situation on the ground in eastern Ukraine. In several media interviews I gave in the United States following the referendum in Crimea, I warned that the greatest possible danger in Ukraine would be civil groups in major eastern Ukrainian cities looking to Crimea as a model to emulate and the Crimean referendum as a precedent to follow. The reason this was the greatest danger was because the relatively dull and boring aftermath in Crimea could instigate local opposition groups in eastern Ukraine to follow suit. After all, why shouldn't these regions have the same advantages and privileges that the people in Crimea just apparently earned with no violence or damage done to them?

This potential copycat effect was not only obvious, the consequence was equally so: authorities in Kiev would have to act, otherwise they would basically be saying to the eastern half of its country that it would be perfectly acceptable to self-disintegrate. The challenge in those media interviews was for the authorities in Kiev, not Moscow: could they outmaneuver opposition forces in eastern Ukraine without resorting to violence and bloodshed? Failing to do so could end up an open invitation for the Russian military to actually come protect

the lives of ethnic Russians. This is the great missed irony of eastern Ukraine: no one in the West took the Russian entreaties seriously when it was said the lives of ethnic Russians needed to be protected in Crimea. How ironic, then, if it turned out that Russian forces would end up needing to invade eastern Ukraine because ethnic Russians were in fact being killed by Ukrainian forces.

People have indeed died in eastern Ukraine. They continue to die in eastern Ukraine. They die largely because of one side's forces. But those forces are not Russian. And here in the West there is still basically silence. Apparently, the killing of people in eastern Ukraine is only disturbing to the West if it happens at the hands of the Russian military rather than at the hands of Ukrainian forces. What is sadly disappointing is to see so many experts and analysts that were lined up to condemn conflict erupting in eastern Ukraine when it was assumed to be Russian-initiated now see those same actors basically turn the other cheek and turn their media cameras away from the bloodshed and slaughter of these very same people simply because the flag doing the killing is yellow and blue instead of white, blue, and red. It is doubtful that the people of eastern Ukraine feel that it is an atrocity to die by a Russian bullet but an acceptable loss to die by a Ukrainian one. Unfortunately, it seems that certain governmental and media groups in the West have made that very conclusion. To live and die in Donetsk, therefore, is but a consequence of Cold War pathology run amok.

Conflicts are never clean. War has always been this way and it is unlikely that war will be something different any time soon. But Ukraine has been a rather frustrating event, at least for those who feel that Russia and the United States line up better as allies and not adversaries. The new leadership in Ukraine has not been able to stop the unrest or make people excited about the country's future. The European Union has been even less impressive and quite frankly has arguably caused more chaos and instability than calm and tranquility. The United States has not been able to come up with something innovative or progressive that might create a new road to stop the violence. Faced by these extended cases of political impotence, the players seem to have fallen back on the tried-and-true tactic

of conjuring a bogeyman. Clearly, that bogeyman is Russia. Alas, it is also somewhat lame because this tactic is not about stopping war but rather assigning blame. It is not about creating new pathways to peace and cooperation but treading down old paths well-worn with miscommunication and purposeful animosity.

Conclusion – The Lost Generation of the Post-Cold War

In some ways the United States has played a very strange self-injurious game since 1991 when it comes to Russia. It expected that the former rival accepted a new stage after the dissolution of the Soviet Union in which there were no more fundamental ideological battles and that DEMOCRACY in big capital letters was the clear and undisputed victor. As the greatest champion of democracy this of course inferred that such acceptance also automatically declared the U.S. the world's only superpower - the hegemon with no rivals. In some ways, the intellectual community has been even more influenced by this perception.

The academic celebration in the West over the end of the Cold War and the 'end of history' was quietly and unassumingly accompanied by an almost unconscious de-emphasis in prestigious American graduate schools. Russia was pushed aside because, after all, it had not simply lost the Cold War: its destiny was surely to become a quasi-democracy, a political also-ran, and an economic swamp that would be de facto unimportant on the global stage. The fact that Russia faced a demographic crisis in the first half of the 1990's that actually watched its overall population shrink and the academic communities in the United States shook their collective heads and felt justified in thinking that if democracy was not in fact the end of history, it was at least the end of needing to focus on Russia. And so by 1997, when many Generation X'ers would naturally be advancing through various PhD programs, selecting dissertation committees, and deciding on meaningful theses, they were subtly but decisively given a strong piece of advice: leave Russia behind.

Now keep in mind this was well-intentioned advice. By 1997-1998 Russia seemed to

most in the West as a place to perhaps investigate the problems of crime and corruption or flawed democratic transition. The not-so-subtle hint was simple yet powerful at elite graduate schools: if you truly want a job in academia and want to be able to do 'important' work, Russia is yesterday's news. If you want to be on the cutting edge, look to the Middle East and hop on the Islamist bandwagon, where the real action (and job demand) is going to be. Of course, the seismic event on September 11, 2001, just a short three years later, seemed to scream to the now advanced Generation X PhD students that their mentors were near-prophets. This is what has led directly to what can be called the Lost Generation of Russian expertise and why the Cold War pathogen is so pronounced today.

Barely any new thinking has emerged from Generation X when it comes to studying and understanding the Russian Federation. One is hard-pressed to find a quote from anyone under 45 not dependent on a 'Soviet or even Tsarist assumption' for explaining Russian behavior. Is it merely coincidence that almost every single Russian foreign policy maneuver today is characterized more often than not as some sort of revanchist attempt to resurrect (symbolically or literally) the power and glory of the Soviet Union? Is it merely odd happenstance that Putin is evaluated only in terms of Soviet dictatorship and not even from the perspective of Machiavellian *realpolitik*? Whether it be the missile defense 'shield' in Poland and the Czech Republic or Iran or Syria or the bombings near the Sochi Olympics or finally Maidan and Eastern Ukraine, what one sees are Russian 'analyses' that basically could have been cut from the New York Times in 1964 and just had the geography altered. No imagination, no innovation, nothing new whatsoever. Too many in the West have become intellectual dullards about Russia.

Russia is not perfect. Russia is not blameless. No country is. But when reputable news sources and so-called experts with decades of experience all seem to cater to the same storyboard and that storyboard seems a bit far-fetched if not actually fantastical, and no one bothers to ever question the storyboard, then it is time to signal the call for a new generation of leaders and experts who are willing to examine not just from old prejudices but from a more

neutral and less emotional foreign policy reality. In that crucible no one is absolved but no one is also unfairly prejudged. Right now the future of Russian-American relations depends

on the emergence of these new voices, willing and committed to do battle against a Cold War pathology that has become intellectually crippling to both sides and to the future.

Заклятый враг: взгляд на Россию как на врага сквозь дефектную призму холодной войны

Мэтью Кросстон, профессор, доктор политических наук, заведующий Кафедрой изучения промышленной и международной безопасности, руководитель программы исследований международной безопасности и разведки Университета Белвью (Небраска).

***Аннотация:** В настоящей статье автор рассматривает неоконсервативный внешнеполитический курс Джорджа Буша-младшего, носящий открыто агрессивный характер, в качестве основы внешней политики Барака Обамы, которая, в соответствии с распространенным мнением, больше основана на дипломатии «вовлечения». Автор делает вывод о том, что американская внешняя политика отталкивается от устаревших и не отвечающих современным реалиям принципов, в результате чего США не могут рассматривать российские инициативы с точки зрения ее собственных взглядов на проблематику безопасности и проводят курс на сдерживание России ввиду сохранения мышления периода холодной войны, что, в свою очередь, не только значительно ограничивает возможности для сотрудничества, но и препятствует развитию партнерских отношений в вопросах глобальной безопасности. В статье анализируются последствия позиционирования России исключительно в качестве главного противника Соединенных Штатов Америки.*

***Ключевые слова:** США, новая холодная война, внешняя политика США, Путин, Обама. Ключевые слова:* регион, регионализация, глобализация, мировая политика.

NEMESIS: Keeping Russia an Enemy through Cold War Pathologies

Matthew Crosston, Dr., Professor of Political Science, Chair for Industrial and International Security and Director of the International Security and Intelligence Studies program at Bellevue University.

***Abstract:** This article examines the openly adversarial neoconservative foundation under George Bush to the supposedly more 'engaged' diplomatic interaction under Barack Obama. What will be exposed is a fairly uninspired and non-innovative American policy that not only fails to consider Russian initiatives from Russia's own national security perspectives, but aims to contain it within a continued Cold War box that not only sours opportunities for collaboration but guarantees the absence of partnership in areas of global security. This piece examines the consequences of imagining Russia only as nemesis.*

***Key Words:** Russia, New Cold War, U.S. Foreign Policy, Putin, Obama.*

FOREIGN POLICY OF THE USA AND RUSSIA IN EAST ASIA

Anna Corsaro, Daniel Djouder

Russian Foreign policy in Asia

This section will delve into the role of Russia in East Asia, the relations of Moscow with major Asian powers (China, Japan, South Korea and North Korea), and the current status of Russia on the international stage.

Russia's relations with its neighbors in East Asia are traditionally influenced by power politics and a desire to increase the trade and economic exchanges with the rest of the world.

During the Cold War, the Soviet strategy in Asia was described by Mikhail Gorbachev who, during a speech in Vladivostok in 1986, announced the opening of Russia to foreign investment on a large scale, but at the same time argued in favor of pursuing power politics in Asia¹.

Firstly, it is useful to review the five fundamental facts of the Russian leadership in East Asia: (1) the priority of having China as a regional and geopolitical ally, and not just as an economic partner; (2) no priority for the settlement of territorial disputes with Japan and also disinterest in establishing the necessary conditions to attract Japanese investments to Russia; (3) a neutral attitude towards possible projects for the unification of South and North Korea, but maintaining decisive support for Pyongyang; (4) a significant delay in the resolution of matters of national interest in the area, due to a lack of political cooperation with other regional powers; (5) distrust towards globalization and the role of the United States of America in East Asia².

In the years of Yeltsin's presidency, a major debate among Russians revolved around the policy toward East Asia. One of the issues to address was whether Moscow had to give priority to relations with the West, or rather to balance its foreign policy keeping openings to the East. The actual response consisted in seeking a rapprochement with East Asia, also in view of the dismay of Moscow over some diplomatic decisions adopted by the United States and Europe. Another question was whether Russia could rely on China as a major partner in East Asia, or instead had to look for balance in the region. In the end, during the period following the Cold War, it emerged that the United States retained a status of superpower in the region, challenged mainly by the People's Republic of China, while the Russian Federation assumed a more marginal role.

That was the situation when Vladimir Putin was first elected President in 2000, and the beginning of military expansion has increased its influence in the Far East. Putin was at a crossroads when it came to make choices for his country, trying to find a fine equilibrium on the international stage, while not forfeiting Russia's own national interests. Those choices would then affect Moscow's position in East Asia for the years to come. After a long process of rapprochement to the United States, ending with a negative result, President Putin decided to strengthen ties with China, build a dialogue with Japan, maintain the existing relation with North Korea – with the caveat of avoiding clashes with South Korea – all of which while delaying Russian plans for strong regional policies in Asia.

In the early 2000s, with a rampant economic crisis in Russia, Putin kept cordial relations with major regional powers. Moreover, after September 11 Putin, taking what might

¹ Stephan, John. J. *The Russian Far East: a history*. – Stanford: Stanford University press, 1994. – 508 p.

² Rozman, Gilbert. *Russian Foreign Policy in Northeast Asia* // *The International Relations of Northeast Asia* / ed. by Samuel S. Kim. – Rowman & Littlefield, 2004. – P. 201.

have been considered a bold decision, chose to ally himself with the United States in the war on terror, kicking off a chain of events that could have reshaped the role of Russia in East Asia.

As a further sign of detente Putin refrained from further comments against the decisions of the Bush administration concerning the Anti-Ballistic Missile (ABM) treaty, and the expansion of NATO (North Atlantic Treaty Organization). After that he tackled some sensitive issues in East Asia with a similarly pragmatic approach, which can be summarized in three points: (1) finding a turning point in the relations with Japan; (2) finding solutions in the debate surrounding North Korea's nuclear program; (3) strengthening the partnership with China in several fields (economic, military, diplomatic).

The Russian president Vladimir Putin expressed his desire for cooperation in the Asian region, during the APEC summit on 10 November in Beijing; here is an excerpt of his speech:

I am pleased to have this opportunity to speak on a subject of great importance for us developing Russia's cooperation with the Asia-Pacific region.

The twenty-first century has already been called 'the Pacific century'. As part of the Asia-Pacific region, Russia must make use of the competitive advantages offered by this fast-growing economic, technology and innovation center.

In turn, Russian regions such as Siberia and the Far East offer a unique chance for this vast region's countries to effectively develop and make use of the opportunities there and further strengthen their potential (...).

Cooperation with the Asia-Pacific region is one of Russia's strategic priorities. The overall constructive spirit that characterizes our relations with the vast majority of countries in the region is very important. We value this spirit greatly and will do everything possible to develop bilateral and multilateral cooperation in a wide range of areas.

(...) Direct foreign investment from Asia-Pacific region countries in the Russian economy has doubled since 2009 and now comes to nearly \$10 billion.

Russian investment in the Asia-Pacific region countries is more modest and came to slightly more than \$1 billion as of the end of last year. We will work actively to correct this imbalance.

We hope in particular that the establishment of the National Coordination Centre for Developing Economic Relations with the Asia-Pacific Region Countries will make it possible to launch new projects with Russia's involvement.

The People's Republic of China is one of our key partners in the region. We will make greater use of settlements in our national currencies in our trade with China. We are already carrying out our first deals in rubles and yuan. Let me say that we are ready to extend such possibilities to trade in the energy sector too.³

Table 1

The major trading partners in Asia Russians

	Import to Russia	Exports from Russia
China	15%	8.1%
Japan	4.4%	3.7%
South Korea	3.4%	2.6%

Source: Europe, «Russia-Trade Statistics: Russia's trade balance with majors partners, <http://trade-info.cec.eu.int>.

It is time to move on and break down the diplomatic relations between Russia and the major actors in the area: China, Japan and North Korea and South Korea (see Table 1).

During the 1980s, after two decades of great antagonism, Sino-Soviet relations began to improve. After the collapse of the Soviet Union in the early nineties, sufficient conditions came into existence to ease the positive transformation. Russia enjoyed diminished power compared to the Soviet age, with only half of its gross domestic product (GDP) of the URSS, and less than half of the population, although still retaining about 80% of his old territory.⁴ Meanwhile, China had launched a program of reforms to turn the Chinese economy closer to the Western model of capitalist market. Together, these two developments represent a huge shift in the balance of power between the two nations, with China in a position of superiority over its Russian rival.

During the nineties, the two countries finally reached harmony, after centuries of territorial disputes over their 2,700 miles of borders,

³ Source: <http://www.globalresearch.ca/putins-asia-pacific-economic-cooperation-apec-summit-speech-trade-in-rubles-yuan-will-weaken-dollars-influence/5413432>.

⁴ Lowell, Dittmer. Ghost of the Strategic Triangle: the Sino-Russian Partnership // Chinese Foreign Policy / ed. by Suisheng Zhao. - New York: M.E. Sharpe, 2004. - P. 217.

the longest in the world, which went from being highly militarized to become the meeting point for thriving trade. Overcoming the disputes over the borders allowed Russia and China to withdraw a large number of troops from the periphery of their territories. The new destination for the Russians was the European theater, following the expansion of NATO, while the Chinese forces were relocated to the Taiwan Strait.

After Primakov became prime minister in 1996, Moscow began a strategic partnership aimed to consolidate a multipolar world, which was intended to limit US hegemony after the end of the Cold War. This decision was reinforced after the choice of the US to declare war on Serbia, which had historically enjoyed the protection of Russia, and invade Kosovo, also in consideration that an American aircraft bombed the Chinese embassy in Belgrade.

The constant improvement of the relations between the two powers, led to the creation of an international organization: the Shanghai Cooperation Organization – founded in June 14, 2001 – which among its members includes Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Tajikistan.

Table 2

Major International Organizations in Asia

	ARF	ASEAN	APEC	SCO
China	X	X	X	X
Russia	X	X	X	X
USA	X	X	X	X

X = Membership

Source: ASEAN (Association of Southeast Asia nations)
ARF (ASEAN regional forum) APEC (Asia-Pacific economic cooperation) SCO (Shanghai cooperation organization)

On the world stage, China and Russia, beside their positions in the Security Council of the United Nations, are also part of the BRICS group, along with Brazil, South Africa and India, all these five nations annually organize the summit of their heads of state since 2009. It should be noted that, while it had been a superpower in a position of antagonism to the United States of America during the Cold War, Russia was a medium power for several years after the fall of the Berlin Wall. On the other hand China has taken on a role of medium power in the last two decades, with the ability to challenge the

supremacy of the United States. This situation, namely the sense of vulnerability in Russia after the collapse of the Soviet Union, has encouraged a desire to build peaceful relations with its neighboring states. Demographically, economically and perhaps politically Russia ran the risk of slipping into a relationship of dependency to the other powers during the first decade after the end of the Cold War.

After September 11, 2001, both Russia and China supported the operation of counter-terrorism promoted by the United States with a moral support, intelligence, cooperation in the field of security and diplomacy. However, during the outbreak of the second war between the US and Iraq in 2003, both the Russians and the Chinese criticized the choices made by the Bush administration, to the point of making use of the right of veto at the Security Council of the United Nations.

Slowly, Russia and China will recover from the shock wave of September 11 and adapt their strategies to the geopolitical situation created in the aftermath of the attack to the Twin Towers.

In 2003 in St. Petersburg there was a summit attended by Vladimir Putin for Russia, George Bush for the US and Hu Jintao for China. One of the most significant results of this summit – for what concerns Sino-Russian interests – was the strengthening of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). A few measures to strengthen the mechanism of regional security in Asia were established: in 2004 the creation of a secretariat of the SCO in Beijing, and the opening of a regional counter-terrorism entity based in Bishkek. Some nations such as Iran, Pakistan, India, Mongolia and Turkey have expressed interest in joining the SCO.⁵

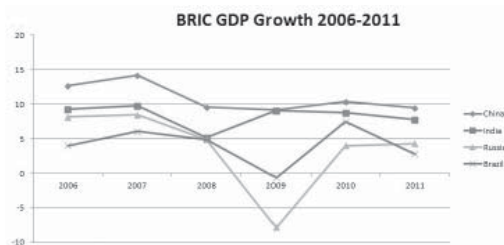
The fact that Russia is rich in gas and oil, as well as having advanced military technology, attracts the Republic of China into its sphere of influence. On the same token Russia needs China as customer to empower its economy status, while Beijing needs raw materials and military equipment to develop its economy and national

⁵ Yu Bin. China and Russia: Normalizing Their Strategic Partnership // Power Shift, China and Asia's new dynamics / ed. by David Shambaugh. University of California Press, Berkeley, 2005. - P. 236.

defense. However, Russia expressed criticism towards China regarding the will of the latter to expand its political influence in Central Asia, namely in some former Soviet republics. This position is very evident under the presidency of Vladimir Putin. Specifically, China has shown a growing interest in the area, with an agreement with Turkmenistan that allows Chinese to the joint exploitation of gas reserves in that country thanks to the creation of a gas pipeline through Uzbekistan and Kazakhstan. It seems that the Chinese influence in Central Asia is set to grow rapidly.⁶ This fact, however, did not suggest that the relations between China and Russia were destined to deteriorate in the near future; almost certainly because Putin's Russia did not want to fall under the political influence of Western powers, namely the European Union, the United States, and NATO.

Table 3

BRIC GDP Growth 2006-2011

Source: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/countries/RU-CN-IN-BR?display=graph>.

In the future, what will be the Russian strategy towards China?

The current leaders in Moscow and Beijing have different interests and programs. Russia is working on two fronts: Europe and Asia. In recent years under President Putin there has been some points of friction between the leaders of the United States and the European Union, notably about the Russian support to Iran's nuclear program, until the Ukrainian crisis caused a clear fracture in Russian-European relations, especially after the Crimean peninsula was joined with Russia. Concerning Asia, there was a gen-

⁶ Monro, Alexandra and Dana, Denis-Smith. China taps into the heart of Turkmenistan's gas fields // Financial Times, 17 December, 2009. Mode of access: <http://www.ft.com/cms/s/0/f10ceb20-eb34-11de-bc99-00144feab49a.html>

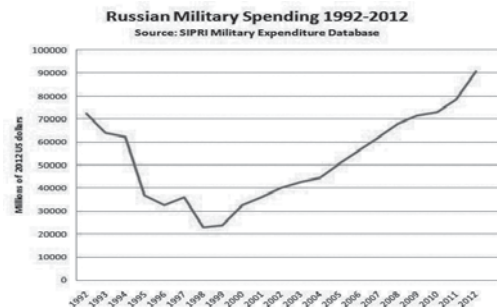
eral agreement between Moscow and Beijing about Taiwan, with Moscow recognizing the island of Taiwan as a province of China overseas, and not as an independent nation. With regard to the Korean issue, Russia and China sponsored a diplomatic solution to resolve the dispute on North Korean nuclear weapons.⁷

The concern of Russia about its strategic interests as well as about its vulnerability is also reflected in the way it conducted military relations with China; the Russian objective is to create an area of peace and stability in East Asia, to promote the growth of trade.

Russia has become the main supplier of weapons and military technology to China, the main weapon selling deals include: seventy Su-27SK fighters, six Su-30 MKK fighters, four Kilo-class submarines, S-300 Tor-M1 missile systems, and tanks. It is worth mentioning that those weapons are not of the latest generation. China has effectively helped the Russian arms industry to survive since the end of the Soviet era.⁸

Table 4

Russian Military Spending 1992-2012

Source: SIPRI Military Expenditure Database

China has no other choice but to buy weapons from the Russian market, just as Russia has no other choice but to sell their military technology to China to support its own military production needs.

The Russian policy towards Japan.

During his presidency, Gorbachev began a

⁷ Yahuda, Michael. The International Politics of the Asia-Pacific. - Routledge Curzon: New York, 2004. - P. 281.

⁸ Blank, Stephen J. The Dynamics of Russia Weapons Sale to China, Carlisle Barracks. - Strategic Studies Institute: U.S. Army War College, 2007.

gradual normalization in relations between the two countries with an exchange of diplomatic notes. This friendly atmosphere survived during the early years of the Yeltsin presidency. The possibility of Russian-Japanese agreements to resolve territorial disputes and to sign a peace treaty – a leftover of the end of World War II – were also discussed, although the difficulty of solving these issues led to a diplomatic impasse. Efforts to reach a turning point in relations with Japan have to overcome three obstacles from the standpoint of Russia.⁹ Firstly, the Russians have retained the Soviet-era claims for the Kuril Islands, which the Japanese claim for themselves and call the Northern Territories. In 1960, Moscow unilaterally abrogated the treaty of 1956, which contained the promise to return two of the islands closest to the Japanese coast from the Soviet to Japanese control. Secondly, Russia criticizes Japan for the strong diplomatic ties with the United States. Thirdly, there was the fear that Japanese products could damage the Russian domestic market. During the Yeltsin presidency it was discussed the first hypothesis of resolving the dispute over the Kuril Islands that was to review the option to put the two aforementioned islands under the control of Tokyo.

During the years 1997–1998, under the first presidency of Vladimir Putin, there was a rapprochement between the two states – for example, an agreement on fishing was signed – this happened during the economic crisis that hit Russia – circumstance that caused the loss of many potential foreign investments. When Junichiro Koizumi won Japan's elections and became prime minister, there was a new stalemate regarding the issue of the Russian-Japanese territorial disputes, in fact, Tokyo was no longer interested in only two islands but in the entirety of the Kuril Islands.¹⁰ However, there are some improvements in diplomatic relations between Moscow and Tokyo. In fact, the Japanese have supported the entry of Russia in

APEC (Asian-Pacific Economic Cooperation), while Moscow has supported the possibility Japan could become permanent member of the security Council of the United Nations.

However, Japan is not a determining force of Russian power nor a major influence on their decisions in the world geopolitical order.¹¹

After September 11, the logic of normalizing relations between Japan and Russia became very compelling. Japan saw the rapprochement between Russia and the United States and for this reason had reason to step in and seek benefits, also because Japanese relations with China remained tense, and Tokyo wanted to avoid isolation in the Asian region.

Russian policy toward the Korean Peninsula has undergone changes after the normalization of diplomatic relations between North and South Korea.

North Korea has enjoyed the support first of the Soviet government and later of Russia. Assistance is on the economic, diplomatic, political, and military levels. Even after the collapse of the Soviet block – when Pyongyang was very critical about the reforms approved by Gorbachev, such as perestroika – the ties between the two countries remain strong.

Russia maintained interests with both South and North Korea. With South Korea, Russia reached a series of trade agreements with the objective to attract Korean investors, a difficult target to achieve as in the early nineties Russia had not defined a market economy close to similar parameters of the major Western powers. On the other side, that of North Korea, the two countries signed an agreement for the sale of Russian nuclear material, which North Korea employed to build warheads intended for medium and long-range missiles capable of reaching the coasts of Japan and South Korea.

In 1994 Russia interrupted its nuclear assistance program to North Korea, as the latter had great difficulty in paying Moscow, which was also facing pressure from the international community demanding an immediate suspension of the nuclear weapons program wanted by Pyongyang.

The international community, through a contact group made up of four nations (Four

⁹ Rozman, Gilbert. Russian Foreign Policy in Northeast Asia // *The international relations of Northeast Asia* / ed. by Samuel S. Kim. - Rowman & Littlefield, 2004. - P. 207.

¹⁰ Masaru Tamamoto. Ambiguous Japan: Japanese National Identity at Century's End // *International Relations Theory and Asia-Pacific* / ed. by J. Ikenberry and M. Mastanduno. - Columbia University Press, 2003. - P. 191.

¹¹ McDougall, Derek. *Asia Pacific in World Politics*. - Lynne Rienner Publishers, 2007. - P. 275.

Party Talks): North Korea, South Korea, China and the United States; sought through diplomatic meetings to start a program to deter North Korea in its determination to acquire nuclear weapons in exchange for economic aid.

Since the mid-nineties, Russian foreign policy aimed to increase Russia's influence in the Korean peninsula; this does not mean support towards regional economic integration that could entice the North to greater autonomy from the sphere of influence of Moscow. Indeed, Russia tries to avoid that North Korea could become a target of economic pressures and military moves by the Republic of China and that this kind of pressure will lead to a gradual change of the historical relations between Moscow and Pyongyang.

The second Korean nuclear crisis began in October 2002, writing a new chapter in the construction of multilateral cooperation to promote security and stability in East Asia. The contact group now called Six-Party Talks, formed by North Korea, South Korea, China, the US, Russia and Japan had the objective of finding a peaceful solution regarding the dispute over the North Korean nuclear weapons program and to avoid an escalation.¹² This crisis highlighted the absence of dialogue with the North Koreans during the various meetings held between representatives of the six countries.

When dialogue between Seoul and Pyongyang was stalled in 2001, Putin hosted Kim Jong II in Moscow, offering him the support of Russia. North Korea had found it advantageous to obtain Russian weapons and economic aid, while Russia benefited from this strategy to put pressure on the United States and Japan.

After the events of September 11, which have influenced the decisions of the various geopolitical global powers, Russian support to North Korea was no longer one of the priorities of President Vladimir Putin. The new policy was accelerated by the pressure brought by the Russian-Japanese and the Russian-American increasing relations. Also the instability of Pyongyang regime led Moscow to side with Western demands.

¹² Snyder, Scott. *The Korean Peninsula and Northeast Asia Stability // International Relations of Asia* / ed. by D. Shambaugh. - Rowman publishers inc, 2008. - P. 259.

Russia strengthened its ties with South Korea, including contacts between the armed forces of the two countries, a fact that greatly surprised analysts of foreign policy. Moscow looked to develop deeper relations in East Asia with several countries including South Korea, Japan and China, with the objective to find new markets to increase its exports.¹³

In the days of the Cold War, Eastern Asia was identified as a battleground between Moscow and Washington, as part of the struggle between socialism and capitalism.¹⁴

Finally, the Ukrainian crisis reached a new level of significance after the annexation of the Crimean peninsula to Russia, leading to a serious fracture between the West and Russia, and focusing Russia's interests further on Asia. The United States and the European Union have approved economic sanctions against the Russian Federation, both have expressed strong criticism against the government of Moscow.

Igor Sechin, the CEO of the oil company Rosneft, stated in a news agency that: if the United States and the European Union want to isolate Russia in the international community, Moscow will be forced to promote agreements in the field of energy, military and political cooperation with other regional powers.¹⁵

The diplomatic weapon in the hands of the Russians is the opportunity to sign more agreements with China in the energy field, particularly for the supply of natural gas; President Putin can use this tool against Western leaders to force them to understand that Russia doesn't depend on the West. Furthermore China has consistently expressed solidarity and support towards Russia. Beijing does not want to isolate Moscow in this time of international crisis; an important example of this is when China abstained from the vote at the Security Council of the United Nations on a draft resolution declaring invalid the referendum that sanctioned the unification of Crimea with Russia).

The support of Beijing is crucial to Putin. Not only is China another permanent member

¹³ Chufirin, Gennady. *Russia and Asia-Pacific Security* / Sipri, Stockholm, 1999.

¹⁴ Rozman, Gilbert. *Russian Foreign Policy in Northeast Asia // The International Relations of Northeast Asia* / ed. by Samuel S. Kim. - Rowman & Littlefield, 2004. - P. 218.

¹⁵ Press statement released to Reuters, 21 March 2014.

of the Security Council along with Russia, but more than once they found common positions on some important issues of international politics. According to some analysts of President Putin's policy, Russia is approaching the Chinese model as a system that eliminates democracy and restricts certain rights.¹⁶

Anyway, Putin gave a sign of the ties between the two countries when he thanked China for its understanding about the Ukrainian crisis during a speech held at the Kremlin, for the signing of the Treaty of reunification with Crimea, sixty years after it had been delivered to Ukraine by Soviet leader Nikita Khrushchev. Chinese President Xi Jinping has shown as well how much he appreciates the relations with Moscow, and especially those with Putin, when the Chinese President chose Russia to make his first trip abroad as head of state last year, and to witness the opening of Winter Olympics in Sochi. In contrast, many Western leaders were not present on the day of the inauguration of the Winter Olympics, as a sign of protest against Russian domestic politics, which according to the Westerners do not meet the requirements of democracy and human rights and they also deemed Russian the foreign policy as aggressive.

A strong Sino-Russian alliance could offset the position of hegemony that the United States has today.

Can we say that the past issues that led to the confrontation between China and Russia are really buried? Is it possible that there is a form of escalation in East Asia between the two blocks, the first formed by China and Russia and the other by the United States and possibly Japan?

These are questions that remain unanswered. There is no doubt that Russia wants to retake its role as a great power in the wake of its Soviet past; Russia plays on two international theaters: the European one and the Asian one. The presidency of Putin supports a feeling of nationalism aimed at asserting the rights of Russians in foreign policy.

In our humble opinion, I find the criticism from Western media against Russian foreign policy to be biased, as each state has the right to promote and protect their national interests.

The Political Power of the United States in East Asia

In this section we analyze the role of the US in East Asia, in particular, I will detail the China-US relations.

The end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union in 1991 changed the US position in Asia. For the first time since the beginning of the Cold War in the early 1940s, the United States seemed to become the dominant power in the Asian region, with some challenges in front of them coming from the main Asian competitors.¹⁷ In the new millennium, the United States pursues three main objectives in Asia. Firstly, the United States is interested in maintaining a balance of power in Asia favorable to American interests and limits the power politics of the other actors. Secondly, they seek to promote American economic interests in the region with the protection of trade and investments achieved through a series of bilateral and multilateral agreements with Asian nations. Thirdly, they aim to promote the American culture and values, such as democracy, human rights, the market economy in Asia and other areas of the world. The priority given to each of these objectives changes according to the fact that it depends on color of the US government in charge in any given period.

The Department of Defense of the United States, right at the end of the Cold War, prepared a brief summary of American interests in East Asia. The strategic commitments are listed as follows:

The importance of security for the United States in East Asia is evidenced by the bilateral treaties with Japan, South Korea and the Philippines; the Pact of Manila, which adds Thailand as our ally; and our treaty with Australia and New Zealand, the ANZUS. It is further enhanced by the deployment of ground and air forces in South Korea and Japan, and the presence of the Seventh Fleet in the western Pacific. Our main regional objectives, together with our friends and allies in the region, are: to maintain the safety of our major sea lanes and our interests in the region, maintaining the ability to live up to our commitments discussed in the Pacific and in East Asia; to prevent the Soviet Union, North Korea and Vietnam

¹⁶ Lucas, Edward. The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West. - Bloomsbury, 2008.

¹⁷ Yahuda, Michael. The International Politics of the Asia-Pacific. - New York: Routledge Curzon, 2004.

*from interfering in the affairs of others; to build lasting strategic relationship with the People's Republic of China; and to support the stability and independence of friendly countries.*¹⁸

Following the terrorist attacks of 9/11, the US administration has established two objectives: to eliminate the terrorist organizations and to contain the proliferation of weapons of mass production.

According to documents of the US Department of Defense in 2006:

*[the United States] will seek to ensure that no foreign power can dictate the terms of regional or global security. [The United States] will attempt to dissuade any military competitor from developing disruptive or other capabilities that could enable regional hegemony or hostile action against the United States or other friendly countries, and it will seek to deter aggression or coercion. Should deterrence fail, the United States would deny any hostile power its strategic and operational objectives.*¹⁹

These stated goals seem to be consistent with the struggle of the United States to create a system of balance of power in Asia. The US government calls into question their own interests and priorities depending on the geopolitical changes taking place in Asia since the end of the Cold War.²⁰ These changes can be grouped into five categories:

1. Changes in relations with major regional powers. American foreign policy in Asia had to take into account the constant growth of China's power, that of India, the strong cooperation of Japan, and finally the diplomatic activity of Russia in Asian business.

2. Economic Globalization. The growing strength of economic globalization has prompted Washington to strengthen the free market in the Asian region by creating economic interdependence between the various states of the region.

3. Asian Multilateralism. American policy has acted through multilateral organizations that reflect the growing interest and convergences of many Asian leaders to create subjects that deal with security policies, economics and politics of Asian countries.

4. War on terror and nuclear weapon proliferation. These recent American priorities (war on terrorism) are not taken into account with the highest priority by many Asian governments.

5. Changes in U.S. policy. American politics is forced to treat with caution relationships with many governments of Asian countries, even if they would be inclined to criticize the human rights violations occurring in some Asian countries. Though, from the perspective of foreign policy, and on matters of national interest, they are induced to "turn a blind eye" on continuing violations of basic principles of democracy and human rights.

The American officials have adapted to the changes they encountered during their administration; for example the rulers from the Democratic Party have proved to be inflexible regarding the promotion of human rights in Asia; while Republicans are more elastic about their claim to expand their vision of democracy and to spreading human rights.²¹ The Asian leaders have favored the development of some regional institutions whose primary objective is to address the key issues of economic nature, as well as to deal with globalization at the regional level, without the interference of the United States.

They also show the determination to maintain the initiative in security policy, and in some cases the interests of Asians do not match those of Americans.

Economic changes in Asia, particularly in East Asia, are one of the most significant developments at the global level in the second half of the twentieth century. In the early nineties the economic development had generated a kind of economic euphoria in many observers, who saw the East Asia and the entire Pacific area connected through commercial networks, which were becoming increasingly large and capable to en-

¹⁸ Source: Report of the Secretary of Defense Caspar W. Weinberger to the Congress, Washington DC, 1989. - P. 17.

¹⁹ Source: The U.S. Defense Department's Quadrennial Defense Review of February 6, 2006. Mode of access: <http://osd.dtic.mil/qdr/report/Report.pdf>

²⁰ Dittmer, Lowell. Assessing American Asia Policy // Asia Survey, Iss. 47, July-August 2007.

²¹ Sutter, Robert. The United States in Asia / International Relations of Asia / ed. by D. Shambaugh. - Rowman publishers inc., 2008 - P. 87.

sure peace and harmony among nations. The optimism was based on the assumption that commercial trade was invariably a force for peace.²²

The economic development of East Asia is altering the balance of power between Asia and the West, and specifically between the United States and the People's Republic of China; indeed, strong economic growth generates self-esteem and desire for success in those who produce and benefit from it.

To better understand the role played by the United States in Asia, and particularly in East Asia, it is useful to consider the relations between China and the United States from the end of the Cold War to the present day, at least to highlight the links and divisions between the two states. This analysis will then be useful in the conclusions, when I will focus on Russian-American relations in Asia and how these are in turn influenced by the role of China in their relationship.

In the aftermath of the events of Tiananmen Square (1989), the Sino-US relations were stalling; the US government decided to approve an embargo against China, especially with regard to the sale of weapons, this was declared to be the answer against the massacre of unarmed Chinese citizens made by the regime in Beijing.

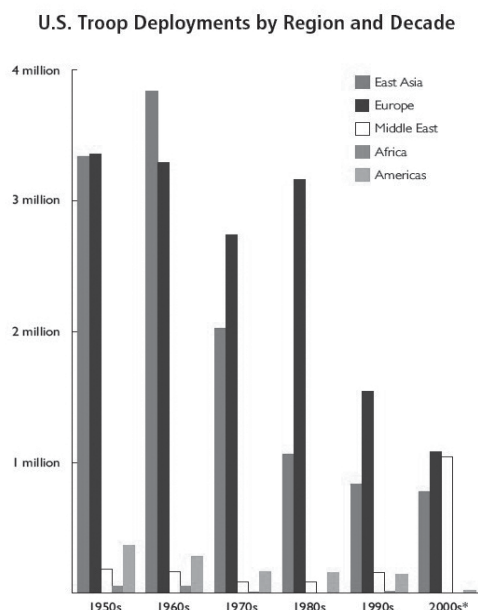
Once elected, the Democratic President Bill Clinton adopted the spreading of democracy as the main objective of its foreign policy. The purpose, as he proclaimed before the General Assembly of the United Nations in September 1993, was: "To expand and strengthen the global community of democracies based on the market and widen the circle of nations that are governed by these free institutions 'until the 'humanity had created 'a world of prosperous democracies that work and live in peace with each other.'"²³

The aggressive position of the new administration on the issue of human rights was not intended, according to former Secretary of State Kissinger, as a tactic to weaken China and

gain a strategic advantage for the United States. It was instead a reflection of a general conception of world order, of which China would have to be part as a respected member.²⁴

In Beijing, however, the American pressure, backed by other Western powers, were regarded as a strategy to keep China in conditions of weakness and as meddling into its internal affairs, similarly to the colonial powers of the nineteenth century, evidence of this could also be traced in the deployment of US military forces in East Asian theater, see the following two figures.

Figure 1. U.S. Troop Deployments 1950 – 2005

* Values for 2000s are extrapolated based on data for 2000-2005.
Source: Heritage Foundation calculations based on annual records from U.S. Department of Defense, Directorate for Information Operations and Reports.

Source: Tim Kane, "Global U.S. Troop Deployment, 1950-2005", in Center for Data Analysis Report #06-02 on National Security and Defense, The Heritage Foundation, 2006.

Chinese leaders interpreted the statements of the new administration as evidence of an attempt of the capitalist to overthrow the communist governments around the world.

Chinese leaders no longer claimed to preach an exceptional revolutionary truth to be exported to other countries. They pursued, however, the goal of creating a world not manifestly hostile to

²² This statement is criticized by American political scientist Huntington, in *The Clash of Civilizations*, Garzanti editore, Milan, 2005. On the other hand, for an optimistic view see K. Mahbubani, *The New Asian Hemisphere*, Public Affairs Books, United States of America, 2008.

²³ Speech of President Clinton to the General Assembly of the United Nations 27 September 1993 entitled "Confronting the Challenges of a Broader World," retrieved from the US State Department Internet site.

²⁴ Kissinger, Henry. *La Cina*, Mondadori editore, Milan, 2011. - P. 414.

their political system or to their territorial integrity and to buy time to increase the economic and military power of their country.

According to Chinese President Jiang Zemin: *"China and the United States, as great powers, should consider the problems in a long-term perspective. Economic development and social stability in China serve its national interest but also transform China into a major force for peace and stability in Asia and other regions of the world. I think that in relations with other countries, the United States should take account of their self-esteem and sovereignty. This is a friendly suggestion."*²⁵

In the final period of his term, Clinton softened the tone of his confrontational foreign policy towards China and stressed the importance of a constructive involvement in the geopolitical dynamics in Asia. Relations between China and the US were rapidly settled. A visit of Jiang Zemin in Washington took place in 1997, and was reciprocated by Clinton with a visit to Beijing in 1998.

What was missing was a definite agreement on the common goal, such as the one had been once put in place during the seventies, namely the resistance against Soviet hegemony that had joined Beijing and Washington at that time. The differences of view were still about the protection of human rights. Also the Chinese perceived the American policy as hostile against China, as it aims to prevent it from reaching the status of a great power.

Among the many points of friction between Chinese and Americans, the issue of Taiwan is among the most worrying. Taiwan was able to develop a thriving economy and create strong democratic institutions; it had joined APEC (Asian Pacific Economic Cooperation) and had participated in the Olympic Games with the approval of Beijing.²⁶ In the eighties Beijing had advanced proposals for unification under which Taiwan would be granted full internal autonomy. At the end of 1993, Taiwan had already surpassed Japan to become the second largest source of overseas investments in China.

The US administration tried to keep out of

these developments. In a meeting between Clinton and Jiang Zemin held in November 1993 in Seattle, during an APEC summit, Clinton declared: *"The US policy on a unique China is the policy that's right for our country. Does not prevent us to follow the guidelines of the Taiwan Relations Act, nor prevents us from maintaining close economic relations with Taiwan. In this summit, as you know, there is a representative of Taiwan, so I'm satisfied with the situation in which we find ourselves. But do not think this will build an obstacle to our relations with China."*²⁷

From the perspective of Clinton, Chinese leaders had to show moderation.

In May 1995, according to China government press agency *"China-U.S. relations plummeted to its lowest point."*²⁸ Chinese officials began to regularly denounce alleged American interference in their internal affairs. The complaint by the Chinese was clear, the United States were pursuing an inconsiderate policy of power and hegemony, they wanted to westernize and divide China.²⁹ Specific examples were provided to substantiate these allegations. The United States had allowed the Taiwanese President Lee to travel to their country, they had sold to Taiwan 150 F-16 fighters, had called Tibet a "sovereign occupied territory", had denounced China for human rights abuses, accusations were moved to China for selling components for the construction of chemical weapons to Iran.

There were displays of force between the Chinese and US troops in the Taiwan Strait in March 1996. By then on the brink of the precipice, Washington and Beijing both pulled back, realizing they did not have interests for which to fight a war, nor conditions to impose capable of changing the reality.

During the Kosovo war, in May 1999, an American B-2 bomber destroyed the Chinese embassy in Belgrade. China unleashed a storm of protest, the Chinese President Zemin spoke

²⁵ Kissinger, Henry. Op. cit., - P. 417.

²⁶ Sutter, Robert. Taiwan's Future: Narrowing Straits. - National Bureau of Asian Research Analysis, 2011. Mode of access: <http://www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=224>

²⁷ Clinton, William J. Remarks and an exchange with reporters following discussion with President Jiang Zemin of China, November 19, 1993, Source: public papers of the president of the United States of America.

²⁸ Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/2008-12/31/content_10586695.htm.

²⁹ Huntington, Samuel P. Lo Scontro delle Civiltà. - Garzanti editore, Milano, 2005. - P. 327.

of deliberate provocation and added, in a tone of defiance: *“The great People’s Republic of China will never be bullied, the great Chinese nation will never be humiliated, and the great Chinese people will never be conquered.”*³⁰

In the new millennium, China reached the status of a great power after taking the road toward modernization. The results are astonishing. China grew by more than 9% a year for almost thirty years, and for a large economy, the growth rate is the highest in history. In this same period, it pushed out of poverty about four hundred million people, and the average per capita income of the Chinese rose about seven times.

China is the world’s largest producer of coal, steel and cement. It is the largest market for mobile phones in the world. In 2005 it had about two thousand square kilometers occupied by construction works in progress, over five times more than in the United States of America. Its exports to the United States grew by 1,600% over the past fifteen years.

Looking at the manufacturing sector, if we consider Walmart – one of the largest companies in the world – its revenues are eight times those of Microsoft, and amount to 2% of the U.S. GDP. It employs 1.4 million people, more than those of General Motors, Ford, General Electric and IBM’s combined.

China has also pursued a policy of investment and the conquering of new markets. Now the trade/GDP ratio in China is 70%, a figure that makes it among the most open economies.

China is also the largest holder of money in the world. Its foreign exchange reserves amounted to fifteen hundred billion dollars, 50% more than those of the second country (Japan) and three times those of the entire European Union.

In short, China is the largest country in the world, the fastest growing economy, the largest producer, the second largest consumer, the biggest investor and (almost certainly) the second country in the world for military expenditures.³¹

The data listed above show what is the extent of the rise of China, it will not replace the US as the superpower of the world in the short term but, industry after industry, it has become

the second most important country in the world, shaping an entirely new international system.³²

In 2001 the new status of China was confirmed by the approval of its application for the organization of the 2008 Olympics and the conclusion of negotiations for its entry into the WTO (World Trade Organization). During this process, China and the United States developed ever closer economic relations.

China was quickly rising to a new role in the world, with interests in every corner of the globe and ever closer integration with the major political and economic trends (see Figure 3).

Figure 2. Facts and Figures of Chinese Growth

Data Profile	2000	2005	2007
World view			
Population, total (millions)	1,262.65	1,303.72	1,317.89
Population growth (annual %)	0.8	0.6	0.5
Surface area (sq. km) (thousands)	9,598.1	9,598.1	9,598.1
GNI, PPP (current international \$) (billions)	2,939.18	5,339.64	7,157.37
GNI per capita, PPP (current international \$)	2,330	4,100	5,430
Economy			
GDP (current US\$) (billions)	1,198.48	2,235.91	3,382.26
GDP growth (annual %)	8.4	10.4	13.0
Inflation, GDP deflator (annual %)	2.1	3.8	7.4
Gross capital formation (% of GDP)	35	44	43

Sources: UNData, The World Bank, OECD iLibrary.

The United States in 2001 had a new president, George Bush Jr., the son of ex-president George H.W. Bush. The relationship with the new president began with further military confrontation which was not at all desired. On April 1, 2001, a US reconnaissance plane flying over the Chinese coast just outside the territorial waters of Beijing was located and tailed by

³⁰ Kuhn, Robert Lawrence. The man who changed China: the life and legacy of Jiang Zemin. - Crown, 2005.

³¹ Zakaria, Fareed. L’Era Post-Americana. - Rizzoli, Milano, 2008. - P. 93.

³² Kaplan, Robert. China’s Grand Map // Foreign Affairs, May/June 2010. - P. 22.

Figure 3. The North Korean Nuclear Threat

North Korean missile threats

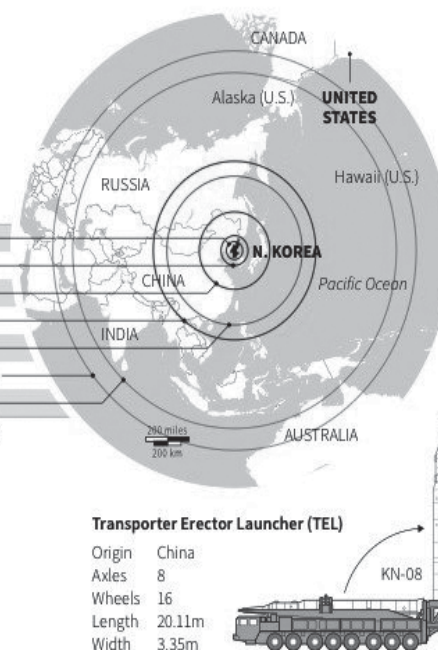
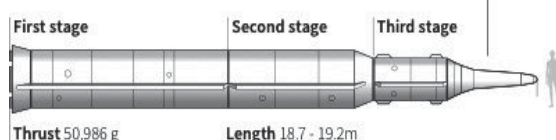
Speculation about missile movements have centred on two types of weapon, the Musudan and the lesser-known KN-08 limited-range ICBM

MISSILE CAPABILITIES — North Korea's estimated ballistic missile ranges

STATUS: ■ Operational ■ Flight tested ■ In development/untested

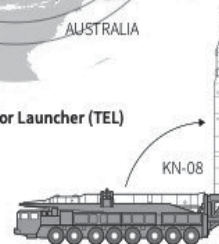
	Origin	Warhead (kg)	Range (km)	Length (m)
Hwasong-5	Russia	1,000	300	10
Hwasong-6	Russia	700	500	15
Rodong	N. Korea	700	1,300	20
Musudan	Russia	650	3,000+	25
Taepodong-1	N. Korea	500	2,500	30
Taepodong-2	N. Korea	700-1,000	6,700	30
KN-08 (Nodong C)	N. Korea	750-1,000	6,000	30

KN-08 — Unlike the Taepodong-2, the North's other long range missile, the KN-08 is transportable and can be deployed strategically

Transporter Erector Launcher (TEL)

Origin	China
Axles	8
Wheels	16
Length	20.11m
Width	3.35m

Sources: Federation of American Scientists; Global Security; Center for Nonproliferation Studies; South Korean defence ministry

Sources: Reuters on data from the Federation of American Scientists, Global Security, Center for Nonproliferation Studies, South Korean Defense Ministry

a Chinese military plane, which then collided in flight with the American aircraft off the coast of southern China. However, the Chinese president reiterated in a statement the importance of Sino-American.

The American position towards the issue of Taiwan has to be put in evidence, the United States did not support Taiwan independence, but they did not even favored reunification with continental China.³³

Regarding America we can question if China was a partner or an opponent and whether the future reserved a partnership or a falling-out. The American mission was torn between spreading democracy in China, or collaboration with this country in order to create a peaceful world.

In China, in 2003, the new President Hu Jintao rose to power; as did his predecessor, he supported cooperation with the United States in the fight against international terrorism. In

particular in the Chinese region of Xinjiang, there were cells of Islamic terrorists that struck the central authority of Beijing with a series of bombings. After the September 11 attacks, China offered diplomatic support and intelligence; in the period between the American invasion of Afghanistan and the war in Iraq, Beijing proved far less critical of Washington than some European countries (primarily France and Germany³⁴) at the United Nations.

Another issue that divided China and the United States was the non-proliferation of nuclear weapons and relations with North Korea. For the duration of the Cold War, nuclear weapons were almost exclusively in the possession of the United States and the Soviet Union. Despite deep ideological hostility and geopolitics, the two powers were both aware of the risk of a possible use of nuclear weapons in war. Since nuclear weapons have continued to spread, the balance that was standing in the Cold War is be-

³³ Yahuda, Michael. "The International Politics of the Asia-Pacific", op. cit. - P. 274.

³⁴ Kissinger, Henry. Op. cit. - P. 441.

ing challenged by countries that do not have the knowledge and experience of the superpowers.

Perhaps it is an irony of history that dialogue emerged between Washington and Beijing from the issue of nuclear proliferation in North Korea, since it was about Korea that the United States and the Republic of China clashed for the first time on the battlefield, sixty years ago.

In 1950 the newborn Republic of China went to war against the United States because they saw in the permanent presence of the US military on its borders with Korea a threat to its long-term safety. Sixty years later, the engagement of North Korea in a military nuclear program posed a new problem, which evokes some of geopolitical issues of that period.³⁵

In the first ten years of the North Korean nuclear program, China took a neutral position, saying that it was an issue that the United States and North Korea had to resolve among themselves.³⁶ With the passage of time, it became clear that the North Korean nuclear proliferation would eventually also affect the security of China. If Korea had become a nuclear power eventually, Japan and South Korea would probably join the nuclear club, changing the strategic landscape of Asia.

China was concerned, as it was aware of the fragility of the regime of North Korea, and would like to avoid having a neighbor with nuclear weapons at its borders, which could cause instability in East Asia.

At the election of President Barack Obama, in 2008, the Sino-American relations could be considered good. The two countries proclaimed commitment to consultation and even to the partnership on major international policy issues. There are some outstanding issues: relations with Taiwan, the resolution of the crisis in North Korea, the Chinese territorial claims, the defense of human rights, the issue of Tibet. These events mark the distance between Beijing and Washington, which still seems significant.

³⁵ Snyder, Scott. *The Korean Peninsula and Northeast Asia Stability* // *International Relations of Asia* / ed. by D. Shambaugh. - Rowman publishers inc, 2008. - P. 258.

³⁶ Kang, C.S. Eliot. *North Korea's International Relations: the Successful Failure?* // *The International Relations of Northeast Asia* / ed. by Samuel S. Kim. - Rowman & Littlefield ed, 2004 - P. 281.

Conclusions

In this paper we wanted to analyze the role of Russia and the United States in East Asia since the end of the Cold War during the period leading up to about 2010. We highlighted the relations of the two historical superpowers, respectively with China, South Korea, North Korea, Taiwan, and finally Japan.

The analysis has produced the following observations:

- Russia acted as a rising power in Asia, its relations with China and South and North Korea are generally positive to strong.
- The points of attrition between the American superpower and the People's Republic of China in Asia have grown with the rising of the latter.
- Russia worked toward regaining its role as a superpower in Europe and in Asia.
- The relations between Russia and the U.S.A. are marked by fractures due to a broad range of issues.

The unilateral policy promoted by the Bush administration after the terror attacks of September 11 shaped the contrasts between Washington and Moscow during the last decade.

A legitimate question is why the Western media direct a significant effort in criticizing the actions, especially the foreign policy, of the Russian Federation and the person of its President, whereas the American international policy is generally subject to more benevolent views.

The conclusion of the authors is that Russia pursued a policy of protection of its national interests in the region, a common goal to all the world powers; hence the debate concerning the criticism of the West against Moscow – while countries such as England, France and the United States are not judged by such strict standard – should be contextualized with considerations on public opinion shaping and consensus gaining, rather than less palpable ethical and moral reason.

Внешняя политика США и России в Восточной Азии

Анна Корсаро, независимый исследователь в области международных отношений и политических наук.

Дэниэл Дьюдер, независимый исследователь в области международных отношений и международной экономики.

***Аннотация:** Статья посвящена роли Российской Федерации в Восточной Азии как мировой державы с 2000 по 2010 годы, когда Россия продолжала углубление отношений с такими ключевыми региональными акторами, как Китай, Япония, Тайвань, КНДР и Южная Корея. Автор предлагает подробный сравнительный анализ политики и конкретных шагов России в регионе с политикой США, которые, как считалось, играли доминирующую роль на протяжении всего указанного периода. Особое внимание также уделено сценариям возможной эскалации в отношениях между различными акторами азиатского региона.*

***Ключевые слова:** США, Россия, Восточная Азия, внешняя политика, Китай, Япония, мировая держава.*

Foreign Policy of the USA and Russia in East Asia

Anna Corsaro, Independent Researcher in International Relations and Political Science.

Daniel Djouder, Independent Researcher in International Relations and International Economics.

***Abstract:** This paper analyzes the role of the Russian Federation as a world power in the East Asian area between 2000 and 2010, delving into its relations with major regional actors, namely: China, Japan, Taiwan, North Korea and South Korea. Russia's policies and actions are compared to those of the United States as the arguably predominant superpower during most of the period in exam. Emphasis is put on the possible causes of escalation between the various actors within the Asian scenario, with a detailed comparison between the actions taken by Russia and the United States.*

***Key words:** USA, Russia, East Asia, foreign policy, China, Japan, world power.*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ КНР С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

К.С. Санин

Для Китая всегда был характерен высокий уровень исторического самосознания и повышенное внимание к изучению и описанию своего прошлого, о чём свидетельствует, в том числе, и развитая в этой стране традиция историографии¹. Традиционно, к древности обращались как к периоду идеальных государственных и общественных порядков, восстановление которых представлялось главной задачей правителей страны. Кроме того, исторические описания служили для таких целей, как получение опыта из событий прошлого, создание образов положительных и отрицательных национальных героев, утверждения собственной идентичности и места в истории, а также для обоснования прав на преемственность.

Исторические сюжеты, помимо официальных и научных трудов по истории, также присутствуют в произведениях китайской культуры разных периодов. На протяжении многих столетий эти сюжеты сохранялись и распространялись рассказчиками среди простого населения. В древнем Китае исторические события и сюжеты были широко представлены, прежде всего, в произведениях песенно-повествовательного жанра, которые в современном Китае называются цюй-и. Народные сказители – шошуды – в своих выступлениях рассказывали про-

стым людям сказы и истории о событиях прошлого и пользовались большой популярностью². Естественно, истории такого рода не способствовали появлению у слушателей целостной картины исторического прошлого, а только создавали общее представление о наиболее значимых его событиях. В настоящее время самые популярные исторические сюжеты широко известны в китайском обществе и время от времени встречаются в официальных выступлениях китайских политиков.

Развитие исторического нарратива в современной КНР

История и её интерпретации приобретают особую значимость в период радикальных политических перемен и перехода от одного состояния к другому. В связи с меняющейся обстановкой правящий режим может подбирать новые подходы для истолкования исторических событий и легитимации собственной власти. Так после основания КНР маоистское правительство выстраивало описание истории страны вокруг новых для того времени тем классово-вой борьбы и национального освобождения под руководством КПК. Начавшиеся в конце 1970-х годов экономические реформы и

¹ Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. Отечественные исследования / Б.Г. Доронин. – СПб: Издательство: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 74. [Doronin B.G. Istoriografiia imperatorskogo Kitaia XVII-XVIII vv. Otechestvennye issledovaniia / B.G. Doronin. – Spb: Izdatel'stvo: Filologicheskii fakul'tet SPbGU <http://www.ozon.ru/brand/859418>, 2002. - S.74].

² Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. Лит., – 2006. [Т.3]: Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др., 2008. – С. 110–112. [Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia: v 5 t. / gl.red. M.L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. - M.: Vost. Lit., - 2006. [Т.3]: Literatura. Iazyk i pis'mennost' / red. M.L. Titarenko i dr., 2008. - S. 110-112].

общая либерализация серьезно подорвали главные идеологические основы коммунистического режима: веру в социализм, в марксизм и в Партию. В дополнение к ним уже в период правления Дэн Сяопина всё больше на первый план стал выдвигаться китайский национализм. При этом в отличие от времени правления Мао Цзэдуна, когда основное внимание уделялось победам и достижениям китайского народа под руководством КПК, национализм пост-маоистского периода строился прежде всего вокруг потерь и неудач, которые Китай претерпел за так называемый «век унижений», начиная с первой Опиумной войны 1839–1942 гг. и до основания КНР в 1949 г.

Инструментализация китайскими лидерами проблем исторического прошлого заметно проявилась после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Дэн Сяопин так прокомментировал введение западными странами эмбарго против Китая: «Как китаец, я хорошо помню историю. Когда я слышу, что лидеры 7 западных стран ввели санкции против Китая, я сразу вспоминаю агрессию против Китая коалиции 8 держав в 1900г.»³. Введенными странами Запада и Японией санкции, очевидно, нельзя сравнить с военным вторжением, однако Дэн Сяопин провёл подобную аналогию для того, чтобы обосновать правоту действий китайской власти и осудить негативную реакцию на них из-за рубежа.

Развитию в 1990-х годах в КНР нарратива об истории притеснений Китая со стороны стран Запада и Японии способствовало то, что, во-первых, сложившаяся в XIX веке и основанная на доминировании Запада глобальная система международных отношений, в которой Китай был лишен своего былого великодержавного статуса, в значительной степени продолжала существовать к

концу XX века (к примеру, Гонконг оставался под британской юрисдикцией до 1997г.); во-вторых, несмотря на достаточно длительный период, прошедший после основания КНР, и видимые успехи политики реформ и открытости, Китай всё ещё оставался развивающимся государством и по основным показателям развития существенно уступал странам Запада, Японии и России, серьезное давление которых он испытал на себе в XIX – начале XX века. Таким образом, возрождение и развитие Китая видится китайским обществом и политическими элитами как процесс всестороннего наращивания мощи государства, исправления совершенных по отношению к Китаю несправедливостей, в том числе и восстановление контроля над утраченными территориями, и возвращение былого международного статуса.

История «века унижений» стала частью новой правительственной кампании в области образования и нашла свое отражение в научной и популярной литературе, выступлениях политиков и произведениях массовой культуры. Обычно эта история рассказывается в рамках традиционной историографии с перечислением войн, вторжений, неравноправных договоров и других подобных событий. Неравноправные договоры служат темой для исследования многих современных китайских авторов. Помимо отрицательной роли иностранных держав также подчеркиваются пороки тогдашних китайских правителей. Как говорится в одной из программных книг о «веке унижений»: «Никогда не забывайте национального унижения...». Вторжение империалистических держав в совокупности с тупостью и коррумпированностью реакционного правящего класса стали основой для катастрофы»⁴.

Из перечня ключевых событий «века унижений» можно сделать вывод, что к странам, к которым китайские авторы и исследователи имеют исторические претензии, относятся, прежде всего, Великобритания, Франция, Россия и Япония. При этом образ основного врага Китая постепенно смещается

³ Дэн Сяопин. Чжэнсин чжунхуа минцзу [Возрождение китайской нации] / интернет-версия «Жэньминь жибао». Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/69112/69113/69684/69696/4950056.html> [дата обращения: 02.12.2014]. [Den Siaopin. Chzhensin chzhunkhua mintsu [Vozrozhdenie kitaiskoi natsii] / internet-versiia «Zhen'min' zhibao». Mode of access: <<http://cpc.people.com.cn/GB/69112/69113/69684/69696/4950056.html>>].

⁴ Чжоу Шань и Чжан Цюньбо. Гочи лу: Ту шо чжунхуа бай нянь [Свод национальных унижений] / Чжоу Шань, Чжан Цюньбо. – Ланьчжоу: Ганьсу циньнянь чубань шэ, 1997. – С.23.

с западного империализма к японскому. Концом «века унижений» официально принято считать основание Китайской Народной Республики, и избавление от последствий того периода призвано подчеркнуть принципиальное отличие нынешнего правящего режима от коррумпированных и некомпетентных властей Цинской династии и Гоминьдана и обосновать легитимность власти КПК.

Происходящее в настоящее время укрепление КНР в качестве региональной и глобальной державы привело к обострению территориальных споров с рядом стран Восточной Азии. В последние годы повышенное внимание привлекают обострившиеся конфликты за акватории и острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, которые имеют большую экономическую и военно-стратегическую ценность⁵. Исследование юридической стороны вопроса показывает полное отсутствие у КНР прав на эти острова и акватории, однако в современной КНР острова Сенкаку и Спратли изображаются как исторически неотъемлемая часть китайской территории⁶.

Территориальные споры Китая со странами Юго-Восточной Азии считаются непосредственно связанными с «историческим возрождением китайской нации», что демонстрирует комплексность и многогранность данной проблемы. В 1990-х годах наиболее острыми проблемами такого рода были Гонконг и Макао. Как сказал на церемонии по случаю возвращения Гонконга под китайскую юрисдикцию Председатель Цзян Цзэминь, «оккупация Гонконга была олицетворением унижения, которое претерпел Китай в новейшей истории»⁷. Возвращение этих территорий представлялось как значимый этап исторического возрождения

и снятие позора, понесенного от западных держав. Следовательно, в рамках подобного понимания территориальных конфликтов, КНР не может позволить себе уступки в спорах за острова и акватории в Восточно-китайском и Южно-китайском море. В XIX веке Китай потерял лицо, позволив отторгнуть от себя территории, которые он считал своими, и, по мнению китайского общества и руководства КНР, подобное не должно повториться в период «исторического возрождения», тем более в конфликте со странами, которые исторически входили в сферу влияния китайской империи.

Историческое сознание в международных отношениях

Вся совокупность исторических мифов, оценок, идей, взглядов, настроений и интерпретаций исторических событий, которые наиболее распространены в обществе, называется историческим сознанием⁸. Особое историческое сознание характерно как для общества и государства в целом, так и для различных социальных и этнических групп. Таким образом, на основании общих представлений о прошлом обеспечивается осознание людьми связи между поколениями и своей принадлежности к определённой исторической общности (нации, государству).

Историческое сознание охватывает широкий круг знаний и представлений, которые находят свое выражение в ряде исторических стереотипов, которые можно описать как упрощенные и устоявшиеся представления о наиболее значимых исторических явлениях и событиях, которые считаются определяющими для исторического пути и получают наибольшее внимание. Через исторические стереотипы национальное историческое сознание воздействует на то, как общество определяет свои интересы во внутренней и внешней политике. Так как

⁵ Billo, Andrew. Co-operate and Share: A Way to Peace in the South China Sea/A. Billo// Global Asia, 2013, Vol.8., №3. – Pp. 72-75.

⁶ Наньшачуньдао ши Чжунго линту бужунчжи [Острова Спратли, несомненно, являются частью Китая]. Жэньминь жибао. 8 июня 2011 г.

⁷ Цзян Цзэминь. Сянган хуэйгуй цзянхуа [Выступление Цзян Цзэминя по случаю возвращения Гонконга]. Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=Xb5KsMbjR2U [дата обращения: 12.12.2014].

⁸ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – №4. – С. 26–42. [Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaiia pamiat'. Analiz sovremennogo sostoiianiia / Zh.T. Toshchenko // Novaia i noveishaia istoriia. - 2000. - №4. - S. 26-42].

интересы общества являются составной частью национальных интересов, и политическая элита ссылается на них для обоснования государственной политики, то стереотипы можно рассматривать в качестве связующего звена между историческим сознанием и государственной политикой.

В вопросах международных отношений знания о наиболее важных для страны событиях исторического прошлого вместе с оценками этих исторических явлений влияют на развитие общих внешнеполитических взглядов. Исторические стереотипы в отношении иностранных государств служат одним из оснований для появления внешнеполитических стереотипов, которые охватывают наиболее важные черты государства⁹. К таким чертам следует отнести общепризнанные границы, мощь государства, характер его отношений с другими странами (дружественность, враждебность), способ ведения внешней политики, доминирующую систему ценностей¹⁰. Исторические стереотипы – это не единственное, что определяет образ страны в международной политике. Внешнеполитические стереотипы неоднородны и сочетают в себе элементы трех исторических периодов – видение истории взаимоотношений, оценка современного положения дел и прогноз развития международных отношений в будущем. Исторические стереотипы служат одной из составляющих внешнеполитических стереотипов, при этом они взаимодействуют с видением современного положения дел и ожиданиями на будущее. Если учесть зависимость исторических стереотипов от современного положения дел и современных потребностей, то можно сделать вывод, что и во внешнеполитических стереотипах вопросы истории

играют второстепенную роль.

Характерной особенностью инструментализации политическим руководством КНР исторических стереотипов является избирательность. Такой подход объясняется стремлением китайских лидеров поставить проблемы исторического прошлого на службу современным государственным интересам КНР. Интересы государства включают в себя стремление к безопасности от внешних угроз, расширению сферы внешнеполитического влияния, экономическому развитию, а также определяются видением правящей политической элитой потребностей и целей государства. Таким образом, государственные интересы подвержены изменениям, связанным со сменой правящей элиты или с изменением международной обстановки. В зависимости от изменения понимания руководством КНР китайских государственных интересов меняется и подход к различным проблемам исторического прошлого с соседями.

Проблемы истории в отношениях КНР с СССР/Россией и Японией

Связь между меняющимся пониманием государственных интересов КНР представителями её политической элиты с проводимой государством внешней политикой и инструментализацией исторических стереотипов демонстрируется на примере политики КНР в отношении Советского Союза в 1950-1970-х годах. После образования КНР в 1949г. китайское руководство могло бы извлечь выгоду, заняв балансирующую позицию между СССР и США, не примыкая ни к одному из противоборствующих блоков. Такая позиция была бы выгодна КНР из геополитических соображений, но враждебная в то время по отношению к режиму КПК позиция США заставила руководство КНР поставить идеологический фактор выше геополитического, и КНР в начале 1950-х полностью встал на сторону СССР в глобальном противостоянии. В тот период внешний фактор (США) способствовали сближению Китая с СССР и падению интереса к историческим проблемам двусторонних отношений. Однако впоследствии Китай не стал довольствоваться положением младшего партнера СССР и

⁹ Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. – СПб.: Издательство «СПбКО», 2009. [Mezhkul'turnaia kommunikatsiia i mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen: ucheb. posobie / N. M. Bogoliubova, Iu. V. Nikolaeva. – SPb.: Izdatel'stvo «SPbKO», 2009].

¹⁰ Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы / Л.А. Зак. – М: Изд. Междунар. Отношения, 1976. – С. 35–73. [Zak L.A. Zapadnaia diplomatiia i vneshnepoliticheskie stereotipy / L.A. Zak. – M: Izd. Mezhdunar. Otnosheniia, 1976. – S. 35-73].

стал позиционировать себя в качестве лидера мирового коммунистического движения, обвинив при этом СССР в ревизионизме и социал-ревизионизме. Представление маоистской политической элиты о том, что КНР верно следует коммунистическому курсу и тем самым отличается от «ревизионистского» СССР обуславливало враждебное отношение к Советскому Союзу.

В условиях формирования враждебного образа СССР в Китае, негативные исторические стереотипы о России активизировались и стали занимать более важное место во внешнеполитическом стереотипе о России/СССР. Негативный исторический образ России как государства, которое отторгло от императорского Китая громадные территории на северо-западе, полностью соответствовал современному на тот момент сверхдержавному образу СССР. Военное превосходство СССР над КНР дало повод китайскому руководству представить Советский Союз как военную угрозу Китаю. В условиях, когда СССР вместе с США занимали доминирующее положение в системе международных отношений и превосходили другие страны по совокупной мощи, маоистский тезис о советском социал-ревизионизме подкреплялся историческим стереотипом об оккупации царской Россией китайских земель. Можно заключить, что стремление Мао Цзэдуна и его политической элиты превратить Китай в лидера революционного движения привело к ухудшению отношений с Советским Союзом и возрождению негативного исторического стереотипа о России/СССР. Недружественное отношение маоистского правительства к Советскому Союзу подтверждало тезис о противостоянии революционного Китая и «ревизионистского» СССР и тем самым способствовало сплочению народных масс вокруг идей Мао Цзэдуна. В конце 1960-х ухудшение двусторонних отношений привело к советско-китайскому территориальному конфликту и вооруженному столкновению на острове Даманском.

Изменение государственной идентичности и понимания интересов государства наиболее явно проявляется в изменении внешней политики в отношении соседних государств. Отход Китая от маоистской

идеологии и начало политики реформ и открытости после 1978г. привело к пересмотру китайским руководством роли КНР в мире. Китай продолжал оставаться на анти-советских позициях, однако уже с 1979г. предпринимались попытки двустороннего урегулирования советско-китайских отношений. При этом в качестве основных препятствий для нормализации отношений китайская сторона называла поддержку Советским Союзом вьетнамской интервенции в Камбодже, вторжение СССР в Афганистан и размещение советских войск в Монголии. После того, как советское руководство в конце 1980-х устранило все перечисленные препятствия для нормализации советско-китайских отношений, был решен и приграничный вопрос, связанный с историческими притязаниями китайцев на советские территории. Таким образом, уже в 1980-х годах, в условиях сохранения прежнего соотношения сил между СССР и КНР и общего биполярного миропорядка, благодаря изменению образа КНР среди китайских политических элит, стало возможно улучшение советско-китайских отношений. Смена представления политической элиты о месте государства в системе международных отношений наиболее явно проявляется в изменении внешней политики государства по отношению к соседям.

Таким образом, исторические стереотипы в отношении иностранных государств в разной степени проявляются при формировании внешнеполитических стереотипов. В зависимости от современного международного контекста они могут активно проявляться во внешней политике государства или, наоборот, быть вытесненными из внешнеполитического дискурса, что в настоящее время наиболее ярко демонстрируется на примере позиции КНР по проблемам исторического прошлого в отношениях с Россией и Японией. История отношений Китая с двумя этими государствами содержит схожие моменты и дает повод для недружественного отношения и территориальных претензий. Вместе с тем, современное состояние двусторонних отношений между КНР и Россией сильно отличается от того, как обстоят дела в отношениях между КНР

и Японией. В отличие России, официальное отношение китайских правящих кругов к Японии характеризуется повышенным вниманием к вопросам истории, которые играют важную роль в осложнении отношений между двумя странами.

В настоящее время в КНР распространяется целый ряд изданий, фактически отражающих официальное толкование характера российско-китайских отношений. Согласно современной китайской концепции российско-китайских отношений, вся история отношений Китая с Россией и СССР делится на периоды «равноправных» и «неравноправных» отношений. В изданиях, публикация которых санкционируется китайскими властями, вся история двусторонних отношений с конца XVII до конца XX века изображается как постоянный агрессивный натиск России на Китай, который на протяжении последних 150 лет находился в подчиненном положении и утратил огромные территории на севере. И только в начале XXI века после распада СССР и долголетнего укрепления КНР стало возможным установить равноправные отношения между двумя странами.

Современная китайская историография оценивает политику Российской империи и СССР по отношению к Китаю достаточно негативно. Все договоры с Россией/СССР, заключённые начиная с 1858г., объявляются «неравноправными» и ставятся в один ряд с договорами, которые ослабленная Цинская империя заключала с европейскими государствами и Японией после начала первой Опиумной войны (1839-1842гг.) в условиях подавляющего военного превосходства иностранных держав и которые обязывали Китай к территориальным и прочим уступкам. Неодобрительно в КНР смотрят и на всю последующую политику царской России в Китае в конце XIX- начале XX вв.¹¹

¹¹ Галенович Ю.М. Россия в китайском зеркале. Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений/ Ю.М. Галенович – М.: Восточная книга, 2011. – С. 215–229. [Galenovich Ju.M. Rossiia v kitaiskom zerkale. Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i rusko-kitaiskikh otnoshenii/ Ju.M. Galenovich. - M.: Vostochnaia kniga, 2011. - S. 215-229].

Совсем по-другому интерпретируют этот этап двусторонних отношений российские авторы. По мнению российских исследователей, Россия в XIX в. воспользовалась ослаблением Цинской империи для развития трансграничных торгово-экономических связей, что отвечало общественным интересам обеих государств. Кроме того, заключение Айгунского и Пекинского мирного договоров закрыли доступ в Амур для третьих стран и сняли возможность эскалации российско-китайских отношений. Продвижение российского государства на Восток и укрепление им своих позиций на Амуре носило комплексный характер и не может рассматриваться исключительно как проявление военно-политического давления на Китай¹².

Следует отметить, что современные китайские концепции воспроизводят традиционно принятые в Китае оценки территориального разграничения с Россией. В XIX в. цинские власти изначально с неприятием воспринимали любые территориальные уступки по отношению к России и договора, которые эти уступки устанавливали. После подписания Айгунского договора правительство Цинской империи отказывалось его ратифицировать и предприняло ряд военных мероприятий в Уссурийском крае, который тогда ещё имел статус российско-китайского двустороннего condominiuma. Только в условиях осады Пекина англо-французскими войсками и при российском посредничестве между воюющими сторонами, китайские власти согласились на подписание Пекинского договора, согласно которому, среди прочего, утверждались все положения Айгунского договора. Таким образом, согласие властей Цинской империи на принятие российских условий по проведению границы было получено в результате военного давления, которое, правда, оказывалось не Россией, а со

¹² Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и в Китае (1980–1990 гг.) / А.Д. Воскресенский; Рос. науч. фонд. – Москва, 1994. – С. 23–26. [Voskresenskii A.D. Sovremennye kontseptsii rusko-kitaiskikh otnoshenii i pogranichno-territorial'nykh problem v Rossii i v Kitae (80-90 gg.XX v.) / A. D. Voskresenskii ; Ros. nauch. fond. - Moskva, 1994. - S. 23-26].

стороны англо-французских коалиционных войск. Точно также, цинские власти Китая с нежеланием шли на уступки России при проведении межгосударственной границы в Центральной Азии. Заключенный в 1879г. российско-китайский Ливадийский договор был пересмотрен под угрозой возможного возникновения антирусского китайско-британского союза, и в результате Пекинский договор 1881г. оказался значительно более выгодным для Китая.

Негативное отношение к договорам о границах с Россией сохранялось в Китае в республиканский период (1912–1949 гг.) и перешло вместе с властью Гоминдана на Тайвань. Решения о демаркации российско-китайской границы в XIX в. считались крайне неоднозначными, и документы, связанные с этими событиями хранились засекреченными до 2007 г. В книге, выпущенной Музеем императорского дворца Тайбэя по случаю обнаружения исторических карт и договоров, установление российско-китайской границы на Дальнем Востоке и в Центральной Азии описывается как утрата исторического масштаба, которую понес Китай. Тайваньские историки утверждают, что Россия, пользуясь ослаблением Китая и его внутренними волнениями, безосновательно и под ложными предлогами отторгла от китайского государства полтора миллиона квадратных километров территории на северо-западе. То есть, даже на Тайване, где всё меньше людей ощущают свою принадлежность к китайской нации, общие взгляды на историю российско-китайских отношений совпадают с теориями китайских националистов, выработанными в период правления Гоминьдана и принятыми в настоящее время в КНР.

В наше время в КНР внешняя политика Советского Союза описывается также в темных тонах. В изданной в 2007г. Академией общественных наук КНР книге о Второй мировой войне СССР представляется в образе одного из виновников войны. По мнению автора, СССР также «оккупировал» Курилы, а утверждение на Ялтинской конференции решения о признании государственного суверенитета Внешней Монголии описывается как «мюнхенский сговор» в отношении Китая. В издаваемых в КНР

учебных пособиях для вузов китайская политика Российской империи и СССР описывается исключительно как враждебная Китаю¹³. «Неравноправным» объявлен даже советско-китайский договор о дружбе и сотрудничестве 1950 г.¹⁴.

В настоящее время, проблемы исторического прошлого в российско-китайских отношениях обсуждаются лишь на уровне экспертного сообщества и полностью игнорируются на официальном уровне двусторонних отношений. Как китайские, так и российские руководители характеризуют отношения РФ и КНР как партнерские и добрососедские. Вопрос о восточном участке российско-китайской границы считается улаженным с 2006г.¹⁵, и власти КНР не говорят даже об исторической принадлежности Китаю территорий к северу от Амура, как это было в 1960-х годах¹⁶.

Современное взаимодействие России и Китая отличается высокой динамикой развития, активными связями на всех уровнях власти. Двусторонние отношения строятся

¹³ Пэнъ Синьхоу. Ди эр ци шицзе дачжань мивэнь [Неизвестные страницы Второй мировой войны] – Пекин: Бэйхуа Чубаньшэ, 2007. – С. 75–110.

¹⁴ Тихвинский С.Л. Восприятие образа России в Китае: введение к историческому обзору / С. Тихвинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №1. – С. 86–94. [Tikhvinskii S.L. Vospriatie obraza Rossii v Kitae.: vvedenie k istoricheskomu obzoru / S. Tikhvinskii // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2008. - № 1. - S. 86-94].

¹⁵ Элосы лянбан гайкуан. Юй Чжунго гуаньси [Общее описание России. Отношения с Китаем]. ВСНП КНР. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/wyzzzy/cfhgjh/2013-09/11/content_1806393_7.htm [дата обращения: 12.04.2015].

¹⁶ Заявление Правительства КНР от 8 октября 1969г.: «Китай не требует возврата территорий, аннексированных царской Россией». – Цит. по Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и в Китае (80–90 гг. XX в.) / А. Д. Воскресенский; Рос. науч. фонд. – Москва, 1994. – С. 10. [Voskresenskii A.D. Sovremennye konceptsii russko-kitaiskikh otnoshenii i pogranichno-territorial'nykh problem v Rossii i v Kitae (80-90gg. XXv.) / A. D. Voskresenskii; Ros. nauch. fond. - Moskva, 1994. - S. 10].

на принципах, выраженных в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001г, в котором, в том числе, указывается на отсутствие взаимных территориальных претензий¹⁷. Несмотря на относительно небольшой масштаб двусторонних экономических связей, российско-китайское взаимодействие в политической сфере и сфере обеспечения безопасности находится на высоком уровне. На глобальном уровне стороны выражают схожую позицию по целому ряду актуальных вопросов, демонстрируют единые подходы по принципиальным вопросам мировой политики. Единство позиций по ключевым международным проблемам основывается на неприятии американского гегемонизма и однополярного мироустройства и находит выражение в многих совместных декларациях и меморандумах¹⁸. Помимо взаимодействия в двустороннем формате, Россия и Китай на глобальном уровне развивают сотрудничество в рамках таких многосторонних организаций, как БРИКС и ШОС.

Можно констатировать, что история российско-китайских отношений в том виде, как она интерпретируется китайскими деятелями, прошлыми и современными, дает много оснований для негативного восприятия России в Китае, а также для выдвижения властями КНР официальных территориальных претензий к России. Тем не менее, этого не происходит, и двусторонние отношения в целом развиваются в положительном ключе.

¹⁷ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. – М., 2007. – С. 143–152. [Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. - M., 2007. - S.143-152].

¹⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 26 марта 2007 г. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. – М., 2007. – С. 491–502; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики по вопросам противоракетной обороны от 18 июля 2000 г. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. – М., 2007. – С. 75–78. [Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. - M., 2007. - S. 491–502; Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. - M., 2007. - S.75-78].

Совсем другая ситуация сложилась в отношении Китая к Японии. Проблемы исторического прошлого занимают важное место в современной повестке китайско-японских отношений. На доводах исторического характера строятся территориальные претензии КНР к Японии, на острова и акватории в Восточно-китайском море.

Следует учитывать, что проблемы исторического прошлого в отношениях с Японией, которые в последние 10–15 лет стали занимать одно из центральных мест в китайско-японских отношениях, далеко не всегда удостоивались внимания китайского руководства. После Второй мировой войны Япония, как и большинство стран в то время продолжала считать режим Гоминдана легитимным правительством Китая и в 1952г. подписала мирный договор с Китайской республикой на Тайване, что делало невозможным налаживание официальных отношений с КНР. Однако при посредничестве общественных и коммерческих организаций китайско-японское взаимодействие активно развивалось, и в середине 1950-х гг. Япония стала крупнейшим экономическим партнером Китая среди стран, не входящих в социалистический лагерь. По мере осложнения советско-китайских отношений, Пекин налаживал связи с Японией, для которых в качестве основы было выбрано экономическое сотрудничество и идеи паназиатизма. Особым явлением в этой связи было приглашение в 1956г. бывших высокопоставленных чинов японской императорской армии на прием в Китай на высшем уровне. КПК стремилась наладить отношения с Японией для получения доступа к японским капиталами и технологиям, и в качестве идеологической основы для сближения КНР с Японией использовалась культурная общность двух восточноазиатских стран и противопоставление СССР и США как двум мировым гегемонам.

Наиболее успешный период в китайско-японских отношениях пришелся на 1980-е годы, когда Япония принимала активное участие в экономической модернизации КНР и на протяжении долгого времени оставалась крупнейшим поставщиком промышленных поваров в КНР и импортёром китайского сырья. Общая в то время для КНР и Японии антисоветская направленность спо-

способствовала выработке совместной внешнеполитической позиции по актуальным для того времени вопросам безопасности в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Впоследствии, после событий 1989г. на площади Тяньаньмэнь, когда западные страны ввели санкции против КНР, Япония была первой из стран G7, полностью возобновившей сношения с Китаем¹⁹.

Однако даже в самые благоприятные для китайско-японских отношений 1980-е годы, двусторонние связи осложнялись историческими проблемами. В 1985г. посещение премьер-министром Японии храма Ясукуни, где почитаются погибшие японские воины, в том числе и те, которые после китайско-японской войны 1937–1945 гг. были признаны военными преступниками, вызвало значительное негодование в Китае. Возмущение китайцев из-за публичного почитания официальными лицами Японии военного прошлого страны выражалось как в официальных заявлениях китайских политиков, так и в массовых антияпонских демонстрациях. В середине 1980-х годов поводом для двусторонних конфликтов на высшем уровне также были издаваемые в Японии учебники истории и высказывания японских официальных лиц о роли Японии во Второй мировой войне. Кроме того, в 1987 г. дипломатические протесты Пекина вызвало решение японского суда оставить старое китайское общежитие в Токио в собственности Китайской Республики (Тайвань)²⁰.

Отношения между КНР и Японией на современном этапе известны своей неоднозначностью и сочетают высокую степень сотрудничества и взаимного неприятия. Основой для китайско-японских отношений служит торгово-экономическое сотрудничество и контакты на уровне граждан. Наряду с США и Южной Кореей Япония входит в тройку крупнейших торговых партнеров КНР. Общий объем японских инвестиций в экономику КНР рос вплоть до 2012 г., и сей-

час, несмотря на некоторое снижение инвестиционной активности, Япония остается одним из основных партнеров КНР в данной сфере. Начиная с 2012 г. КНР, Япония и Южная Корея ведут переговоры о создании совместной зоны свободной торговли. Кроме того, современная японская культура пользуется большой популярностью в Китае; количество китайских туристов, посещающих Японию, постоянно растет²¹.

Тем не менее, все положительные моменты в отношениях между странами в настоящее время не ослабляют остроту претензий исторического характера, которые КНР предъявляет Японии. Так, например, бывший Председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао выделял решение исторических вопросов как одно из важнейших направлений в развитии отношений с Японией²². Правительство КНР требует от Японии официального признания вины за развязывание агрессивной войны против Китая и других стран Восточной Азии в 1937–1945 гг. К отдельным вопросам исторического прошлого двусторонних отношений, которые официальные представители КНР поднимают наиболее часто, следует отнести требования к Японии признать ответственность за Нанкинскую резню 1937 г., издание в Японии учебников, в которых приуменьшаются или замалчиваются преступления японской армии в ходе Второй мировой войны, а также посещение японскими политиками храма Ясукуни, в котором поклоняются японским воинам, погибшим в ходе войн, которые вела Япония²³.

²¹ Khoo, N. The false promise of economic interdependence: Chinese foreign policy in North East Asia. ed. Tan, A.T.H. East and South-east Asia. International relations and security perspectives. - 2013.- Routledge.- Pp. 47-56.

²² Чжао Хунвэй. Японо-китайские отношения и внешняя политика Ху Цзиньтао / А.В. Лукин Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 177–204. [Chzhao Khunvei. Iaponokitaiskie otnosheniia i vneshniaia politika Khu Tszin'tao / A.V. Lukin Yaponia v Vostochnoi Azii: vnutrennee i vneshnee izmereniia - M.: MGIMO-Universitet, 2010. - S.177-204].

²³ Чжунжи цзянь миньгань вэньти [Чувствительные проблемы в отношениях Китая и Японии]. Синьхуа. Режим доступа: <http://news.xinhuanet>.

Китайская дипломатия продолжает уязвлять вопрос признания Японией своей вины за Вторую мировую войну со стремлением этой страны стать постоянным членом Совета безопасности ООН и с её намерениями пересмотреть свое отношение к современной роли собственных вооруженных сил. Обращённые к Японии требования исторического характера находят поддержку Южной Кореи и используются китайскими дипломатами в качестве инструмента для выработки общей позиции с другими восточноазиатскими государствами в отношении Японии. По словам официальных представителей КНР, «Япония должна правильно понимать историю и должным образом подходить к ней, (...) не совершать ничего, что могло бы задеть чувства народов Китая и других соответствующих азиатских стран»²⁴. Из этого заявления следует, что современная политика Японии оценивается Китаем как выражение её признания или непризнания своей вины за действия, совершенные в ходе Второй мировой войны, и такой взгляд, по мнению китайской дипломатии, характерен для других стран Восточной Азии.

Обзор китайских публикаций на тему истории международных отношений показывает, что китайское историческое сознание содержит негативные исторические стереотипы в отношении обеих стран. Как Россия, так и Япония воспринимаются, по крайней мере отчасти, как страны, совершившие в прошлом агрессию против Китая и захватившие некоторые китайские территории. Однако в отношении Японии, отрицательные исторические стереотипы составляют часть современных внешнеполитических стереотипов и определяют внешнюю политику КНР в отношении данной страны. При этом, важность Японии как торгово-экономического партнера КНР создает для китайских политических элит необходимость сдерживать радикальное проявление антияпонских на-

строений в китайском обществе, вызванных воздействием негативных исторических стереотипов.

В отношении России также существуют крайне враждебные исторические стереотипы, при этом они не подавляются усилиями государства; официальные лица КНР не препятствуют распространению таких стереотипов в обществе и относятся к ним в целом индифферентно. В сфере межгосударственных отношений отрицательный исторический стереотип в настоящее время полностью вытесняется современным восприятием Российской Федерации в качестве ключевого глобального и регионального партнера КНР. На официальном сайте ВСНП КНР в перечне важных событий истории КНР отсутствует упоминание приграничных конфликтов с СССР, но в положительном тоне упоминается советско-китайский союзный договор, который многими современными китайскими авторами оценивается как неправомерный по отношению к Китаю²⁵. Положительное восприятие России (по крайней мере, декларируемое) сейчас преобладает, несмотря на относительно невысокий (в сравнении, например, с Японией) уровень торгово-экономического сотрудничества и культурных контактов. Если посмотреть на историю советско/российско-китайских и китайско-японских отношений, начиная с образования КНР, то очевидно, что такое положение дел было не всегда, и степень влияния исторических стереотипов на общие внешнеполитические стереотипы постоянно менялась. Причины этому явлению следует искать в изменении контекста, т.е. внутрисполитической и, прежде всего, внешнеполитической обстановки.

Во-первых, следует упомянуть проблему восприятия общественностью определенных исторических интерпретаций. Победа в войне с Японией имеет большое значение для обоснования легитимности правящей КПК, которая сложилась в мощную политическую силу в ходе войны с Японией и Гоминданом,

com/ziliao/2005-04/07/content_2797898.htm [дата обращения: 12.04.2015].

²⁴ Вайцзябу фаяньжэнь Цзян Юй цзинсин цзичжэуэй [Пресс-секретарь МИД Цзян Юй проводит пресс-конференцию]. ВСНП. 17 февраля 2009. Режим доступа: <http://sy.chineseembassy.org/chn/fyrth/t537716.htm> [дата обращения: 12.04.2015].

²⁵ Тихвинский С.Л. Восприятие образа России в Китае.: введение к историческому обзору / С. Тихвинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 1. – С. 86–94. [Tikhvinskii S.L. Vospriiatie obraza Rossii v Kitae.: vvedenie k istoricheskomu obzoru / S. Tikhvinskii // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2008. - №1. - S. 86-94].

и победа над японским милитаризмом всегда считалась одной из важнейших заслуг Партии перед страной. На основе общих подходов к пониманию истории Второй мировой войны КНР и Южная Корея выступают с совместными требованиями к Японии пересмотреть свое отношение к истории. Но если представить японский милитаризм в качестве главного врага китайской нации и других народов Восточной Азии, то СССР/Россия как один из победителей Японии должна изображаться в данном контексте в положительном свете.

Второй важный фактор, определяющий степень присутствия исторических стереотипов во внешней политике государства, — это государственная идентичность, понимание политической элитой государственных интересов, а также ограничения, накладываемые глобальным контекстом, т.е. международной обстановкой. В настоящее время внутри политической элиты и экспертного сообщества КНР нет однозначного мнения относительно государственной идентичности Китая и общего направления мирового развития. Преобладает мнение о том, что Китай усиливается в качестве региональной державы и постепенно укрепляется на глобальном уровне²⁶. Возрождение Китая в качестве сильнейшей державы Восточной Азии предполагает усиление китайского влияния на страны региона (Россия традиционно среди них не числилась) и конкуренцию с Японией за лидерство в интеграционных проектах. Укрепление глобальных позиций Китая может, по мнению специалистов в области международных отношений, привести к обострению отношений и столкновению с Соединенными Штатами, которые в настоящее время занимают доминирующее положение в мире. Среди китайских специалистов по внешней политике преобладает мнение, что США на данном этапе способствуют мировой стабильности, но при этом подминают под себя международные институты, вроде МВФ. Следовательно, КНР выгодно участие в новых глобальных и региональных интеграционных проектах, таких как ШОС и БРИКС, в рамках кото-

рых Китай активно развивает свое сотрудничество с Россией²⁷. В настоящий период времени наблюдается сходство интересов России и Китая как на региональном, так и на глобальном уровне²⁸. Сотрудничество двух государств носит антиамериканскую направленность и основано на совместном неприятии однополярного миропорядка²⁹ и роли США в качестве единственной сверхдержавы. Таким образом, глобальный контекст и государственная идентичность КНР способствуют соперничеству с Японией и негативным оценкам японской истории и современной внешней политики. Как и в конце XIX века внешний фактор способствует улучшению российско-китайских отношений³⁰. Исторические разногласия Китая с Россией в настоящее время полностью закрываются потребностью в сотрудничестве на глобальном уровне и отсутствием российско-китайских противоречий в Восточной Азии.

²⁷ Лавров С. сотрудничество РФ и Китая становится все более весомым фактором мировой политики. ТАСС. 7.04.2015. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1884507> [дата обращения: 9.04.2015]. [S. Lavrov: sotrudnichestvo RF i Kitaia stanovitsia vse bolee vesomym faktorom mirovoi politiki. TASS. 7.04.2015. Mode of access: <http://tass.ru/politika/1884507>].

²⁸ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский. — М., 1999 — С. 257–260. [Voskresenskii A.D. Rossiia i Kitai: teoriia i istoriia mezhgosudarstvennykh otnoshenii / A.D. Voskresenskii. — М., 1999 — S. 257–260].

²⁹ Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 18 июля 2000 г. / Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. — М., 2007. — С. 69–75; Российско-китайское совместное заявление от 9 декабря 1999г. по актуальным проблемам современной международной обстановки. / Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. — М., 2007. — С. 25–32. [Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. — М., 2007. — S. 69–75; Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999–2007 gg. — М., 2007. — S. 25–32].

³⁰ Ивасита Акихиро. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница: пер. с яп. / Ивасита Акихиро. — Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006. — С. 19. [Ivasita Akikhiro. 4000 kilometrov problem. Rossiisko-kitaiskaia granitsa: per. s iap. / Ivasita Akikhiro. — Moskva: AST: Vostok-Zapad, 2006. — S. 19].

²⁶ Zhu Liqun. China's Foreign Policy Debates. / Zhu Liqun. — Corlet Imprimeur, 2010. — Pp. 21–29.

Однако анализ изменения позиции руководства КНР по проблемам исторического прошлого во внешней политике показывает, что в случае изменения международной конъюнктуры и значительного расхождения

государственных интересов России и Китая, от китайской стороны следует ожидать возобновления претензий исторического характер.

Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии

Константин Алексеевич Санин, выпускник магистратуры МГИМО (У) МИД РФ.

***Аннотация.** Проблемы исторического прошлого в отношениях между государствами в настоящее время становятся одним из значимых вопросов мировой политики, в том числе и в Восточной Азии. Китай имеет тысячелетнюю традицию использования истории для формирования современности и решения внутривополитических и внешнеполитических задач. Анализ позиции КНР по вопросам истории отношений с соседями показывает, что китайское политическое руководство прагматично использует проблемы исторического прошлого для реализации государственных интересов Китая в регионе.*

***Ключевые слова:** Китай, Россия, Япония, историческое прошлое, территориальный конфликт.*

Historical problems in the relations between the PRC and the countries of East Asia

Konstantin Alekseevich Sanin, M.A. graduate of MGIMO-University.

***Abstract.** Historical problems nowadays have become one of the major factors of international relations. It is also the case for East Asia. In China, there has been an ancient tradition of applying history for the needs of modernity, in order to resolve the objectives of domestic and foreign policy. The analysis of the PRC's position on historical problems with its neighbors demonstrates that the Chinese leadership pragmatically uses historical problems in order to achieve China's state interests in the region.*

***Key words:** China, Russia, Japan, historical past, territorial dispute.*

THE USE OF PRIMARY SOURCE MATERIAL IN ACADEMIC RESEARCH: A VIEW FROM CAMBRIDGE ARCHIVE EDITIONS

Jessica Lagan

Cambridge Archive Editions is a UK-based publisher of historical document collections mainly researched from governmental archives. We consult widely in all possible file classes to create as varied a research product as possible, including top secret papers. We publish these primary source documents in facsimile in order to keep the veracity of the original.

Without examination of primary historical sources our understanding of history can become obscure. Secondary sources will always move us away from fresh personal judgement of the events under review even while they may be opening up our imagination to a new perspective. History, it is said, is written by the “winners” and so we must always bring our critical faculties to bear upon all sources of information.

Obviously these collections of British Government documents are not without their bias and strategic concerns, we expect that. However, from the late 1700s the British Empire established consulates wherever possible: Turkey, China, Japan, and in Russia, all in the effort to extend trade and kept contemporaneous records wherever it made treaties or engaged in governing local populations. The broad range of countries covered and the tremendous detail create a unique opportunity to examine past events closely.

The converse is true too of course: records of the Belgian Congo will not be in the British archives so we are restricted to areas of powerful British influence. The US archives, which are enormous, reflect the preoccupations of a young country and have foreign records starting from later in the modern period, the first Embassy in Nagoya, Japan, opened in 1912.

History itself is grounded in politics and governance. Students who study history often

get directly involved in the political process, in government or political organisations, or the Law, and national or global non-governmental agencies like the United Nations. As the MGIMO website says: “The central requirements for our future leaders in these fields are to:

- Understand the historical trajectory of government around the world;
- Understand economics and the general workings of the economy;
- Become informed and critical consumers of information;
- Develop analytical rigour and the ability to criticize and reason logically;
- and to be able to apply these skills to many contemporary and historical schools of thought, and to questions concerning how we acquire knowledge or how we make operational recommendations.”

It is the responsibility of all policy makers to try and bring some historical perspective to bear upon current events. It is the intention of Cambridge Archive Editions Publishing to provide some of the historical data upon which these understandings can be based. In this following extract, from 1917, we can see how historical events mirror the preoccupations of the present day as the British focus on the Gulf as a preferred power base to Afghanistan.

Extract from Islam: Political Impact 1908–1972, Volume 2, Memorandum by Captain N. Bray, March 1917, ‘A note on the Mohammedan question, its bearing on events in India and Arabia, the future of the Great Islamic revival now that Turkey ceases to be a power on which the hopes of the Moslem world were placed’

"At the present moment agitation is intense in all Mohammedan countries...the reports of agents and others confirm...the extreme vitality of the [Pan-Islamic] movement It is ... essential that the country to whom Mohammedans look should not be Afghanistan. We should therefore create a State more convenient for ourselves, to whom the attention of Islam should be turned. We have an opportunity in Arabia.

Strategically: Afghanistan is well placed for offensive action against India.

Strategically: Arabia is well placed, from our point of view, for defence.

Tactically: Afghanistan is difficult to attack.

Tactically: Arabia is open to our attack from every quarter save the north.

Politically: Afghanistan is difficult to control.

Politically: Arabia can be controlled and influenced fully, if we only see that no other Power shapes her policy. This we have every right to insist upon.

Geographically: Afghanistan is well placed to rally round her elements hostile to ourselves.

Geographically: Arabia is ideally placed to divide those elements, the more so if we are installed in Baghdad."

Меморандум капитана Н. Брея, март 1917, «Заметки о мусульманском вопросе, его влиянии на события в Индии и Аравии, будущем Великом исламском возрождении теперь, когда Турция перестала быть державой, на которую возлагаются надежды мусульманского мира»

«В настоящее время возбуждение велико во всех мусульманских странах... донесения агентов и других лиц подтверждают <...> исключительную жизнеспособность [панисламистского] движения. <...> Очень важно, чтобы страной, на которую ориентируются мусульмане, не стал Афганистан. Поэтому нам следует создать государство более удобное для нас самих, на которое можно было бы переключить внимание ислама. У нас есть такая возможность в Аравии.

Стратегически: Афганистан хорошо расположен для наступательных действий против Индии.

Стратегически: Аравия хорошо расположена, с нашей точки зрения, для обороны.

Тактически: Афганистан трудно атаковать.

Тактически: Аравия открыта для нашего наступления со всех сторон, кроме севера.

Политически: Афганистан трудно контролировать.

Политически: Аравия полностью поддается контролю и влиянию, если только мы позаботимся о том, чтобы ни одна другая держава не формировала ее политику. У нас есть все права, чтобы на этом настаивать.

Географически: Афганистан хорошо расположен, чтобы объединить вокруг себя элементы враждебные нам.

Географически: Аравия идеально расположена, чтобы расколоть эти элементы, в особенности, если мы обеспечим себе позиции в Багдаде»¹.

Despite the now politically redundant preoccupation with India, this document has tremendous modern political significance. Such a clear-sighted assessment of the difficult nature of Afghanistan is at odds with the recent American and British joint military operations there. In 1917 Britain clearly remembered her failed wars with Afghanistan from the 19th century. The observation here in 1917, with the fall of the Ottoman Empire in 1918, that "Turkey ceases to be a power on which the hopes of the Moslem world were placed" is of interest again with the current struggle between the religious and secular interests in Egypt today. The "agitation" in Mohammedan countries is once more present from the Northwest Frontier to Syria, and indeed in North Africa. Finding such documents of significance is the key to providing successful research collections.

We take a structured approach to collection building, identifying scattered and fragmented material, collecting it together, arranging and describing it with the idea to provide a complete sequence of material which was not previously known or unified. According to the kinds of material we find we may make a collection of series of political or administrative reports, identify material appropriate to geopolitical boundary studies, collect material for a background work on development or country history, or choose a topic which we retrospectively decide is important such as the treatment of ethnic minorities in

¹ Translations kindly provided by Tatyana Elizratova, Cambridge University Press.

the Balkan states, or the rise of Zionism, or the history of Arab dissident movements.

We often include maps where boundary issues are being examined, or where the maps are crucial for example in Land Legislation In Mandate Palestine. One aspect of the current Arab-Israeli dispute is over where Israeli settlements are sited. Occasionally a set of maps can stand on its own such as Historic Maps of Bahrain.

When choosing a theme for a collection we first consider whether the British archives will be a strong source for information, and secondly whether the theme has modern political relevance and will be useful to an academic or governmental community.

When we first considered creating a series of political reports on Iran we looked for themes of international interest. The British archives were a strong resource as the British government was a direct participant. There was the occupation of Iran by Britain during WWII, with its huge oil resources and jointly owned refineries: the USA was trying to get some leverage there and Russia shares a border with Iran. In this following document we can see a wonderful example of the necessity for judging carefully one's speed of diplomacy and not overplaying one's hand.

Extract from Iran Political Diaries 1881–1965, Volume 14, Political Report for July to September 1953.

"...July saw a radical alteration in US policy towards the Government of Dr. Musaddiq. Some time previously Dr. Musaddiq had asked President Eisenhower for extensive American financial help. The President replied that the United States Government could not consider giving this help, so long as the Persian Government refused to settle the oil dispute on reasonable terms and thus to take advantage of their own abundant resources...While the U.S. Government were thus publicly cooling off towards Musaddiq, the Soviet government were warming up. Towards the end of June it became known that Mr Molotov had offered to negotiate with the Persian Government on frontier differences between the two countries..."

Выдержка из Иранских политических дневников (Iran Political Diaries 1881–1965, Volume 14, Political Report for July to September 1953.)

«В июле наметился радикальный сдвиг в политике США по отношению к правительству д-ра Моссадыка. За некоторое время до этого д-р Моссадык обратился к президенту Эйзенхауэру за обширной финансовой помощью. Президент ответил, что правительство США не может рассмотреть вопрос о предоставлении такой помощи до тех пор, пока иранское правительство отказывается от урегулирования спора о нефтяных концессиях на разумных условиях, и пишет себя, таким образом, возможности воспользоваться преимуществами своих собственных изобильных ресурсов. <...> В то время как правительство США публично охладело к д-ру Моссадыку, советское правительство начало проявлять к нему интерес. К концу июня стало известно, что г-н Молотов предложил иранскому правительству начать переговоры по урегулированию пограничного спора между двумя странами».

Having based our publications in the history and development of the Middle East, due to the unique nature of the British involvement there, we have since branched out to provide research collections on the Far East and for the Caucasus and Russia, where Britain had consulates.

In commissioning research into Korea it can be seen from the documents that the history and status of Korea was dependent upon the rivalries between, and the comparative strengths of, the three countries that lie adjacent to Korea - Russia, China and Japan. After the Second World War, the vacuum caused by the elimination of Japan from this equation meant that the Soviet Union, the USA and Communist China now vied for influence in Korea, and the post-1945 division of the peninsula into North and South Korea and the outbreak of the Korean War in 1950 are symbols of that rivalry. The entrenchment of the division between the Communist North and the non-Communist South, and their respective supporters in the Soviet bloc and the capitalist West, is the central issue from the armistice in 1953 to the final report in this collection in 1970.

This document below is one upon which the reader must bring critical judgement to bear, this reads like an eyewitness report and

one has to wonder how the British could be so certain – did they have a spy in the court?

Extract from Korea: Political & Economic Reports 1882–1970, Volume 4: Extract from despatch No. 86 dated 10 October 1895, from Seoul to Peking concerning the fate of the Queen of Korea: after the China–Japan war the Queen of Korea was opposed to the faction which favoured Japanese interests, and a plot was hatched to assassinate her: “...civilians ...guarded by Japanese officers and soldiers, with a number of soldiers in Korean uniform... [took] possession of the King and the Crown Prince while others made for the Queen’s sleeping room...The Queen ran off down a corridor, but was pursued and knocked down, her assassin jumping on her breast several times while he repeatedly stabbed her with his sword...”

Выдержка из Политических и экономических отчетов по Корею 1882–1970 том 4 Донесение № 86 от 10 октября 1895 г. Из Сеула в Пекин касательно судьбы королевы Кореи: после китайско-японской войны королева Кореи выступила против фракции, отстаивавшей японские интересы и был организован заговор с целью ее убийства.

«Гражданские лица <...> охраняемые японскими офицерами и солдатами, с группой солдат одетых в корейскую военную форму <...> захватили короля и наследного принца, тогда как другие направились к спальне королевы. Королева бросилась бежать по коридору, но ее догнали и сбили с ног, ее убийца несколько раз подпрыгнул у нее на груди, в то время как он неоднократно всадил в нее свой меч...».

Looking into the British archives to identify series of political reports from 1917 onwards we found reports and despatches sent from the British diplomatic representatives based in Petrograd and then Leningrad, and for a brief period during the Second World War from diplomats based in Kuibyshev where most of the Russian government and all the foreign embassies were evacuated as a result of the Nazi advance on Moscow in the early stages of the German invasion of Russia in 1941. The docu-

ments also consist of reports and memoranda emanating in the Foreign Office in London, either in the Northern Department or in the Research Department (F.O.R.D.), and during the confused period of the Civil War when there were no British diplomatic representatives in (Bolshevik) Russia, there were reports from the War Office in London, military officers and diplomats attached to the various missions with the anti-Bolshevik forces, as well as from British Army General Headquarters in Constantinople. It was the first time these documents have been published in their entirety, with the exception of two collections of reports about the confusing situation in Russia immediately after the Revolution and during the Civil War which were published as British Parliamentary Command Papers in 1919 and 1921.

This extract which follows is a superb example of a historical document which captures a moment in history and at the same time provides the reader with a fine understanding of the contemporary significance conveyed by the tone of the writer.

Extract from Soviet Union: Political Reports 1917–1970, Quarterly Report No. 54, 8 April 1953

“A quarter which began with the ‘doctor’s plot’, took in its stride Stalin’s death and his succession by Malenkov and ended with Chou-en-Lai’s acceptance of the voluntary repatriation of Korean War prisoners, has claims to be historic. The apparent departure from attitudes which, while Stalin was alive, seemed immutable, is astonishing enough. But even more remarkable is that the process of change should have been initiated before he was cold in his grave and by men whom we still have no reason to suppose were not, while he was alive, anything but his devoted associates.”

Выдержка из ежеквартального отчета № 54 от 8 апреля 1953г. Политические отчеты по Советскому Союзу 1917–1970/ Extract from Soviet Union: Political Reports 1917–1970, Quarterly Report No. 54, 8 April 1953

«Четверть года, которая началась «делом врачей», вместила в себя смерть Сталина и приход к власти Маленкова и закончилась согласием Джо Эн Лая на добровольную репатриацию пленных, захваченных во время

войны в Корее, имеет все основания считаться исторической. Явный отход от позиции, которая, пока Сталин был жив, казалась незыблемой, достаточно удивителен. Еще более удивительно то, что процесс изменений начался еще до того, как его тело остыло, и был начат людьми, про которых у нас по-прежнему нет оснований думать, что они были кем-либо иным, нежели его верными товарищами до тех пор, пока он был жив».

It can be seen from the documents showcased here that British government papers are a rich

source of information and inspiration. While it is surely inevitable that all Governments will have national interest at the heart of foreign policy it is also certain that by scrutinising history that we could learn lessons which would make the future a more positive place. It is a sad indictment of the moral and intellectual strength of contemporary politicians that the world is not in a better position already. We hope that we can look forward to a new generation of more globally-minded young people to reach out and create a stronger network of organizations and institutions of government both nationally and globally.

CAMBRIDGE
ARCHIVE EDITIONS

Использование первоисточников в научном исследовании: взгляд Кембриджских изданий архивов

Джессика Лаган, издатель, сотрудник «Кембриджских изданий архивов» Издательства Кембриджского университета

Аннотация: В статье автор рассматривает возможности использования исторических источников (прежде всего, первоисточников) в проведении исследований в политических науках. В частности, автор приводит целый ряд конкретных примеров архивных записей для доказательства своего тезиса о связи истории и политики.

Ключевые слова: «Кембриджские издания архивов», исследования, исторические источники, документы.

The Use of Primary Source Material in Academic Research: A View from Cambridge Archive Editions

Jessica Lagan. Publisher, Cambridge Archive Editions, Cambridge University Press

Abstract: The article analyses the possibility of using historical sources (and above all primary sources) in political science research. Particularly, the author provides specific examples of archival documents to prove the thesis that history is grounded in politics and governance.

Key words: Cambridge Archive Editions, Research, Historical Sources, documents.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И СУБРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Д.А. Кузнецов

К началу XXI века в условиях трансформации пространственной организации мира наряду с прочими глобальными трендами набирают силу и интеграционные процессы, охватившие практически все регионы. В академической среде основные дискуссии развернулись вокруг связанных процессов регионализации и регионализма, а также проблемы теоретического подхода к формам регионального взаимодействия. Учитывая крупные макрорегиональные трансформации, происходящие в основных мировых подсистемах, растет значимость изучения и модели латиноамериканского межгосударственного сотрудничества, в том числе регионального интеграционного взаимодействия, история которого началась в 1950-х годах. Пройдя через эпоху «старого регионализма» и период «нового регионализма», Латинская Америка вступила в новый этап интеграции, на котором особую роль приобрели политические и идеологические факторы¹.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В 1980-е годы в регионе Латинской Америки начались глубокие трансформации

на национальном и региональном уровне: пали военные режимы, начался длительный и сложный процесс демократизации, человеческое измерение постепенно становилось главным аспектом модели плюралистической безопасности, появлялись новые интеграционные инициативы, которые на современном этапе «плюралистической интеграции»² стали расширяться по охватываемой проблематике взаимодействия. Практически во всех государствах региона формировался новый подход к безопасности, который бы включал в себя не только военно-политические аспекты, но и проблемы поддержания демократических институтов, устойчивого развития, а также целый перечень новых угроз, среди которых наибольшую остроту приобрели проблемы наркотрафика, терроризма, бедности, протекционизма в торговле, распространения ОМУ и многие другие³.

Современные проблемы безопасности в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ), на решение которых направлено интеграционное взаимодействие, можно классифицировать по уровню их возникновения. Такая классификация позволяет не только вписать в нее типологию вызовов (традиционных и новых), но и отразить уровни решения проблемы. Таким образом, региональные проблемы могут быть разделены на:

¹ В статье рассматриваются следующие современные интеграционные группы и организации в ЛАКБ: ALBA – АЛБА – Боливарианская альтернатива для народов Америки (Alternativa Bolivariana para las Americas); CELAC – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños); MERCOSUR – МЕРКОСУР – Общий рынок стран южного конуса (Mercado Comun del Cono Sur); UNASUR – УНАСУР, Союз южноамериканских наций / Союз стран Южной Америки (Union de Naciones Suramericanas); Pacific Alliance – Тихоокеанский Альянс.

² Лавут А.А. Поиски латиноамериканской модели // Латинская Америка. – №2. – 2011. – С. 4. [Lavut A.A. Poiski latinoamerikanskoi modeli // Latinskaia Amerika - №2. - 2011. - S. 4].

³ Мартынов Б.Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. – М.: ИЛА РАН, 2000. – С. 161. [Martynov B.F. Bezopasnost': latinoamerikanskie podkhody. - M.: ILA RAN, 2000. - S. 161].

– Национальные (проблемы сепаратизма, защиты прав коренных народов, бедности, безработицы, преступности, угрозы внутривластической дестабилизации и т.д.);

– Проблемы двустороннего взаимодействия (территориальные споры, торговые войны);

– Субрегиональные (совпадение национальных проблем на трансграничном уровне, охватывающем несколько государств);

– Региональные (проблемы и вызовы, характерные для всех стран региона ЛАКБ, включая социально-экономические диспропорции, наркоторговлю, организованную преступность и т.д.);

– Трансконтинентальные (вызовы, исходящие из глобальной политической и экономической системы, включая проблему вмешательства внерегиональных держав, экологические вызовы, несправедливость современной структуры глобальной экономики и пр.).

В эту классификацию также целесообразно вписать «геополитический» уровень, который шире субрегионального, но уже регионального и охватывает сразу несколько субрегионов. Макрорегион ЛАКБ возможно разделить на три геополитических района: Тихоокеанский, Атлантический и Карибский. Каждый из них отличается географической и политической спецификой, а на современном этапе и идеологическими особенностями. Отсюда вытекают и различия в повестке по безопасности. Тихоокеанский геополитический район находится сегодня под субрегиональным управлением Тихоокеанского Альянса (создан в 2012 году), Карибский – КАРИКОМ (1973) и ALBA (с 2004), а Атлантический – MERCOSUR (1991). В то же время необходимо подчеркнуть, что границы этих районов, как правило, проходят через малоосвоенные но, в то же время, стратегические районы Амазонии и Анд, что требует от государств регулирования взаимодействия на этих линиях-«расколах».

Глобализация привела к взаимопересечению всех этих уровней, а повестка дня регионального сотрудничества в рамках интеграционных групп распространяется на все из них. При этом, хотя и утверждается, что глобализация приводит к размыванию суверенитета, на деле в Латинской Америке

суверенитет остается ключевым принципом сотрудничества⁴. Как демонстрирует история латиноамериканской интеграции, суверенитет – есть некая грань, до которой допускается институционализация сотрудничества, в том числе и в сфере безопасности.

Наиболее известным исследованием уровней безопасности в регионе Латинской Америки до сих пор остается работа Барри Бузана и Оле Вэвера «Регионы и Державы»⁵. За более чем десятилетие, прошедшее после публикации, ландшафт латиноамериканской безопасности пережил целый ряд изменений, прежде всего, на субрегиональном и региональном уровне, которые и представляют наибольший интерес для нашего исследования. На национальном уровне свою актуальность сохраняют проблемы связанные с поиском эффективной модели развития, борьбой с бедностью и социальными вызовами, сбоями в демократизации, правами коренного индейского населения, а также рисками политической дестабилизации⁶. По убеждению авторов, на субрегиональном и региональном уровнях в постбиполярный период наблюдалось активное сближение между Аргентиной и Бразилией (двумя традиционными соперниками), развитие интеграции и разрешение старых пограничных споров, и, в это же время, нарастала острота трансграничных вызовов: рост наркоторговли, повышение активности революционных повстанческих сил⁷. В качестве главной проблемы трансконтинентального уровня выступило соперничество США и Бразилии за лидерство в ЛАКБ.

Соотнося проблемы безопасности в регионе ЛАКБ с уровнями их регулирования, российский латиноамериканист Б.Ф. Мартынов выделяет пять уровней безопасности и соотносит их с действующими в регионе

⁴ Bitencourt, Luis. Latin America: Emerging Security Challenges / The Global Century: Globalization and National Security. Ed. by Stephen J. Flanagan, - Washington DC: Institute for national Strategic Studies, 2001. - Vol. 2, Ch. 42. - P. 909.

⁵ Buzan, Barry and Wæver, Ole. Regions and Powers: the Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 588 p.

⁶ Ibid, P. 321-322.

⁷ Ibid, P. 323.

интеграционными группами, соглашениями, инициативами и организациями⁸:

государство-национальная	двусторонние соглашения
субрегиональная	интеграционные соглашения
региональная	Группа Рио
континентальная	«обновленная» ОАГ/АЗСТ?
глобальная	участие в процессах глобального регулирования

Сегодня политический ландшафт региона претерпел целый ряд изменений и в данную таблицу можно также вписать MERCOSUR, UNASUR и другие группы. Происходит дальнейшая конвергенция интересов в сфере безопасности на региональном уровне. Как известно, многие эксперты называют регион Латинской Америки самым мирным⁹. Такое положение вещей складывалось исторически, причем важно, что латиноамериканцам принадлежит ценный вклад не только в поддержании регионально-го мира, но и в систему международного права: арбитраж, «добрые услуги», первое в мире реальное сокращение вооружений, принцип дипломатического убежища, создание первой в мире безъядерной зоны (Договор Тлателолко), совершенствование морского права и т.д.¹⁰. В связи с этим, утверждение Роберта Коэна о том, что Латинская Америка «принимает правила игры», а не «создает их» (*takers of global rules rather than rule-makers*)¹¹, является несостоятельным исторически.

⁸ По: Мартынов Б.Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. – М.: ИЛА РАН, 2000. – С. 252. [Martynov B.F. Bezopasnost': latinoamerikanskije podkhody. - M.: ILA RAN, 2000. - S. 252].

⁹ Bitencourt, Luis. Latin America: Emerging Security Challenges / The Global Century: Globalization and National Security. Ed. by Sthephen J. Flanagan, - Washington DC: Institute for national Strategic Studies, 2001. - Volume 2, Chapter 42. - P. 895.

¹⁰ Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. – С. 68. [Martynov B.F. «Zapad» i «ne-Zapad»: proshloe, nastoiashchee... budushchee? - M.: ILA RAN, 2015. - S. 68].

¹¹ Keohane, Robert. Between Vision and Reality: Variables in Latin American Foreign Policy / Latin America: contrasting motivations for regional projects (Ed. by Diana Tussie) // Review of International Studies, 2009. - No.35. - Pp. 169-188. Mode of access: https://books.google.ru/books?id=cnddz3oWn94C&dq=Keohane+Robert.+Between+Vision+and+Reality:+Variables+in+Latin+American+Foreign+Policy&hl=ru&source=gs_navlinks_s (last visited 12.04.2015).

К основным региональным особенностям, которые способствовали формированию собственной концепции региональной безопасности в регионе ЛАКБ, относятся: неравномерность распространения идей в области национальной безопасности (в том числе связанная с влиянием США); особая значимость цивилизационного фактора (основанного на общей истории, языке и правосознании); обширные неосвоенные территории, обуславливающие особый подход к безопасности в рамках региона¹².

Общий подход латиноамериканских стран к проблеме безопасности в регионе и ее регулированию опирается на такие критерии как: обеспечение мер доверия, принцип безопасности развития и диффузии ответственности, а также интегрированная плюралистическая безопасность с опорой на человеческое измерение¹³. Важно, что эти принципы заложены в основу функционирования UNASUR, опирающегося на традиции сотрудничества, другими словами, на воспитанную в регионе ЛАКБ культуру сотрудничества, отличающуюся от блокового, коалиционного и балансирующего характера взаимодействия, характерного для ряда других регионов мира. Проблематика безопасности, таким образом, становится мощным скрепляющим фактором развития интеграции на современном этапе, поскольку остается актуальной для всех государств региона.

В настоящее время в Латинской Америке действуют сразу несколько интеграционных механизмов, повестка дня которых выходит за проблематику национального и преимущественно экономического развития и включает в себя общерегиональные вопросы, проблемы безопасности, а также стремление играть более активную глобальную роль. Это UNASUR, CELAC, MERCOSUR, ALBA и Тихоокеанский Альянс.

Многие латиноамериканисты последовательно подчеркивают, что одной из главных проблем интеграции в ЛАКБ на со-

¹² Мартынов Б.Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. – М.: ИЛА РАН, 2000. – С. 51–52. [Martynov B.F. Bezopasnost': latinoamerikanskije podkhody. - M.: ILA RAN, 2000. - S. 51-52].

¹³ Там же, С. 234, С. 249, С. 225. [Ibid, S. 234, S. 249, S. 225].

временном этапе, тормозящих углубление сотрудничества, является принцип «сегментированного регионализма» или (еще более резкое определение) «анархичного регионализма»¹⁴, когда одно государство одновременно является участником многих интеграционных групп, что, в свою очередь, приводит к конфликту норм и «лояльности», осложняет консенсус и принятие решений, создает напряженность между субрегиональными объединениями¹⁵. Андрес Маламуд и Гиан Л. Гарсиа противопоставляют латиноамериканскую интеграцию европейской, которая носит, по их мнению, «концентрический» характер, объединяя в себе множество соприкасающихся и накладывающихся друг на друга институциональных, экономических, политических и правовых пространств (ЕС, Еврозона, Шенгенская зона, ЕАСТ и др.)¹⁶. Действительно, многие страны Латинской Америки являются членами сразу нескольких интеграционных групп: Бразилия входит в MERCOSUR, UNASUR и CELAC; Венесуэла, помимо данных групп, является членом и основателем ALBA; Перу – член UNASUR, CELAC, Тихоокеанского Альянса, и так далее.

Тем не менее, говорить о «сегментированном регионализме» в регионе можно лишь в том смысле, что государства не ограничиваются членством в одной группе. Однако такая особенность отнюдь не оказывает конфликтный эффект на развитие интеграции в регионе. Конфликт норм и «лояльности» мог бы возникнуть в том случае, если бы государства входили в региональные объединения с противоборствующими идеологическими принципами: например, одновременно в ALBA и в Тихоокеанский Альянс. Участие основательницы ALBA Венесуэлы в MERCOSUR не влечет за собой подобных противоречий, поскольку MERCOSUR бази-

руется на экономическом прагматизме, а участие государств одновременно в нескольких экономических блоках является распространенной мировой практикой.

Рассмотрим, в какой степени пересекаются повестки дня в политической сфере в различных интеграционных группах региона в соответствии с выделенными выше уровнями взаимодействия.

Очевидно, что присоединяясь к той или иной интеграционной инициативе государства исходят, прежде всего, из своих национальных интересов, а в развивающемся регионе ЛАКБ главным двигателем является социально-экономическое развитие, особенно в увязке социально-экономических проблем с безопасностью. Эта проблема лежит в основе MERCOSUR, ALBA и Тихоокеанского Альянса, которые реализуют собственные модели развития. ALBA и Тихоокеанский Альянс (в меньшей степени это противопоставление относится к Тихоокеанскому Альянсу и MERCOSUR) базируются на различных идеологических принципах. UNASUR также ставит перед собой цели и задачи, направленные на гармонизацию национального развития государств-членов, обеспечение политической стабильности, выравнивание социально-экономического уровня в регионе и т.д., т.е. в меньшей степени, но также распространяет свою повестку на национальный уровень.

	MERCOSUR	UNASUR	ALBA	PA	CELAC
национальный уровень	+	+	+	+	–

Функционирование MERCOSUR уже в значительной степени привело к достижению одной из задач, которые стояли перед государствами-основателями: отношения между Бразилией и Аргентиной улучшились, контакты и сотрудничество в различных областях и на различных уровнях приобрели интенсивный и конструктивный характер. В этом смысле, можно утверждать, что проект MERCOSUR изначально был направлен (и способствует этому сейчас) и на регулирование двусторонних отношений. В других группах проблематика регулирования двусто-

¹⁴ Jorge, Heine. Regional Integration and Political Cooperation in Latin America // Latin American Research Review 47. - No. 3. – 2012. - P. 210.

¹⁵ Исследований, где делаются подобные выводы, существует много. Для примера см. Malamud, Andres, Gardini, Gian Luca. Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // The International Spectator, Vol. 47, No. 1, March 2012. - Pp.116-133.

¹⁶ Ibid, Pp.120-121.

ронних отношений не играет такой видимой роли, за исключением UNASUR, целью которого является обеспечение безопасности на всем пространстве Латинской Америки, что подразумевает работу над решением замороженных двусторонних конфликтов в регионе, в том числе территориальных споров Боливии и Чили, Колумбии и Венесуэлы, а также потенциальных противоречий вокруг территорий Антарктиды между Аргентиной и Чили.

	MERCOSUR	UNASUR	ALBA	PA	CELAC
двухсторонний уровень	+	+	—	—	—

Как известно, интеграционные процессы приводят к консолидации региона/субрегиона, что непосредственно отражается и в повестке дня/целях/задачах интеграционной группы. Регион Латинской Америки интересен тем, что предлагает сразу несколько моделей субрегионального развития. До сих пор, несмотря на целый ряд сбоев и проблем, наиболее эффективной моделью является MERCOSUR, который оставил за рамками идеологию и в ходе своего развития опирался на различные подходы: от неолиберальной до социал-демократической парадигмы развития. Сегодня Бразилия стремится расширить модель MERCOSUR на региональный интеграционный механизм UNASUR, углубляя политическое взаимодействие с учетом интересов расширившегося круга участников. ALBA основывается на отрицании капитализма как формы американского неоимпериализма, закладывая в качестве принципов своего функционирования политический диалог, солидарность и бартер. Тихоокеанский Альянс основывается на принципах неолиберализма, отвергнутого сначала в рамках MERCOSUR, а затем признанного в качестве «анти-идеологии» в ALBA. UNASUR же включает в себя все страны MERCOSUR, Тихоокеанского Альянса и южноамериканские страны ALBA, что выводит его с субрегионального на региональный уровень регулирования.

	MERCOSUR	UNASUR	ALBA	PA	CELAC
субрегиональный уровень	+	—	+	+	—

Одна из задач латиноамериканской интеграции, а именно объединение региона в рамках определенного интеграционного механизма с общими институтами, целями и основанного на принципе консенсуса, вряд ли может быть осуществлена без идеологической подпорки или разделяемых всеми государствами принципов и долгосрочных целей. Для того, чтобы осуществлять регулирование на региональном уровне интеграционная группировка по определению должна обладать акторностью, т.е. постулировать себя как регионального актора, обладающего потенциалом воздействия на региональные процессы. Посреднические функции MERCOSUR, а затем UNASUR на протяжении 1990-х и 2000-х представляют собой примеры такой акторности. Более того, UNASUR ставит перед собой задачу повысить роль региона в мировой политике — амбиции, которые являются зародышем глобальной роли UNASUR¹⁷. Подобное можно утверждать и об ALBA, который предлагает собственную идеологическую основу для латиноамериканской интеграции, уходящую корнями в идеологию боливарианизма, популизм и антиимпериализм (другими словами, антиамериканизм), что неоднократно проявлялось, к примеру, в заявлениях Уго Чавеса, как идейного вдохновителя группы¹⁸. Тихоокеанский альянс не стремится к достижению регионального измерения. CELAC является единственной площадкой, форумом, который включает в себя все 33 независимых государств на двух

¹⁷ Это подтверждают множество деклараций, подписанных в рамках UNASUR, в которых затрагиваются мирополитические процессы. Например, призыв к переустройству всей архитектуры мировой экономики в UNASUR: Declaración Presidencial de Quito. III Reunión Ordinaria del Consejo de Jefes y Jefes de Estado y de Gobierno de la Unión de Naciones Suramericanas, Quito, Ecuador, 10.08.2009. Mode of access: http://www.comunidadandina.org/UNASUR/10-8-09Dec_quito.htm (Last visited 15.03.2015).

¹⁸ В частности Уго Чавес предложил называть регион «Индийская Америка», а не «Латинская».

континентах, исключая США и Канаду. Это позволяет придать CELAC региональное значение, хотя отнести CELAC к региональной интеграции вряд ли возможно (как и его предшественницу – Группу Рио). Во-первых, на обсуждение в рамках CELAC выносятся вопросы, относящиеся к позиционированию региона в мире, т.е. CELAC представляет собой скорее механизм согласования интересов и позиций стран на мировой арене. Во-вторых, CELAC объединяет сразу несколько субрегионов, интеграция которых затруднена не только в экономике ввиду, например, гигантского разрыва в уровне развития стран Южного конуса и Центральной Америки, но и в политике, так как CELAC включает в себя и Мексику, которая имеет проамериканскую ориентацию в NAFTA, и страны Центральной Америки, находящиеся в большой зависимости от рынка США, и Бразилию, которая стремится к утверждению себя в качестве регионального лидера. Все это, в это же время, не отрицает важной роли CELAC в формировании латиноамериканской, прежде всего, политико-цивилизационной идентичности, представляя собой надежную площадку обсуждения проблем, что расширяет повестку дня CELAC до глобального уровня.

	MERCOSUR	UNASUR	ALBA	PA	CELAC
региональный уровень	+	+	+	–	+
глобальный уровень	–	+	–	–	+

Исходя из сравнения повесток дня и потенциала акторности интеграционных групп в регионе ЛАКБ по уровням регулируемых проблем, можно утверждать, что пересечение функций групп происходит лишь на национальном уровне, что не носит противоречивого характера, учитывая различные подходы и цели группировок. Более того, было продемонстрировано, что, несмотря на различия в субрегиональных моделях развития, сегодня в ЛАКБ происходит конвергенция на региональном уровне, где UNASUR превращается в центр притяжения: Союз включает в себя все субрегиональные группы, забирает себе часть их

функций (посредническая, функция обеспечения безопасности и т.д.), реализует новые функции на региональном уровне и предлагает общерегиональную модель многосторонней дипломатии.

При внимательном рассмотрении оказывается, что участие в той или иной группе зависит от внутренней и субрегиональной повестки дня. Членство государств Тихоокеанского Альянса Чили, Перу и Колумбии в UNASUR логично вытекает из общей повестки дня безопасности, характерной для всех стран Южной Америки. Разрешение общих угроз требует площадки для многостороннего диалога, которая и была предоставлена на полях UNASUR. Мексика, еще один участник Тихоокеанского Альянса, не входит в UNASUR не только потому, что проект Бразилии не предусматривал участия этого североамериканского гиганта, но и потому, что проблемы и вызовы, с которыми сталкивается Мексика, отличается от южноамериканской и решается в совместных проектах с США или Центральноамериканскими странами. Такие различия свидетельствуют и о том, что в латиноамериканской интеграции на современном этапе переплетаются как географические факторы, так и отраслевая проблематика: интеграция выходит за рамки географических границ и может охватить государства из разных субрегионов. Именно здесь и проявляется особое значение геополитических районов с особой стратегической ролью Зеленой и Голубой Амазонии, ситуация вокруг которых в будущем может развиваться по двум сценариям: как в направлении сотрудничества (через нацеленность на защиту этих районов, строительство транспортных коридоров, инфраструктуры и освоение территорий), так и в направлении конфронтации (как внутри региона – например, усиление борьбы Боливии за выход к океану, – так и с участием внешних акторов).

Вводя типологизацию комплексов регионального управления, исследователь Д. Нолте относит регион Латинской Америки к кооперативному типу, поскольку он подразумевает сосуществование различных групп, которые не тесно связаны между собой, при этом их принципиальные нормы не

противоречат друг другу, а сотрудничество развивается на уровне общерегиональной организации или региональной интеграционной группы¹⁹, что и проиллюстрировано деятельностью UNASUR и CELAC.

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Развитие интеграции в Латинской Америке на современном этапе происходит под влиянием сразу нескольких трендов, как внутренних, так и внешних. С точки зрения политической интеграции, все большее значение приобретает политико-идеологический фактор. В регионе сложились несколько интеграционных очагов, а именно UNASUR, MERCOSUR, ALBA и Тихоокеанский Альянс, при этом первый из них претендует на объединяющую роль. Другие группы (Андское сообщество, CARICOM и другие) не являются предметом анализа, поскольку либо носят сугубо экономический характер, либо находятся в кризисном состоянии и уступают место новым образованиям.

В целях сравнительного анализа идеологических основ данных групп необходимо ответить на несколько вопросов:

1. Какие принципы предложены в качестве скрепляющей основы группировки? Какую социально-экономическую и политическую модель государства выбрали в качестве модели развития?

2. Нацелен ли интеграционный проект на расширение или предлагает субрегиональную модель?

3. Какую роль играет фактор региональных держав и соотношения сил, и какую позицию интегрирующиеся государства занимают по отношению к глобальным проблемам и вызовам, включая роль глобального лидера США?

Ответ на эти вопросы позволит не только сравнить существующие идеологии интеграционных групп, но и дать оценку их эф-

фективности и конфликтного потенциала и/или способности к конвергенции.

Каковы же скрепляющие основы рассматриваемых интеграционных групп, и какую модель развития предлагает каждая из них?

За последнее десятилетие MERCOSUR пережил серьезные трансформации, значительно изменив свою идеологическую основу и институциональную идентичность. Гиан Л. Гардини выделяет следующие этапы в исторической траектории группы: годы создания, апогей неолиберализма, «темные годы» и этап поиска новой идентичности. В таком делении истории группы отражается и идеологическая трансформация группы (от неолиберализма к новой идентичности). В то же время сегодня можно говорить о том, что MERCOSUR пережил два принципиально отличных друг от друга этапа. Несмотря на то что в период создания MERCOSUR страны рассматривали новый механизм в увязке с принципами демократии, уделяя демократизации большое внимание²⁰, в самом Договоре о создании MERCOSUR отсутствуют какие-либо упоминания о демократических принципах. Кроме этого, в своем исследовании процесса создания блока Г.Л. Гардини доказал, что демократия не является, как считалось, необходимой предпосылкой для интеграции, проиллюстрировав это на примере поведения бразильских и аргентинских элит в конце 1980-х – 1990-х годов²¹. MERCOSUR создавался, прежде всего, как экономический блок на прагматических началах, хотя затем его деятельность распространилась и на политическую проблематику. После вступления в Общий Рынок Венесуэлы можно говорить о некотором отходе от исключительного экономического прагматизма и постепенной политизации интеграционного процесса, при этом Парагвай и Уругвай находятся на его периферии. Несмотря на то, что при подписании до-

¹⁹ Nolte, Detlef. Latin America's new regional architecture: a cooperative or segmented regional governance complex? // EUI RSCAS; 2014/89; Global Governance Programme-126, 2014. - P. 11. Mode of access: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32595/RSCAS_2014_89.pdf?sequence=1 (last visited 12.03.2015)

²⁰ см. Iguazu Declaration (1985), Integration Act (1986), Argentine-Brazilian Treaty of Integration, Cooperation and Development (1988).

²¹ Gardini, Gian Luca. Executive-Legislature Relations in Foreign Policy: A Case Study in Incipient Regional Integration // Bulletin of Latin American Research, 2010. - Vol. 29, No. 2. - Pp. 224-237. Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1470-9856.2009.00316.x/abstract> (last visited 12.12.2014).

говора в 2006 году вступление Венесуэлы в MERCOSUR рассматривалось не только как расширение рынка, но и как расширение влияния и выход к Карибскому бассейну, это тут же вызвало споры между членами группы и натолкнулось на противодействие Анунсьона. Ряд экспертов полагают, что приостановление членства Парагвая в MERCOSUR в 2012 году якобы по причине государственного переворота на самом деле объяснялось необходимостью принять Венесуэлу в обход ратификации парагвайским Парламентом²². Необходимо упомянуть и о такой популярной в международных отношениях концепции как «Вашингтонский консенсус»²³, поскольку многие годы MERCOSUR называли его «порождением» (“a creature of the Washington Consensus”)²⁴. В 2003 году президентами Бразилии Лулой да Силва и Аргентины Нестором Киршнером был подписан документ, названный «Консенсусом Боэнос-Айрэса», главными принципами которого стали: благосостояние граждан, справедливое распределение ресурсов, социальная справедливость и равенство, единые позиции по международным вопросам, общие традиции и ценности²⁵. Эти принципы отражали перемены

во внутренней политике Бразилии и Аргентины, которые были связаны с «левым поворотом», открывшим также путь для вступления в MERCOSUR Венесуэлы, после чего в начале 2010-х группа укрепилась в качестве конкурента и противовеса Тихоокеанскому Альянсу, тем не менее, оставаясь довольноно резистентным к преобразованиям и адаптации блоком²⁶.

Создание и развитие ALBA необходимо рассматривать в связи с так называемым «левым поворотом» в регионе Латинской Америки, поскольку в основе Боливарианской альтернативы для Америк лежат именно социалистические принципы и принципы левого толка. Левый поворот охватил Латинскую Америку на рубеже веков, и хотя и был характерен для многих государств региона (среди них - Венесуэла, Чили, Бразилия, Аргентина, Панама, Уругвай, Боливия, Перу, Эквадор и Никарагуа), все же не может быть сведен к однотипным политическим трансформациям. Давая оценку последствиям левого дрейфа (“left drift”) в ЛАКБ, эксперты обычно разделяют государства на три типа. Российские латиноамериканисты Л.С. Окунева и В.М. Давыдов выделяют следующие категории стран «левого поворота»:

– «левоцентристские» / «центристско-левые» - Чили, Уругвай, Коста-Рика – страны, отличающиеся глубокой институционализацией демократических институтов, близостью к европейскому социал-демократизму, опорой на средний класс и рыночные механизмы, отсутствием открытого антиимпериализма и антиамериканизма.

– «леворадикальные» – Венесуэла, Боливия, Эквадор – государства, создающие альтернативу рыночной экономике и неолиберализму.

– Бразилия и Аргентина, которые занимают срединную позицию, проводя политику «лавирования» или «неодесарролизма»,

²² Gardini, Gian Luca. MERCOSUR: What You See Is Not (Always) What You Get // *European Law Journal*. - Vol. 17, No. 5, September 2011. - Pp. 683-700.

²³ Вашингтонский консенсус – свод правил и принципов макроэкономического регулирования, рекомендованный в рамках Всемирного Банка и МВФ странам Латинской Америки, к которому относятся, в частности, свободный обменный курс, приватизация, дерегулирование экономики, либерализация и т.д. Вашингтонский консенсус является неотъемлемой частью либеральной модели экономики. см. Williamson John. What Washington means by policy reform. / Williamson, John (ed.) *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?*, Ch.2 Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2002. Mode of access: <http://www.iie.com/publications/papers/print.cfm?doc=pub&ResearchID=486> (Last visited 03.12.2014).

²⁴ Kellogg, Paul. Regional Integration in Latin America: Dawn of an Alternative to Neoliberalism? // *New Political Science*, 2007. - No. 29(2), - P. 71.

²⁵ Rush Cynthia R. Argentina-Brazil: ‘Buenos Aires Consensus’ Should Have Dumped IMF // *Executive Intelligence Review*, 2003. - Vol. 30.

No. 42, October. Mode of access: http://www.larouchepub.com/eiw/public/2003/eirv30n42-20031031/eirv30n42-20031031_006-argentina_brazil_buenos_aires_co.pdf (last visited 15.12.2014).

²⁶ Oelsner, Andrea. The Institutional Identity of Regional Organizations, Or Mercosur’s Identity Crisis // *International Studies Quarterly*, No. 57, 2013. - P. 124.

отрицая рыночный фундаментализм и ориентируя экономику на социальные программы и госрегулирование²⁷.

Как видно из данной классификации основные участники ALBA относятся ко второму типу – радикальному флангу стран «левого поворота». Входит в ALBA и Куба, что лишь подтверждает радикальный характер идеологии, объединяющей страны, в той или иной мере дистанцирующихся от капиталистической модели: коммунистическая Куба, Венесуэла с ее «Социализмом XXI века», Боливия с «Движением к социализму» Эво Моралеса, социально-экономическая политика с левым уклоном президента Эквадора Рафаэля Корреа и правительства Никарагуа. Центральная место в данной модели принадлежит государству и социальным программам, направленным на развитие, в первую очередь, самых фундаментальных областей – здравоохранения, образования и т.д. В основу функционирования группы заложен анти-империализм и антиглобализм. Важно, что хотя с тех пор как в странах Латинской Америки произошел «левый поворот», во многих из них левые уже потеряли свои позиции и/или были вынуждены проводить более умеренную политику, именно леворадикальные силы стран ALBA по-прежнему остаются у власти.

Тихоокеанский альянс базируется на совершенно иной идеологической платформе. Государства-члены ТА вернулись к концепции неолиберализма и открытого регионализма, которая была характерна для региона в начале 1990-х годов, основанной на принципах демократического развития, свободной торговли и предпринимательства, инновационного развития и интеграции в глобальную экономику²⁸. Страны нацелены

на расширение связей на трансрегиональном уровне с США, Канадой, Европой и Восточной Азией²⁹ и превращение в 8-ю экономику мира³⁰. Таким образом, в условиях левого поворота и радикализации левого политического спектра во многих государствах региона Тихоокеанский Альянс выступил с некой собственной «контридеологией», отталкиваясь от успешного развития европейских государств и США. Как следует из официальных заявлений лидеров и Соглашения о создании Тихоокеанского Альянса, группа сосредоточилась на интеграции в экономической сфере. Однако сегодня заметна и политическая роль Альянса. Во-первых, благодаря участию в ТА, в процессы латиноамериканского регионализма возвращается Мексика, которая ввиду своего участия в NAFTA с начала 1990-х годов была переориентирована на США. Участие Мексики в ТА не только способствует углублению интеграции с учетом веса мексиканской экономики (2-я в Латинской Америке по уровню ВВП³¹ и 1-я в рамках самого Альянса) и ее членства в НАФТА, но и способно привести к размыванию лидерства Бразилии в регионе. Опора на неолиберальные принципы сближает Тихоокеанский Альянс с США и представляет собой еще один полюс притяжения в современной Латинской Америке. Именно опорой на либерализм и открытый регионализм в экономике можно объяснить довольно смелые решения в рамках Альянса (например, об одновременном снятии 92% всех пошлин). Беспокойство о политическом

²⁷ Давыдов В.М. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона // Латинская Америка. – 2007. – №7. – С. 19–25.; Окунева Л.С. "Левый поворот" и демократия в Латинской Америке // Международные процессы. – 2009. – №1. – С.43–53. [Davydov V.M. Bespredsedentnyi sdvig v politicheskom landshafte regiona // Latinskaia Amerika. - 2007. - №7. - S. 19-25.; Okuneva L.S. "Levyi povorot" i demokratiia v Latinskoi Amerike // Mezhdunarodnye protsessy. - 2009. - №1. - S. 43-53].

²⁸ "La OEA tiene que mejorar": Sebastián Piñera habló con EL TIEMPO sobre la Alianza del

Pacífico y la integración regional / El Tiempo, 2012, 17 de junio. Mode of access: <http://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-11953401> (last visited 02.04.2015).

²⁹ Nolte, Detlef. and Wehner, Leslie. The Pacific Alliance Casts Its Cloud over Latin America // GIGA Focus International Edition English, 2013, No. 8. Mode of access: http://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/gf_international_1308.pdf (last visited 02.04.2015).

³⁰ Информация с официального сайта Тихоокеанского Альянса / <http://alianzapacifico.net/en/home-eng/strategic-value>

³¹ ECLAC Economic Report 2014 / UN ECLAC. Mode of access: <http://www.cepal.org/en/publications/economic-survey-latin-america-and-caribbean-2014-challenges-sustainable-growth-new> (last visited 10.03.2015).

и идеологическом влиянии Тихоокеанского Альянса в Латинской Америке в настоящее время присутствует повсеместно. В Декларации, подписанной по итогам Девятнадцатой конференции Форума Сан-Паулу³², участники отмечали «стремление внерегиональных держав расколоть регион, породить кризис и противоречия в MERCOSUR, а также подорвать процессы региональной интеграции через создание Тихоокеанского Альянса, члены которого совершенно неслучайно имеют соглашения о создании зоны свободной торговли с США»³³. Многие латиноамериканские эксперты и высокопоставленные чиновники полагают, что Тихоокеанский Альянс заключает в себе «мощнейшую контратаку, направленную на возрождение идеи Панамериканской Зоны свободной торговли под другим названием», называют его «военно-политическим блоком, направленным на разрушение Союза южноамериканских наций» и «возрождением Вашингтонского консенсуса»³⁴. Примечательно, что в соответствии с международным рейтингом экономической свободы Heritage, страны Тихоокеанского Альянса сгруппировались выше стран ALBA, что, в целом, также отражает их интеграционные модели и их отношения к неолиберальным принципам. Такая таблица наглядно демонстрирует и прагматизм MERCOSUR.

(По индексу экономической свободы HERITAGE-2015)³⁵

Место в рейтинге	Pacific Alliance	MERCOSUR	ALBA
7	Чили		
28	Колумбия		
43		Уругвай	
47	Перу		
51	Коста-Рика		
59	Мексика		
83		Парагвай	
108			Никарагуа
118		Бразилия	
156			Эквадор
163			Боливия
169		Аргентина	
176		Венесуэла	Венесуэла
177			Куба

UNASUR отталкивается от цивилизационного фактора, который всегда играл видную роль в Латинской Америке, а именно от общей истории, солидарности наций, культурного единства народов. В числе руководящих принципов, указанных в Договоре о создании Союза южноамериканских наций, также провозглашаются верховенство суверенитета, территориальная целостность, сотрудничество, мирное развитие, демократия, плюрализм и защита прав человека³⁶. Принцип плюралистической интеграции объясняется одновременным углублением сотрудничества в множестве сфер, как то: политическая, экономическая, социальная, культурная сферы, экология, энергетика и инфраструктура. Такой подход объясняется, во-первых, проекцией принципов MERCOSUR со стороны Бразилии, и, во-вторых, необходимостью объединить разнородные экономические и политические модели в рамках региональной интеграции.

Ставят ли перед собой интеграционные группы цель расширения круга участников?

Тихоокеанский Альянс открыт не только для присоединения новых членов, но и имеет самую разветвленную сеть государств-наблюдателей (несколько десятков). Это расширяет внутреннюю и внешнюю поддержку ТА и способствует повышению его акторности в мировой экономике. Все больше дискуссий о необхо-

³² Foro de São Paulo – конференция с участием левых партий и организаций в регионе Латинской Америки, впервые созванная Партией Трудящихся Бразилии в 1990 году в городе Сан-Паулу.

³³ Перевод с испанского. См. Declaración Final del XIX Encuentro del Foro de Sao Paulo / Foro de São Paulo. Mode of access: <http://forodesaopaulo.org/declaracion-final-xix-encuentro-del-foro-de-sao-paulo/> (last visited 11.02.2015).

³⁴ Nolte, Detlef and Wehner, Leslie. The Pacific Alliance Casts Its Cloud over Latin America // GIGA Focus International Edition English, 2013, No. 8. Mode of access: http://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/gf_international_1308.pdf (last visited 02.04.2015); Boron A. Santos, la conjura contra Venezuela y la Alianza del Pacifico / AVN, 2013. 02 Jun. Mode of access: <http://www.avn.info.ve/print/175543> (last visited 04.03.2015).

³⁵ Index of Economic Freedom 2015 / Heritage. Mode of access: <http://www.heritage.org/index/ranking> (last visited 10.03.2015).

³⁶ Constitutive Treaty of UNASUR / German School of Law. Mode of access: <http://studentorgs.law.smu.edu/getattachment/International-Law-Review-Association/Resources/LBRA-Archive/15-2/SMB213.pdf.aspx> (last visited 10.03.2015).

димости присоединения к Тихоокеанскому Альянсу разгораются в Парагвае и Уругвае, членах MERCOSUR³⁷. Несмотря на то, что в соответствии с внутренними нормами MERCOSUR государства-члены не могут заключать соглашения о свободной торговле с третьими странами, само наличие подобных дискуссий в высших эшелонах власти и в среде бизнеса способно привести к нарастающему напряжению в регионе.

Открыт к расширению и Боливарианский Альянс, который сегодня и представляет собой результат постепенного расширения, начавшись как союз Венесуэлы и Кубы в 2004 году. На статус члена ALBA претендует Гаити. При этом расширение ALBA содержит в себе мощный идеологический критерий и происходит, в первую очередь, за счет потенциала Венесуэлы.

Членство в UNASUR носит более закрытый характер. Договор об учреждении Союза вводит строгие правила приема новых членов, в соответствии с которыми лишь «через 5 лет после вступления в силу Договора Совет Глав государств и правительств может вынести на рассмотрение вопрос о предоставлении статуса члена UNASUR с учетом главной цели Союза – усиления единства региона ЛАКБ»³⁸. Вероятно, такое решение обусловлено стремлением Бразилии исключить возможность членства в UNASUR влиятельного игрока Мексики и стран Центральной Америки и усилить процессы формирования региональной идентичности.

Как уже отмечалось выше, попытка присоединения Венесуэлы к MERCOSUR натолкнулась на серьезное противодействие со стороны Парагвая. Это объяснялось не только членством Каракаса в ALBA и двусторонними отношениями Парагвая и Венесуэлы, но и различием идеологических парадигм.

При этом, в соответствии с положениями Договора о создании MERCOSUR, интеграционная группа открыта для принятия новых членов путем единогласного решения³⁹.

Как бы то ни было, если расширение UNASUR ограничено некими установленными цивилизационными, культурными и географическими факторами, то расширение MERCOSUR, ALBA и ТА, по сути, носит политический и идеологический характер. В этих процессах ЛАКБ особенно ярко проявляется роль лидеров экономического развития и держав, претендующих на статус регионального лидера.

Какую же роль в региональной интеграции в ЛАКБ играет фактор держав, и какую позицию интегрирующиеся государства занимают по отношению к глобальным проблемам и вызовам, включая роль глобальной державы США?

В международных отношениях, политологии и в зарубежном регионоведении существует множество подходов к определению понятия «супердержава», «великая держава» и «региональная держава»⁴⁰. Бузан и Уэвер считали, что Южная Америка – это вариант многополюсного регионального комплекса безопасности. Сегодня регион Латинской Америки представляет собой один из самых сложных регионов с точки зрения соотношения сил на региональном и субрегиональном уровне, особенно в контексте влияния США – супердержавы, традиционно причисляющей ЛАКБ к своей зоне влияния.

А. Богатуров выделяет следующие критерии лидерства в международных отношениях: военная сила, научно-технический потенциал, производственно-экономический потенциал, организационный ресурс и совокупный креативный ресурс⁴¹. Д. Нолте дает

³⁷ Tvevad, Jesper. The Pacific Alliance: Regional Integration or Fragmentation? / European Parliament Think Tank, Oct 2014. Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO-AFET_SP\(2014\)522318](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO-AFET_SP(2014)522318) (last visited 20.01.2015).

³⁸ Constitutive Treaty of UNASUR / German School of Law. Mode of access: <http://studentorgs.law.smu.edu/getattachment/International-Law-Review-Association/Resources/LBRA-Archive/15-2/SMB213.pdf.aspx> (last visited 10.03.2015)

³⁹ MERCOSUR Agreement / ECLAC. Mode of access: http://idatd.eclac.cl/controversias/Normativas/MERCOSUR/Ingles/Treaty_of_Asuncion.pdf (last visited 10.03.2015).

⁴⁰ Например см. Buzan. - Pp. 34-37.

⁴¹ Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. – 2006. – Т. 4, №3. – С. 5–15. [Bogaturov A. Liderstvo i detsentralizatsiia v mezhdunarodnoi sisteme // Mezhdunarodnye protsessy. - 2006. - T.4, №3.- S. 5-15].

расширительный список критериев, применимый для региональных держав: лидерское самовосприятие и претензии на лидерство, наличие материальных (военный, экономический, демографический), организационных (политический) и идеологических ресурсов, реальное влияние на происходящие в регионе процессы и связь с ним на экономическом, политическом и культурном уровне, участие в производстве благ, влияние на повестку дня в сфере безопасности и т.д.⁴²

Восприятие себя в качестве региональной державы характерно для нескольких государств Латинской Америки. Вес в территориальных и людских ресурсах, а также военно-политическое влияние традиционно предоставляли основания Бразилии и Мексике для претензий на региональное лидерство. Стремление Бразилии к получению статуса Постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также расширение трансатлантических и транстихоокеанских связей в рамках многосторонних организаций и форумов свидетельствует о попытке Бразилии проецировать свое восприятие в качестве одного из политических и экономических центров мира на глобальном уровне. После переориентации на NAFTA, Мексика была на многие годы исключена из интеграционных процессов в регионе ЛАКБ и в известном смысле потеряла важный ресурс для влияния в регионе. Однако, по мнению Дэтлефа Нолте, главным политическим последствием создания Тихоокеанского Альянса стало «возвращение Мексики в Южную Америку»⁴³. Действительно, учитывая мощный ресурсный потенциал Мексиканских Соединенных Штатов, этот шаг можно рассматривать не только как вмешательство в региональные политические процессы, где о своем влиянии заявляет Бразилия, но и как попытку вернуть в Южную Америку неолиберальный подход к интеграции. Такое положение может привести к возникновению противоречий

между традиционными интеграционными механизмами, продвигаемыми Бразилией (MERCOSUR, UNASUR) и неолиберальным Тихоокеанским Альянсом и странами, находящими последний привлекательной альтернативой в современных экономических условиях.

Аргентина, которая исторически также обладала возможностью и потенциалом в приобретении статуса региональной державы, сегодня не обладает достаточным соответствующим весом в регионе по вышеперечисленным критериям. Аргентина стремится к укреплению своих позиций, но прежде всего на субрегиональном уровне, поскольку в рамках существующих региональных интеграционных механизмов объективно уступает Бразилии по совокупному потенциалу.

Еще одним государством, заявившим о своем региональном лидерстве в 2000-е годы, стала Венесуэла. Это стало возможным благодаря внутривнутриполитическим трансформациям в стране, государственной идеологии, основывающейся на популизме, боливарианизме и антиимпериализме, ресурсном потенциале страны, а также личной харизме лидера Уго Чавеса. Многие эксперты убеждены, что помимо политического чутья, таланта лидера и харизмы, Уго Чавесу благоприятствовала экономическая и политическая конъюнктура: цены на нефть, от которых зависела и зависит экономика Венесуэлы, выросла с 15\$ за баррель в 1998 году до 100\$ в 2013-м⁴⁴. Высокие цены на главный экспортируемый товар и авторитарный стиль правления позволили правительству в Каракасе провести социальные реформы и завоевать авторитет в регионе в качестве успешной модели социально-экономического развития, а также активнее формулировать свою идеологическую альтернативу для регионального сотрудничества. Кроме этого, Венесуэла поставляет нефть по льготным ценам и на условиях бартера участникам ALBA и ряду Карибских стран по программе Petrocaribe.

⁴² Nolte, Detlef. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics // *Review of International Studies*, 2010, No. 36. - p. 893. Mode of access: http://www.giga-hamburg.de/sites/default/files/publications/how_to_compare.pdf (last visited 12.12.2014).

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Standish, E. Venezuela: Los últimos días de Maduro // *PanAmPost*, 2014, 3 marzo. Mode of access: <http://es.panampost.com/enrique-standish/2014/03/03/venezuela-los-ultimos-dias-de-maduro> (last visited 01.02.2015).

В настоящее время, в условиях кризисной экономики Венесуэлы и введенных против нее санкций со стороны США, рейтинг преемника Чавеса Николаса Мадуро упал до рекордных отметок – около 20%⁴⁵. Учитывая роль популизма и харизмы лидера в Боливарианской Республике, такое внутриполитическое положение будет иметь негативное значение для функционирования ALBA, которое зависит, в основном, от потенциала Венесуэлы.

Таким образом, единственной державой, сохраняющей потенциал к укреплению статуса регионального лидера в Южной Америке, остается Бразилия, которая рассматривает региональную интеграцию в качестве инструмента своего влияния с момента закрепления у власти Лулы да Силвы и Партии трудящихся с их концепцией «универсализма»⁴⁶. При этом изначально Бразилией был взят курс на укрепление лидерства, а не региональной гегемонии⁴⁷, что является значимой особенностью латиноамериканского регионализма. Бразилия является не только идеологическим, но и экономическим локомотивом интеграции, поскольку ее экономика составляет 2/3 всей торговли MERCOSUR⁴⁸, на ее

долю приходятся основные расходы на общие инфраструктурные проекты в IIRSA. В военном смысле Бразилия отличается самым большим военным бюджетом в регионе (16,43 млрд \$, 2-е место Аргентина с 1,53 млрд \$49). При этом государство развивает связи не только внутри региона, но и выходит на глобальный уровень (BRICS, G20, IBSA и прочее). Одним из главных направлений многосторонней дипломатии Бразилии стала проблематика безопасности: как на глобальном, так и региональном уровне. Бразилия давно пытается способствовать формированию регионального подхода к безопасности, что подтверждается как односторонним посредничеством (например, создание группы «Друзей Венесуэлы»), так и в рамках региональных институтов. Именно этим можно объяснить ту высокую роль безопасности, которая наблюдается в UNASUR. Вероятно, «возвращение Мексики» окажет ощутимое влияние на соотношение сил и, как следствие, может иметь деструктивный эффект на безопасность в регионе ввиду усиления конкуренции.

UNASUR И АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Таким образом, становится очевидным, что на современном этапе интеграции в Латинской Америке политический фактор играет первостепенную роль. И если в эпоху приоритета либерализации экономики регион еще представлял собой сравнительно однородное идеологическое пространство с лидирующей позицией Соединенных Штатов, то сегодня линии соприкосновения, (а возможно и раскола) между интеграционными образованиями проходит по идеологическому основанию. Каждая из субрегиональных групп предлагает свою собственную модель развития, взаимодействия, идеологическую составляющую и

⁴⁵ Lee, Brianna. Venezuelan President Nicolas Maduro's Approval Rating Gets a Tiny Bump Amid Tensions With US / International Business Times, 2015, March 25. Mode of access: <http://www.ibtimes.com/venezuelan-president-nicolas-maduros-approval-rating-gets-tiny-bump-amid-tensions-us-1859116> (last visited 11.02.2015).

⁴⁶ Vigevani, Tullo and Haroldo Ramanzini. The impact of domestic politics and international changes on the Brazilian perception of regional integration / Tullo Vigevani ; Haroldo Ramanzini Júnior. - / Latin American Politics and Society (Coral Gables/Fla.), 53 (Spring 2011). - Pp. 125-155.

⁴⁷ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 678. [Okuneva L.S. Brazilia: osobennosti demokraticheskogo proekta: Stranitsy noveishei politicheskoi istorii latinoamerikanskogo giganta (1960-e gg. - 2006 g.). - M.: MGIMO-Universitet, 2008. - S. 678].

⁴⁸ Malamud Andres, Gardini Gian L. Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // The international Spectator, Vol. 47, No. 1, March 2012, - P. 127.

⁴⁹ Cepik, Marco. Regional Security and Integration in South America: What UNASUR could learn from the OSCE and the Shanghai Organization experiences? / LASA - XXIX International Congress, 2010. Mode of access: http://www.wiscnetwork.org/ljubljana2008/papers/WISC_2008-396.pdf (last visited 13.01.2015).

принципы взаимоотношений с «внешней средой», основанную, во многом, на национальной модели развития. Сама политическая мозаика латиноамериканской интеграции свидетельствует о децентрализованном характере процесса, позволяя судить скорее о субрегионализме, нежели о регионализме в его классическом понимании. С учетом этой логики, наиболее интересен эксперимент UNASUR, который предлагает другую модель, основанную на попытке найти между существующими политическими блоками среднее арифметическое, опираясь на культурно-цивилизационное единство, а также принципиально прагматические цели, не отрицая, тем не менее, субрегиональных различий.

Д. Ло Брутто и К.О. Салазар называют современный этап латиноамериканской интеграции «стратегическим», поскольку она не только основана на новых принципах, противоположных «Вашингтонскому консенсусу», но и в целом направлена не трансформацию мирового политического и экономического порядка⁵⁰. Кроме того, UNASUR уже взял на себя функцию «регионального полицейского» в деле разрешения региональных конфликтов. Это позволяет сделать вывод о снижающейся роли ОАГ и, в частности, США, деятельность которых оценивается то как «простой риторикой» (президентом Корреа), то как «бесполезной» (президентом Чавесом)⁵¹. Первой проверкой для UNASUR стал кризис в Боливии. В сентябре 2008 года на фоне дестабилизации в стране, угрозы переворота и поддержки со стороны США оппозиционных сил, по инициативе президента Бразилии Лулы да Силвы и президента Чили Мишель Бачелет был созван чрезвычайный саммит UNASUR и подписана Декларация Ла Монеда, в которой члены

UNASUR подтверждали свою поддержку президенту Боливии Моралесу, осуждали попытку переворота и текущие волнения, а также призвали к созданию специальной комиссии в рамках UNASUR для урегулирования конфликта⁵². В случае боливийского конфликта отразились не только различия между позициями южноамериканских государств и США, но и консолидация региона на основе общих принципов, включая принцип «демократического вмешательства». Подобным образом UNASUR действовал в период конфликта между Колумбией и Венесуэлой, при попытке государственного переворота в Эквадоре в 2010 году (была выражена поддержка президенту Рафаэлю Корреа⁵³). В 2012 году государства UNASUR осудили попытку переворота в Парагвае, организованного членами Сената против президента Фернандо Луго. Важно и то, что в рамках UNASUR (и позже CELAC) были одобрены общие позиции по проблеме Мальвинских островов и блокады Кубы с поддержкой Буэнос-Айреса и Гаваны. Таким образом, UNASUR продемонстрировал способность к выработке общей позиции стран с различными политическими ориентациями.

При анализе участия тех или иных институтов и государств в качестве посредника и миротворца в последние два десятилетия, становится отчетливо видна усиливающаяся роль Южноамериканского союза наций в последнее десятилетие⁵⁴, прежде всего, в разрешении конфликтов и кризисов в Южной Америке:

⁵² Declaración de la Moneda, Santiago de Chile, 15 de septiembre de 2008 / BBC Mundo. Mode of access: http://news.bbc.co.uk/hi/spanish/latin_america/newsid_7618000/7618033.stm (last visited 12.12.2014).

⁵³ Comenzó la reunión de emergencia de la Unasur / lanacion EL MUNDO, 01 de octubre de 2010. Mode of access: <http://www.lanacion.com.ar/1309820-comenzo-la-reunion-de-emergencia-de-la-unasur> (last visited 12.12.2014).

⁵⁴ Таблица составлена с опорой на исследование Даниэля Флемеса и Майкла Радзека, подробнее: Flandes, Daniel, Radseck, Michael. Creating Multilevel Security Governance in South America // GIGA Working Paper, No. 117, December 2009. - P. 22. Mode of access: http://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp117_flandes_radseck.pdf (last visited 12.12.2014).

⁵⁰ Lo Brutti, Giuseppe, Salazar C.O.V. The Strategic Integration of Latin America: a Disputed Project // Latin American Perspectives, March 2015. - P. 2. Mode of access: <http://lap.sagepub.com/content/early/2015/03/12/0094582X15574847.full.pdf> (last visited 01.04.2015).

⁵¹ Mena, Erazo Paul. Cumbre de Unasur acuerda un protocolo contra golpes de Estado / BBC Mundo, 27th November 2010. Mode of access: http://www.bbc.co.uk/mundo/noticias/2010/11/101126_colombia_ecuador_relaciones_restablecimiento_unasur_jg.shtml (last visited 02.04.2015).

Конфликт, кризис/год	Урегулирование, посредник
Перу, 1992	ОАГ, США
Гватемала, 1993	ОАГ, США, Бразилия
Парагвай, 1996	MERCOSUR
Эквадор, 2000	ОАГ, США
Венесуэла, 2002	MERCOSUR, Группа Рио
Гаити, 2004	Силы ООН – MINUSTAH (Бразилия)
Колумбия, 2007	Венесуэла
Боливия, 2008	UNASUR
Гондурас, 2009	Бразилия, ОАГ, США, Межд Суд
Колумбия-Венесуэла, 2010	UNASUR
Эквадор, 2010	UNASUR
Парагвай, 2012	UNASUR

Отталкиваясь от принципа человеческого измерения безопасности, Бразилия в рамках UNASUR (и на этапе его формирования) обеспечивала и обеспечивает совместные программы по борьбе с преступностью. Так, в 2006 году было проведено девять таких операций с участием бразильской федеральной полиции⁵⁵. Несмотря на то, что борьба с организованной преступностью в Латинской Америке является приоритетом и ОАГ, и даже учитывая тот факт, что в проведении данных операций Бразилия также полагалась на помощь США, со временем этот опыт помог Бразилии выработать свой подход к региональной безопасности и реализовать его в институтах UNASUR.

UNASUR использует сложный и разветвленный механизм советов, работающих в разных секторах: энергетика, оборона, здравоохранение, социальная инфраструктура и планирование, борьба с наркоторговлей, экономика и финансы, выборы (создание регионального механизма контроля за проведением выборов, схожего с ОБСЕ), наука, технологии, инновации, гражданская безопасность, правосудие, координация действий против организованной преступности⁵⁶.

⁵⁵ COBRA в Колумбии, REBRE в Перу, VEBRA в Венесуэле и многие другие в Парагвае, Аргентине, Боливии. см. Duarte Villa Rafael Antonio, Viana Manuela Trindade. Security issues during Lula's administration: from the reactive to the assertive approach // Revista Brasileira de Política Internacional, 2010, Vol.53 No. spe Brasília December, - Pp. 101-102.

⁵⁶ Lo Brutti, Giuseppe, Salazar, C.O.V. The Strategic

Эффективным инструментом UNASUR в осуществлении политических функций является Южноамериканский совет обороны (ЮОСО, El Consejo de Defensa Suramericano⁵⁷), деятельность которого направлена на объединение усилий государств для обеспечения мира и безопасности на всем пространстве Южной Америки. При этом государства исходят из плюралистического понимания безопасности, поскольку деятельность Совета обороны сосредоточена и на так называемых «новых вызовах», таких как кибертерроризм, и на общих проектах, таких как разработка систем беспилотников. В UNASUR открыта Школа Обороны (вуз по подготовке офицерского состава) и Центр исследований в сфере безопасности, стратегическая задача которых заключается в укреплении доверия и сотрудничества. По целям и структуре ЮОСО значительно отличается от военных альянсов типа НАТО. К его стратегическим целям относятся: укрепление доверия между странами-участницами, углубление региональной интеграции и создание площадки для диалога и сотрудничества в оборонной сфере через сближение военных доктрин, практику обменов военными специалистами, совместное участие в миротворческих операциях ООН, интеграцию основных секторов ВПК⁵⁸.

На современном этапе происходит интенсификация сотрудничества в сфере энергетики, устойчивого развития и защиты природных ресурсов, имеющих и политический срез. Регион ЛАКБ – это 30% возобновляемых водных ресурсов мира и около 70% всех водных ресурсов Северной и Южной Америк⁵⁹.

Integration of Latin America: a Disputed Project // Latin American Perspectives, March 2015. - P. 6. Mode of access: <http://lap.sagepub.com/content/early/2015/03/12/0094582X15574847.full.pdf> (last visited 01.04.2015).

⁵⁷ Интернет-страница Совета на сайте UNASUR: <http://www.unasursg.org/es/node/21>.

⁵⁸ Brigagão, Clóvis. Latin America: A Panorama of Security and Integration / VII Conference of Forte de Copacabana. International Security: A European-South American Dialogue, 2011. - Pp. 21-39. Mode of access: <http://www.kas.de/wf/doc/5326-1442-5-30.pdf> (last visited 11.04.2015).

⁵⁹ Recursos naturales en UNASUR: situación y tendencias para una agenda de desarrollo regional /

Еще с конца 1990-х все чаще выражается обеспокоенность в связи с возможной борьбой за ресурсы региона. По мнению Б.Ф. Мартынова, в будущем характер глобального позиционирования региональных лидеров (включая Россию и Бразилию) будет зависеть от способности или неспособности эффективно контролировать собственную территорию⁶⁰. На деле, эта жесткая конкуренция уже началась в виде борьбы за контроль над ресурсами в условиях приватизации и усиления ТНК. Последствия конкуренции за воду проявляются как на уровне правительств, которые все жестче заявляют о своем суверенитете и готовности охранять природные ресурсы, так и на уровне общества. В частности, Бразилия реализует программу SIVAM (Sistema Proteção da Amazonia) для защиты Амазонии, обеспечения навигационного контроля и разведки за этим богатейшим участком суши. Одним из самых ярких примеров реакции местного населения являются волнения («война за воду») в Боливии в 2000-е годы в районе Кочабамба. Обеспокоенность вызывает информация о размещении на Фолклендах атомных зарядов, что противоречит положениям Договора Тлателолко, а также стремление США участвовать в освоении недавно обнаруженных запасов нефти и газа в территориальных водах Бразилии и Венесуэлы («на приоритетных началах»⁶¹. Актуализация «новых угроз» и нарастание военной опасности привели к

необходимости запустить сотрудничество в военной сфере, результатом чего стало создание Совета обороны UNASUR. Не случайно и то, что инициаторами создания выступили Лула да Силва и Уго Чавес.

Расширение политической повестки дня в латиноамериканской интеграции происходит и за счет привлечения к сотрудничеству широких слоев населения. Так, на саммите UNASUR в декабре 2014 года работала целая комиссия, состоящая из представителей молодежи стран UNASUR. Кроме этого там же представители двенадцати государств-членов UNASUR приступили к обсуждению вопроса о введении единого регионального паспорта и основали рабочую группу, которая и должна, по сути, способствовать институционализации общего гражданства стран Южной Америки. Привлечение молодых активистов и политиков должно способствовать воспитанию «нового интеграционного поколения»⁶². Существенную роль играет и опыт Комитета городов и регионов MERCOSUR⁶³ и так называемых Меркосидадес (Mercocidades⁶⁴) – сети (суб)национальных акторов (крупных городов, провинций, департаментов) в рамках MERCOSUR, обеспечивающей участие в интеграционных процессах представителей муниципалитетов. Несомненно развитие модели многоуровневой интеграции (подобные процессы уже доказали свою эффективность в рамках ЕС) смогло бы способствовать укреплению латиноамериканского регионализма и регионализации, которая и представляет собой некий мост между наднациональным и субнациональным уровнями.

CEPAL, 2013. Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/3116/S2013072_es.pdf?sequence=1 (last visited 13.12.2014).

⁶⁰ Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. – с. 83. [Martynov B.F. «Zapad» i «ne-Zapad»: proshloe, nastoiashchee... budushchee? – М.: ИЛА РАН, 2015. – с. 83].

⁶¹ Никандров. Н. Совет южноамериканской обороны и диверсии Пентагона. / Фонд стратегический культуры. Электронное издание. 22.08.2013. Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2013/08/22/sovet-uzhnoamerikanskij-oborony-i-diversii-pentagona-22298.html> (дата обращения 15.02.2015). [Nikandrov Nil. Sovet iuzhnoamerikanskoi oborony i diversii Pentagona. / Fond strategicheskii kul'tury. Elektronnoe izdanie. 22.08.2013. Mode of access: <<http://www.fondsk.ru/news/2013/08/22/sovet-uzhnoamerikanskij-oborony-i-diversii-pentagona-22298.html>>].

⁶² Латиноамериканская панорама. Декабрь 2014. / ИЛА РАН. Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=557> (дата обращения 11.03.2015). [Latinoamerikanskaia panorama. Dekabr' 2014. / ILA RAN. Mode of access: <<http://www.ilaran.ru/?n=557>>].

⁶³ Kleiman, Alberto. The Regional Integration Process and its Impact on the International Activities of Brazilian and South American Sub-National Governments / Forum of Federations, 2007. Mode of access: <http://www.forumfed.org/libdocs/2009/2008-09-18-Kleiman.pdf> (last visited 13.02.2015).

⁶⁴ Учреждены специальной Анунсьонский Декларацией в 1995 году. Информация на сайте: <http://www.mercociudades.org/pt-br>.

Как было уже не раз проиллюстрировано выше, наиболее активную роль в продвижении интеграционных инициатив в регионе ЛАКБ и, прежде всего, в Южной Америке, играла и продолжает играть Бразилия. Многие латиноамериканисты исходят из того, что интеграция – есть мощный инструмент бразильской внешней политики. Еще в 1977 году знаменитый бразильский экономист и политолог Руй Мауро Марини ввел понятие «субимпериализма», применяя его к потенциалу Бразилии осуществлять «экспансионистскую» политику в регионе⁶⁵. С тех пор идея регионального лидерства латиноамериканского гиганта развивалась по мере укрепления экономического и политического веса «страны-континента»⁶⁶. Рассматривая UNASUR, стоит отметить, что если для Бразилии этот проект имеет политическое и геополитическое значение, то для других членов цели участия в группе разнятся. Очевидно, что для Аргентины, Колумбии, Уругвая и Парагвая – это соображения экономического характера; Боливия, Венесуэла и Эквадор исходят из общей цели противодействовать гегемонии США и формировать единое цивилизационное пространство; для Чили и Перу, по всей вероятности, членство в UNASUR объясняется стремлением не оставаться на периферии общерегионального процесса.

Таким образом, плюралистический подход к безопасности подразумевает формирование региональной идентичности в

сфере обороны и солидарности, способствует консолидации регионального комплекса безопасности с учетом всех субрегиональных и национальных особенностей, а при расширении функций до миротворческих с лидирующей ролью Бразилии UNASUR превращается в подлинного актора на международной арене и способствует оформлению системы «регионального управления» (regional governance).

«ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Российский исследователь П.А. Цыганков выделяет следующие типы интеграции:

- Глобальная, региональная, субрегиональная;
- Политическая, экономическая, научно-техническая и т.д.⁶⁷

По первому основанию, геополитическому, интеграционные процессы в Латинской Америке могут быть классифицированы по всему их спектру. CELAC / UNASUR – представители региональной интеграции, Андское сообщество, CARICOM, ALBA, Тихоокеанский Альянс – субрегиональной, а с учетом выхода MERCOSUR и UNASUR на глобальный уровень (заключение соглашений о зонах свободной торговли с ЕС, переговоры с Израилем, КНР и другими странами), можно, хоть и с натяжкой, говорить о выходе на трансрегиональный, глобальный уровень процессов.

По второму основанию – по предмету – охват ещё более широк. Речь идет и о политической, и об экономической интеграции, охватывающими и социокультурную сферу. Интенсивно сотрудничают государства в научно-технической области, в области развития инфраструктуры, наиболее показательным примером чего является IIRSA – Инициатива по интеграции в сфере региональной инфраструктуры Южной Америки (Iniciativa para la Integración de la Infraestructura Regional Suramericana). Так, в рамках этой программы существуют сотни проектов в области транспорта, энерге-

⁶⁵ Marini, Ruy Mauro. La acumulación capitalista mundial y el subimperialismo // Cuadernos Políticos, 1997. - No. 12, abril-junio. Mode of access: http://www.marini-escritos.unam.mx/052_acumulacion_subimperialismo.html (last visited 13.03.2015)

⁶⁶ Flynn, Matthew. Between Subimperialism and Globalization: A Case Study in the Internationalization of Brazilian Capital // Latin American Perspectives, 2007, №34 November, Pp. 9-27.; Tavares Elaine. Brasil y su acción subimperialista en América Latina / Patria Grande, 2011. Mode of access: <http://patriagrande.org.bo/archivos/revista2numero46enero2012/brasil.pdf> (last visited 17.03.2015); Zibechi Raúl. Brasil potencia: Entre la integración regional y un nuevo imperialismo. – Bogota: Ediciones desde abajo, 2012. – 311 p.

⁶⁷ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М: «Гардарики», – 2002, – С. 459. [Tsygankov P.A. Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii. - M: «Gardariki», - 2002, - S. 459].

тики, строительства и связи, большая часть из которых успешно реализуются⁶⁸.

Другой исследователь, К. Воронов, различает интеграцию «вширь» и «вглубь»⁶⁹. В Латинской Америке имеют место оба этих явления. Постоянные процессы объединения и расширения группировок демонстрируют расширение интеграции, в то время как постепенное развитие сфер интеграции и структуры группировок Латинской Америки влияют на их углубление.

Регион Центральной и Южной Америки находится в поисках собственной модели. Об этом свидетельствует сам факт существования множества интеграционных группировок, которые вынуждены сотрудничать и искать новые формы отношений. В связи с этим интеграция протекает как по модели «интеграционная группировка – 3 страна» (например, страны NAFTA перешли к стратегии заключения договоров с отдельными странами, или Тихоокеанский Альянс), так и в рамках модели «интеграционная группировка – интеграционная группировка» (MERCOSUR – ЛАИ; MERCOSUR – Андское сообщество, ALBA – UNASUR).

Прорыв в интеграционных процессах осложняется тем, что новые группы не просто не отменяют старых, но и противоречат старым. Как отметил бывший президент Чили Эдуардо Фрея Монтальвы: «Почему мы, латиноамериканцы, всегда изобретаем новые проекты для достижения старых целей, если мы не можем довести до конца прежние, которые мы принимали с тем же энтузиазмом, что и сейчас?»⁷⁰.

Учитывая вышесказанное, а именно расширяющуюся повестку дня взаимодействия на региональном уровне и, при этом, межгосударственный характер функциони-

рования институтов интеграции, важный вопрос, который может возникнуть при изучении интеграционного опыта Латинской Америки и других регионов мира, прежде всего Европы и Юго-Восточной Азии, – являются ли региональные процессы в Латинской Америке интеграцией или же представляют собой яркий пример простого укрепления регионального сотрудничества⁷¹? Можно ли поставить знак равенства между двумя этими процессами, первый из которых опирается на институционализацию, а второй подразумевает лишь интенсификацию взаимодействия в различных областях?

Дело в том, что Латинская Америка развивается в соответствии с собственными представлениями об интеграции. Это обусловлено, во многом, тем, что интеграция в разных регионах зарождалась в различных исторических контекстах. Тем не менее, редкие, но предпринимаемые попытки копирования опыта ЕС, а также схожие условия международной среды со странами Юго-Восточной Азии, обусловили ряд общих черт регионального опыта интеграции: схожее отношение к суверенитету и наднациональности с ASEAN, как и приоритет экономического сотрудничества, которое, по принципам функционализма, позволяет достичь наиболее высокого уровня взаимозависимости в рамках региона (*regionness*) и заложить основы для политического сотрудничества. При этом сильная роль государства в продвижении интеграции в ЛАКБ сближает ее с ЕС. Тем не менее, различия в мотивах и целях интеграции, в политической культуре и в цивилизационных особенностях, обуславливающих логику интеграционных процессов в регионе, а также наличие отличных качественных характеристик интеграции в ЛАКБ позволяют выделить ее собственную модель, что ограничивает копирование опыта других регионов. Переложение модели ЕС и даже ASEAN на политический ландшафт Латинской Амери-

⁶⁸ Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe 2009-2010 / CEPAL, Santiago, 2010. p. 109. Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/1174/S1000783_es.pdf?sequence=1 (last visited 16.02.2015).

⁶⁹ Лебедева М.М. Мировая политика. – М. Аспект Пресс, 2007. – С. 162. [Lebedeva M.M. Mirovaia politika. – M. Aspekt Press, 2007. – S.162].

⁷⁰ Лавут А.А. Поиски латиноамериканской модели / А. А. Лавут // Латинская Америка. – 2011. – №2. – С. 20. [Lavut A.A. Poiski latinoamerikanskoi modeli / A. A. Lavut // Latinskaia Amerika. – 2011. – N 2. – S.20].

⁷¹ Подобный вопрос возникал неоднократно. Например, см. Malamud, Andres, Gardini, Gian L. Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // The international Spectator, Vol. 47, No. 1, March 2012. – Pp. 116-133.

ки представляется недалеким. Различия в идеологической и институциональной сферах, в нацеленности на конечную форму интеграции позволяют говорить об особенной модели регионализма, которая, несмотря на обилие интеграционных образований, имеет схожие черты на всем пространстве от Мексики до Аргентины.

Основными чертами современного этапа интеграции в Латинской Америке, образующими одновременно характерные черты ее модели, таким образом, являются:

- политизированный характер за счет усиления роли идеологии в рамках субрегионов – «бифуркация» регионализма в ЛАКБ72, ведущая к складыванию системы регионального управления;

- опыт интеграции не только по географическому принципу (страны ALBA, а также ТА могут не иметь общей границы), а по идеологическому принципу и по сферам сотрудничества;

- сочетание элементов интеграции на субрегиональном и дезинтеграции на (макро)региональном уровне;

- популяризация боливарианизма и идеи латиноамериканского цивилизационного единства как объединяющей силы на региональном уровне с высокой долей популизма;

- консолидация Бразилии в роли регионального лидера и инициатора проекта UNASUR с претензией взять на себя важнейшие функции ОАГ73, играя роль стягивания регионализма;

- межправительственный подход к принятию решений, гибкая модель интеграции, основанная на сети слабых институтов;

- приоритет сфер сотрудничества, вызывающих наименьшее количество споров и противоречий;

- критическая зависимость развития интеграции от политических процессов, происходящих на национальном уровне.

⁷² Arugay, Aries A., Moreno G.X. Competing Regionalisms? The Role of the OAS and UNASUR in Bolivia's Constitution-Drafting Process / IDEA Publications. June 15, 2014. Mode of access: <http://www.idea.int/resources/analysis/upload/The-Role-of-the-OAS-and-UNASUR-in-Bolivia-s-Constitution-drafting-process.pdf> (last visited 01.04.2015).

⁷³ Nolte Detlef. Latin America's new regional architecture: a cooperative or segmented regional governance complex? // EUI RSCAS; 2014/89; Global Governance Programme-126, 2014. Mode of access: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32595/RSCAS_2014_89.pdf?sequence=1 (last visited 12.03.2015).

Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение

Денис Андреевич Кузнецов, выпускник магистратуры МГИМО (У) МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение».
E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Аннотация: В настоящей статье автор исследует текущие процессы регионализации и регионализма в Латинской Америке с особым акцентом на политических и идеологических факторах, которые изменяют политический и экономический ландшафт региона и ведут к дифференциации регионального пространства по субрегиональному типу с превалированием в каждом из субрегионов определенной (и порой конкурентной) модели развития. При этом в регионе происходит осязаемое укрепление UNASUR (Союза южноамериканских наций), который (благодаря лидерству Бразилии) играет объединяющую роль на региональном уровне и способствует повышению значимости многостороннего взаимодействия в регионе с опорой на цивилизационные факторы и на актуальные вызовы региональной безопасности. Автор, опираясь на сравнительный анализ субрегиональных инициатив, также затрагивает вопрос об особенностях латиноамериканской модели интеграции.

Ключевые слова: Латинская Америка, UNASUR, ALBA, MERCOSUR, CELAC, ОАГ, Тихоокеанский Альянс, интеграция, регионализм, регионализация, безопасность, Бразилия, Венесуэла, региональная держава, субрегионализм, трансрегионализм.

Latin American integration and sub-regionalization: political and ideological dimension

Denis Andreevich Kuznetsov, MA in Regional Studies (MGIMO-University). E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Abstract: The article analyses regionalism and regionalization in modern Latin America paying special attention to political and ideological factors, which have already shifted political and economic landscape of Latin America and encouraged sub-regional differentiation, with each of the sub-regional integration association following its own (and sometimes competing) development pattern. At the same time the region witnesses the consolidation of UNASUR that assumes a leading role trying to converge the sub-regional alternative patterns and to strengthen political and economic ties, based on regional leadership of Brazil, civilizational unity and imminent security threats. The author also uses comparative method to speculate on the model of Latin American integration.

Key words: Latin America, UNASUR, ALBA, MERCOSUR, CELAC, OAS, Pacific Alliance, integration, regionalism, regionalization, security, Brazil, Venezuela, regional power, sub-regionalism, trans-regionalism.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мина Поштитч

В современном мире энергетическая проблематика все более активно влияет на развитие политических процессов как на глобальном, так и на региональном уровне. С одной стороны, энергетический фактор становится важным аспектом внешней политики целого ряда стран, а с другой, начинает оказывать влияние на формирование политической и экономической обстановки в некоторых регионах мира. Эта тенденция в полной мере характерна для Китайской Народной Республики и региона Центральной Азии. Начиная с конца 1990-х гг. центральноазиатский регион приобретает для Китая стратегическое значение, как с экономической, так и с геополитической точки зрения. Это обусловлено целым рядом факторов, в том числе и стремительным экономическим развитием Китая, которое в силу экстенсивного развития экономики и нехватки собственных природных ресурсов превратило Китай в нетто-импортера энергоносителей. При этом уровень технологического развития Китая не позволяет ему существенно снизить потребление энергии за счет внедрения новых энергосберегающих технологий, поэтому единственный способ решения проблемы заключается в повышении импорта энергоресурсов. Это и предопределило растущий интерес КНР к странам Центральной Азии и активизацию его внешней политики в данном регионе, а также превращение стран Центральной Азии в «естественных» энергетических партнеров КНР. Таким образом, в последние годы, одновременно с ростом значения региона Центральной Азии во внешнеполитической стратегии КНР можно наблюдать «экономизацию» внешней политики Китая в отношении данного

региона (упор Китая на экономическое сотрудничество и попытки решать свои политические задачи с помощью экономических методов). В рамках данной внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Пекин уделяет особое внимание энергетическому аспекту, поскольку получение доступа к сравнительно дешевым центральноазиатским ресурсам является одним из приоритетных интересов КНР в отношении рассматриваемого региона и непосредственно связано с задачей обеспечения собственной энергетической безопасности.

Энергетическая стратегия Китая тесно связана с вопросами обеспечения энергетической безопасности страны. Как известно, с 1993 г. Китай стал нетто-импортером нефти, а в 2003 г. Китай вышел на второе место в мире (после США) по потреблению нефти и нефтепродуктов¹, и по оценкам к 2020 г. зависимость КНР от поставок нефти составит 60%. В то же время Китай на 30% зависит от импорта природного газа². Растущая зависимость Китая от импорта энергоресурсов (в первую очередь нефти и газа) связана не

¹ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред. – сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 681,701. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnyh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S. 681,701].

² Ma, Damien. China's Search for A New Energy Strategy / Damien Ma // Foreign Affairs. – 2013. – V.92. – No 3. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139425/damien-ma/chinas-search-for-a-new-energy-strategy>.

только с ростом ВВП и стремительным развитием промышленности, но и с изменением структуры энергопотребления. В частности, в последние годы Китай постепенно отходит от упора на уголь в структуре энергетики и пытается произвести частичное замещение каменного угля и сырой нефти более перспективными энергоносителями – природным газом и альтернативными источниками энергии. При этом на настоящий момент оба этих вида энергоносителей занимают достаточно скромное место в структуре энергопотребления КНР, в частности, на природный газ приходится 3% потребления первичной энергии, а на альтернативные источники энергии приходится менее 2% в структуре энергопотребления страны³. К тому же, в Китае замедляются темпы добычи собственной нефти. В частности, крупнейшие нефтяные месторождения, такие как Дацин, Шэнли, Ляохэ, Чанцин, Цзилинь и Даган в значительной степени истощены, разработка «остаточных» нефтяных пластов требует больших капиталовложений и внедрения в разработку новых дорогостоящих технологий. К другим факторам, которые определяют дальнейший рост потребления энергоресурсов и рост зависимости КНР от их импорта китайские эксперты⁴ относят рост жизненного уровня населения, поскольку по мере роста ВВП на душу населения резко увеличивается потребление энергии и энергоресурсов; растущую автомобилизацию страны, которая влечет за собой рост спроса на бензин и дизельное топливо; урбанизацию,

поскольку стремительный рост городского и дорожного строительства неминуемо влечет за собой рост потребления энергоресурсов.

Что касается собственно энергетической стратегии Китая, то следует отметить, что он придерживается «стратегического подхода» к вопросам нефтегазовой политики. Это означает, что обеспечение страны нефтяными и газовыми ресурсами рассматривается в первую очередь в ключе обеспечения национальной безопасности. Поэтому энергетическая политика и интересы КНР в энергетической сфере обеспечиваются комплексом внешнеполитических, дипломатических, военных и экономических мер, причем упор делается именно на внешнеполитические меры. Данный подход к энергетической политике проявляется в целом ряде конкретных мер, в частности в жестком государственном контроле над всем комплексом разведки, добычи, транспортировки, переработки и сбыта нефти и нефтепродуктов внутри страны, а также в строгой регламентации участия в этом процессе зарубежных нефтяных корпораций, которая касается уставного капитала крупнейших нефтяных компаний страны, условий лицензирования разведки и добычи нефти на территории Китая, привлечения иностранного капитала, реализации крупных инвестиционных проектов в сфере нефтедобычи и др. К тому же, «стратегический подход» к энергетической политике проявляется также в очевидной геополитической подоплеке крупномасштабных проектов с участием китайского капитала по добыче и транспортировке энергоресурсов в ряде стран, богатых энергоресурсами⁵.

Говоря об энергетической стратегии КНР следует также упомянуть ряд стратегических задач, которые страна ставит перед собой в области обеспечения энергетической безопасности. Во-первых, Китай стре-

³ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 721–723. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnyh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S.721-723].

⁴ Фан Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 62–64. [Fan Tintin. Energeticheskaiia politika Kitaia na sovremennom etape: monografiia / MGU im. M.V. Lomonosova, Fak. mirovoi politiki. - Moskva: MAKSS Press, 2012. - S. 62-64].

⁵ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 681–683. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnyh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S. 681-683].

мится не допустить утраты способности к самообеспечению энергетическими ресурсами и попадания в чрезмерную зависимость от международной рыночной конъюнктуры. Эта задача является частью стратегии «опоры на собственные силы» и подразумевает усиление геологической разведки и рациональное освоение уже разведанных энергетических ресурсов (в особенности нефти и газа), а также совершенствование структуры потребления энергоресурсов, повышение эффективности добычи и производства нефти для более эффективного обеспечения потребностей внутреннего рынка, повышение энергоэффективности и усиление экономии энергии и рационального использования энергоресурсов, внедрение новых энергосберегающих технологий, совершенствование структуры производства. Во-вторых, КНР работает в направлении создания дополнительных энергетических резервов, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста. Эта задача подразумевает создание стратегических нефтяных и газовых запасов, проведение стратегического энергетического планирования, привлечение капитала, инвестиций и технологий извне для улучшения качества разработки имеющихся месторождений и ряд других мер. В-третьих, Китай стремится обеспечить гарантии реализации своих национальных интересов и укрепления своих позиций на мировом энергетическом рынке. Данная задача подразумевает проведение дальнейшей реструктуризации и интернационализации крупных государственных нефтегазовых предприятий таким образом, чтобы повысить их конкурентоспособность на международных рынках, а также создание благоприятных условий для деятельности китайских нефтегазовых корпораций в других странах (в первую очередь странах Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока). Исходя из поставленных задач, Китай следующим образом определяет основные направления своей энергетической стратегии⁶:

– создание стратегических нефтяных запасов (создание пяти «стратегических энергетических баз государственного значения» в провинции Шаньси, впадине Эрдос, на востоке Внутренней Монголии, в СУАР и на юго-западе Китая для обеспечения экономики страны энергоресурсами в случае внезапных перебоев внешних поставок);

– повышение эффективности использования энергии (внедрение достижений научно-технического прогресса в производство энергии);

– дальнейшая разведка собственных нефтегазовых месторождений в рамках стратегии по «самообеспечению» энергоресурсами (основной упор делается на ускоренное освоение запасов нефти и газа; существует большой потенциал освоения еще не разведанных запасов угля; гидроресурсы страны используются лишь на 20%);

– энергосбережение и снижение энергопотребления (одно из основных направлений энергетической политики; подразумевает всемерное развитие энергосберегающих технологий и внедрение их в промышленное производство);

– изменение структуры промышленного производства (подразумевает ускоренное развитие высокотехнологичных производств);

– оптимизация структуры потребления энергетики и развитие возобновляемых источников энергии (замена традиционных энергоносителей, таких как уголь и нефть, на возобновляемые источники энергии; рефор-

GB/14029104.html; Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под редакцией А.В. Торкунова, науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 704; Ван Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 71–84, 98–103. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. – М.: МГИМО, 2007. – стр.704; Fan Tintin. Energeticheskaiia politika Kitaia na sovremennom etape: monografiia / MGU im. M.V. Lomonosova, Fak. mirovoi politiki. – Moskva: MAKSS Press, 2012. – S. 71–84, 98–103].

⁶ 中国能源中长期（2030、2050）发展战略研究报告》[«Стратегия развития энергетики Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу (до 2030 и 2050 гг.)»], Китай, 2011. – Режим доступа: <http://scitech.people.com.cn/>

мирование структуры потребления энергии таким образом, чтобы в ней доминировали отрасли новой энергетики);

- поощрение научно-технического прогресса в сфере энергетики (внедрение новых технологий в процесс производства энергии для повышения энергосбережения и эффективности использования энергоресурсов; поощрение фундаментальных исследований в отраслях, тесно связанных с энергетикой; стимулирование инноваций в области технологий обогащения угля, разведки месторождений нефти и пр.);

- диверсификация поставщиков нефти и газа (риски в области безопасности, связанные с импортом нефти и газа из традиционных стран-партнеров, таких как страны Ближнего Востока и Персидского залива, а также чрезмерная зависимость от этих стран, подталкивают Китай к поиску новых партнеров в других регионах, энергетическое сотрудничество с которыми будет связано с меньшими рисками и издержками);

- политика «выхода за рубеж» (одно из ключевых направлений энергетической дипломатии КНР, которое подразумевает не только импорт сырья и энергоресурсов из других стран, но и активное инвестирование в разведку и освоение нефтяных и газовых месторождений за рубежом);

- привлечение иностранных инвестиций (в основном в сферу добычи и переработки китайских энергоресурсов, а также в разработку месторождений на территории КНР);

- улучшение экологической обстановки (декларируется принятие мер по борьбе с изменениями климата и загрязнением окружающей среды, в том числе контроль за выбросами парниковых газов, осуществление строгого экологического контроля за реализацией экологических проектов, совершенствование существующих правовых норм, развитие «низкоуглеродной экономики» и т.д.).

В рамках своей энергетической стратегии Китай рассматривает страны Центральной Азии в качестве важных и перспективных энергетических партнеров, а развитие энергетического сотрудничества с этими странами – в качестве одного из ключевых направлений энергетической политики в отношении данного региона. Важное место,

которое страны Центральной Азии занимают в энергетической стратегии КНР, определяется целым рядом политических и экономических факторов.

Прежде всего, перспективность данного региона как источника энергоресурсов для китайской экономики обусловлена сложившейся международной обстановкой и рядом геополитических рисков, с которыми приходится сталкиваться Китаю в процессе импорта энергоресурсов из других регионов мира. В частности, сюда можно отнести постоянную напряженность на Ближнем Востоке (из которого Китай получает около 40% импортируемой нефти⁷) и доминирование США в данном регионе; географическую удаленность стран Латинской Америки и, как следствие, высокие транзакционные издержки, связанные с импортом нефти и газа из стран этого региона; политическая нестабильность во многих странах Африки (из которых Китай получает около 20% импортируемой нефти), и т.д. Все это предопределило необходимость диверсифицировать поставки энергоресурсов и сделало страны Центральной Азии наиболее «удобными» партнерами в глазах руководства КНР, в первую очередь в силу их геополитического положения (географической близости) и богатых запасов нефти и газа.

Во-вторых, поиск альтернативных маршрутов поставок энергоресурсов также является одной из стратегических целей КНР. Данная задача обусловлена существующей проблемой обеспечения безопасности ключевых морских транспортных маршрутов, и в первую очередь проблемой Малаккского пролива. Малаккский пролив имеет стратегическое геополитическое значение для КНР, поскольку через него осуществляется почти 80% внешней торговли Китая, и свыше 50% импортируемой в Китай нефти проходит именно по этому морскому маршруту. По мнению Китая, в данном регионе существует «дефицит безопасности», поскольку сохраняется угроза военной блокады

⁷ Томберг И. Новые реалии нефтяного рынка и энергетическая политика России / И. Томберг // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 4. – С. 132. [Tomberg I. Novye realii nefnjanogo rynka i energeticheskaia politika Rossii / I. Tomberg // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz. - 2004.- № 4. - S. 132].

Малаккского пролива со стороны некоторых государств региона (при поддержке США), а сам Китай не обладает достаточно мощными ВМС для обеспечения своих интересов⁸.

В-третьих, Китай уже имеет партнерские отношения со странами Центральной Азии на достаточно высоком уровне. Китай является ключевым экономическим игроком в регионе (помимо России), и он активно развивает экономическое сотрудничество с центральноазиатскими странами в таких сферах, как торговля, инвестиции, строительство объектов инфраструктуры, предоставление кредитов для экономического развития или реализации совместных проектов. Помимо этого, между странами региона и КНР имеются достаточно стабильные политические отношения, которые характеризуются сравнительно активным сотрудничеством, регулярным обменом визитами на официальном уровне, отсутствием существенных неурегулированных политических проблем, которые бы тормозили развитие отношений (таких, как территориальные споры). Более того, можно утверждать, что между Китаем и странами региона сложилась определенная взаимодополняемость экономических интересов: странам Центральной Азии необходимы китайские инвестиции для разработки своих месторождений нефти и газа, а также для развития соответствующих отраслей экономики; Китаю же нужны новые рынки сбыта для своей продукции, а также новые источники импорта энергоресурсов. К тому же, и КНР, и страны Центральной Азии (за исключением Туркменистана) являются членами Шанхайской организации сотрудничества, которая является важной многосторонней платформой для расширения сотрудничества и многостороннего развития отношений между Китаем и странами региона (в том числе и в области энергетики).

В-четвертых, Центральная Азия представляет собой сравнительно стабильный регион, в котором хоть и сохраняются определенные вызовы безопасности (связанные с деятельностью террористических группировок, непосредственной близостью политиче-

ски нестабильного Афганистана), однако на современном этапе эти факторы не являются серьезным препятствием для конструктивного развития отношений с Китаем. В первую очередь это обусловлено тем, что вышеупомянутые проблемы не носят столь острого характера, как в ряде других регионов мира, а также тем, что между Китаем и странами Центральной Азии существуют достаточно эффективные механизмы сотрудничества и координации усилий для борьбы с угрозами региональной безопасности (как, например, Региональная антитеррористическая структура ШОС). Большое значение имеет и тот факт, что среди представителей политических элит стран Центральной Азии нет открытого враждебного отношения к КНР, и во внешнеполитической риторике этих стран не встречаются открыто антикитайские заявления, в отличие от некоторых стран Восточной Азии и ЮВА.

К тому же, привлекательность центральноазиатских энергоресурсов для Китая определяется также тем, что экономическое и энергетическое сотрудничество с государствами Центральной Азии содействует программе развития северо-западных провинций Китая. Это сотрудничество способно обеспечить новые рабочие места в СУАР, что должно, по мнению китайских властей, способствовать стабилизации обстановки в регионе⁹.

Наконец, развитие энергетического сотрудничества и связей по целому ряду других направлений со странами Центральной Азии лежит в русле стратегии КНР по обеспечению себе мирного окружения. В этом контексте Китай видит расширение своего влияния на страны Центральной Азии в качестве одной из центральных геополитических целей в данном регионе.

Далее хотелось бы непосредственно рассмотреть конкретные аспекты энергетического сотрудничества между КНР и от-

⁸ 中国能源安全与中国北极战略定位 [Энергетическая безопасность и Арктическая стратегия Китая] / 李彤[Ли Син] // Aalborg University. – Denmark, 2010. – Р. 6.

⁹ Фан Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 132. [Fan Tintin. Energeticheskaja politika Kitaia na sovremennom etape: monografiia / MGU im. M.V. Lomonosova, Fak. mirovoi politiki. - Moskva: MAKSS Press, 2012. - S. 132].

дельными центральноазиатскими странами, в частности крупнейшие совместные проекты в области энергетики, а также общие моменты и характерные особенности политики КНР в отношении отдельных стран Центральной Азии.

МЕХАНИЗМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Для продвижения своих интересов в центральноазиатском регионе и для реализации поставленных в энергетической стратегии задач Китай использует целый набор экономических и политических инструментов и механизмов. Во-первых, поскольку Китай заинтересован в получении прямого доступа к энергоресурсам региона, то основной упор делается на «финансовые» инструменты: предоставление льготных кредитов, нередко либо целевых, либо долгосрочных, либо с возможностью оплачивать их экспортом товаров или энергоносителей; заключение межгосударственных долгосрочных контрактов через крупные государственные корпорации; покупка акций ключевых энергетических компаний в странах Центральной Азии (что фактически дает Китаю контроль над энергетическим сектором той или иной страны); приобретение прав на разработку нефтегазовых месторождений. Помимо вышеупомянутых механизмов Китай осуществляет сотрудничество со странами региона через механизмы «энергетической дипломатии», которые Китай применяет и в других регионах мира. Продвижение собственных интересов Китай осуществляет преимущественно посредством трех государственных нефтегазовых корпораций, которые являются основой энергетического сектора КНР и основными механизмами проведения ею своей энергетической политики. К этим трем корпорациям относятся Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation – CNPC), Китайская нефтехимическая корпорация (Sinopec) и Китайская национальная корпорация по добыче нефти на шельфе (China National Offshore Oil Corporation – CNOOC). Эти государственные корпорации не только контролируют почти всю добычу нефти и газа

на территории КНР, но и участвуют в добыче и разработке энергоресурсов в других государствах. Из вышеперечисленных корпораций наиболее активную деятельность в странах Центральной Азии ведет Китайская национальная нефтегазовая корпорация.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Переходя к рассмотрению конкретных аспектов практического энергетического сотрудничества, следует отметить, что Китай делает упор как на развитие двусторонних связей со странами региона, так и на развитие сотрудничества в рамках многосторонних региональных структур (в частности, ШОС). В целом, энергетическое сотрудничество со странами региона носит многоплановый характер и развивается по целому ряду направлений, таких, как совместная разработка месторождений; строительство трубопроводов; строительство электростанций; инвестирование Китаем в соответствующие отрасли промышленности стран Центральной Азии (в том числе и помощь в модернизации энергетических мощностей); предоставление китайской стороной льготных кредитов, а также технологий и оборудования, необходимых для ведения разработки и эксплуатации месторождений углеводородов и ряд других. При этом, на современном этапе Китай делает упор на два аспекта, а именно на строительстве нефте- и газопроводов, связывающих месторождения в странах Центральной Азии с западными районами КНР, и на получении прав на разработку месторождений углеводородов китайскими компаниями. Что же касается развития энергетического сотрудничества на двустороннем уровне, то китайское руководство основной упор делает на развитие отношений с обладающими богатыми запасами энергоресурсов Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, причем геополитически наиболее значимым энергетическим партнером Китая в Центральной Азии является Казахстан¹⁰. В то

¹⁰ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.:

же время уровень энергетического взаимодействия с Кыргызстаном и Таджикистаном намного ниже в силу ряда объективных причин (в частности, отсутствия значительных запасов нефти и газа).

КНР И КАЗАХСТАН

В энергетической стратегии КНР в отношении центральноазиатского региона в целом и энергетическом сотрудничестве с отдельными странами региона особенно выделяется Казахстан. По целому ряду параметров (географическое положение, ресурсный потенциал, динамика экономического развития, численность населения) Казахстан превосходит прочие центральноазиатские государства, и поэтому в глазах Китая углубление отношений именно с Казахстаном обладает существенным потенциалом и имеет стратегическое значение. На данный момент две страны ведут динамичное сотрудничество по довольно широкому спектру вопросов. В частности, стороны активно сотрудничают в решении проблем в области безопасности (борьба с деятельностью в Казахстане синьцзянских сепаратистов; развитие военного сотрудничества; проведение совместных военных учений в рамках РАТС ШОС и пр.) и политики (координация позиций по ключевым международным вопросам, урегулирование приграничных проблем и пр.). Однако самой приоритетной сферой двустороннего сотрудничества является экономика. Среди стран Центральной Азии Казахстан является ведущим торговым партнером Китая: объем торговли между двумя странами достиг 23,981 млрд долл. Доля Китая во общем товарообороте Казахстана составляет около 18% (17,86% экспорта и 18,39% импорта)¹¹. Помимо торговли стороны активно развивают приграничное сотрудничество, сотрудни-

чество в области строительства, развивается также межбанковское и инвестиционное сотрудничество (общий объем инвестиций КНР в Казахстане в 2012 г. составил 14 млрд долл., причем из них 12 млрд долл. приходилось на энергетический сектор¹²).

Ключевым аспектом экономического сотрудничества Китая и Казахстана является сотрудничество в области энергетики. Более того, страны являются стратегическими энергетическими партнерами, что объясняется рядом факторов. Во-первых, из всех стран Центральной Азии Казахстан обладает наибольшим экономическим потенциалом и наиболее стабильной экономической и внутривластной ситуацией. Во-вторых, важным фактором является непосредственная географическая близость двух стран и наличие протяженной общей границы, что существенно облегчает транспортировку энергоресурсов и снижает риски, связанные с транзитом энергоресурсов через третьи страны. В-третьих, стимулирует двустороннее энергетическое сотрудничество взаимодополняемость в сфере энергетики между Казахстаном и Синьцзян-Уйгурским автономным районом, который является одним из крупнейших регионов-производителей нефти и газа в КНР. Казахстан также является крупнейшим поставщиком нефти в КНР в центральноазиатском регионе, на него приходится примерно 4,42% всей импортируемой Китаем нефти¹³.

Далее хотелось бы рассмотреть основные энергетические проекты Китая и Казахстана. Одним из первых подобных проектов было строительство нефтепровода протяженностью 3 тыс. км, соединяющего Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая и каспийское побережье Казахстана.

МГИМО, 2007. – С. 683–684. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S. 683-684].

¹¹ Kazakhstan: Trade Statistics / Global Insights // GlobalEDGE. Michigan State University. – Mode of access: <http://globalede.msu.edu/countries/kazakhstan/tradestat>.

¹² Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 9. [Larin A.G. Kitaiskaia strategiiia «prodvizheniia na Zapad» i «novyi Shelkovyi put'» / A.G. Larin, V.A. Matveev // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2014. - №5. - S. 9].

¹³ Zhou Peng. China's Energy Import Dependency: Status and Strategies / P. Zhou // College of Economics and Management & Research Center for Soft Energy Science. – Nanjing, China, 2011. – P. 18.

Соглашение о строительстве данного нефтепровода было заключено в 1997 г. Общая стоимость проекта составляла 9,5 млрд. долл. В 2004 г. было завершено строительство первого участка на западе Казахстана; в 2006 г. был введен в эксплуатацию второй участок, который проходил от каспийского побережья через центральные регионы Казахстана и заканчивался в Китае; а в 2009 г. начал функционировать третий участок, который соединил первые два участка трубопровода.

Ключевым двусторонним энергетическим проектом можно считать нефтепровод Атасу-Алашанькоу, пропускная мощность которого составляет 20 млн тонн нефти в год¹⁴. Соглашение о строительстве этого нефтепровода было подписано в 1997 г., однако реализация проекта началась лишь в 2001 г. Первый участок нефтепровода (Атырау – Кенкияк) был введен в эксплуатацию в 2003 г. В 2004 г. было завершено строительство второго участка Атасу – Алашанькоу, а в 2009 г. был введен в эксплуатацию третий участок – Кенкияк – Кумколь – Атасу, который соединил первые два участка и там самым соединил месторождения в западной части Казахстана с китайский нефтеперерабатывающим заводом «Душаньцзы». Владелец нефтепровода является совместное предприятие «Казахстанско-китайский трубопровод», акциями которой владеют CNPC и «КазМунайГаз».

Еще одним значимым энергетическим проектом является участие Казахстана в изначально двустороннем проекте Туркменистана и Китая газопроводе «Центральная Азия – Китай». Участие Казахстана в данном проекте было согласовано в 2007 г., тогда же было заключено соглашение о строительстве казахского «ответвления» от газопровода Центральной Азии в Китай. Реализация данного проекта была завершена в 2010 г., и в настоящий момент Казахстан по этому газопроводу экспортирует в Китай до 10 млрд. кубометров газа в год, а также обеспечивает газом свои южные регионы.

¹⁴ Нефтепровод Казахстан-Китай // Официальный сайт компании АО НК «КазМунай-Газ». – Режим доступа: http://www.kmg.kz/manufacturing/oil/kazakhstan_china/.

Важным аспектом энергетического сотрудничества КНР и Казахстана является участие китайского капитала в разработке ряда месторождений на территории Казахстана, в частности Узгенского нефтяного месторождения, нефтегазового месторождения Узень, нефтяного месторождения Кенкияк, нефтяного месторождения Жанажол, нефтегазового месторождения Северные Бузачи. Китайские компании также владеют правом на разведку блоков Адайский, Атырауский, Бегайдар Восточно-Прикаспийский, Кольжан, Сазанкурк и Федоровский¹⁵.

Китайская сторона также владеет значительной частью акций крупных нефтедобывающих компаний, что позволяет ей фактически контролировать значительную часть энергетического сектора Казахстана. К примеру, Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) полностью контролирует компанию «Актобемунгаз», которая является второй в Казахстане по объемам добычи нефти. CNPC также владеет 50% акций компании «Мангистаумунгаз» и контрольным пакетом акций компании «PetroKazakhstan», а компания CNODC в том же году стала единственным акционером крупной нефтегазовой компании «Ай-дан мунай»¹⁶. В 2006 г. китайский фонд CITIS выкупил активы компании «Nations Energy» (обе эти компании ранее были канадскими). Благодаря систематическим действиям по установлению контроля над ключевыми нефтегазовыми компаниями Казахстана, к 2008 г. Китай фактически кон-

¹⁵ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 97–98. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – M.: IMEMO RAN, 2009. – S. 97–98].

¹⁶ Каукунов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы / А. Каукунов // Kazenergy. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>. [Kaukenov A. Kazhastansko-kitajskie `ekonomicheskie otnosheniya: mehanizmy i principy / A. Kaukenov // Kazenergy. – 2009. – № 2. – Mode of access: <<http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>>].

тролировал одну пятую часть объема добычи нефти в этой стране Центральной Азии¹⁷.

Несмотря на то, что нефтегазовое сотрудничество является основой энергетического сотрудничества Китая и Казахстана, страны достаточно активно развивают и сотрудничество в области электроэнергетики и атомной энергетики. Китайские компании China National Nuclear Corp. (CNNC) и China Guangdong Nuclear Power Corp. (CGNPC) участвуют в разработке трех урановых месторождений на территории Казахстана – Ирколь, Семизбай и Жалпак. В обмен на право китайских компаний участвовать в разработке этих месторождений, Казахстан получил право инвестировать в атомную энергетику КНР, а казахская компания «Казатомпром» получила право участвовать в строительстве АЭС на территории Китая¹⁸. Согласно договоренностям между двумя странами, уран из этих месторождений вывозится в КНР, где проходит его обогащение, и затем возвращается в Казахстан, где казахский Ульбинский металлургический завод производит урановые таблетки, используемые в атомных реакторах¹⁹. К тому же, в 2007 г. стороны заключили соглашение о расширении и углублении стратегического сотрудничества в области изготовления ядерного топлива для китайских АЭС, а также ресурсного снабжения атомной энергетики Китая²⁰. По условиям

данного соглашения Казахстан фактически является основным поставщиком ядерного топлива для китайской компании CGNPC.

Подводя итоги, можно констатировать, что энергетическое сотрудничество Казахстана и Китая носит стратегический характер и развивается по многим направлениям. Активное развитие различных аспектов энергетического сотрудничества (нефтегазового, электроэнергетического, атомного и др.) демонстрирует высокую заинтересованность сторон в дальнейшем углублении сотрудничества, которое имеет существенные выгоды для обеих сторон, в частности КНР получает нефть и газ на выгодных для себя условиях, а Казахстан получает возможность привлекать большие объемы китайского капитала для развития своей экономики. Поэтому в среднесрочной перспективе, скорее всего, будет сохраняться имеющаяся тенденция, а именно все более динамичное развитие двустороннего сотрудничества в области энергетики и дальнейшего закрепления Китая на казахском рынке в качестве ключевого экономического и энергетического партнера.

КНР И ТУРКМЕНИСТАН

Туркменистан является вторым ключевым энергетическим партнером Китая в регионе, а энергетика является наиболее приоритетной сферой двустороннего экономического сотрудничества. Туркменистан является крупнейшим среди стран Центральной Азии экспортером природного газа в Китай, на него приходится 4,3% всего импортируемого Китаем газа²¹.

Сотрудничество в области энергетики между КНР и Туркменистаном начало раз-

¹⁷ Мальшева Д. Б. Центральная Азия: узел мировой политики / Д. Б. Мальшева. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 54. [Malysheva D. B. Tsentral'noaziatskii uzel mirovoi politiki / D. B. Malysheva. - M.: IMEMO RAN, 2010. - S.54].

¹⁸ Ибрагимова Г. Атомная энергетика в Центральной Азии: есть ли перспективы? / Г. Ибрагимова // Индекс безопасности. – 2010. – № 4 (95). – Том 16. – С. 84–85. [Ibragimova G. Atomnaia energetika v Tsentral'noi Azii: est' li perspektivy? / G. Ibragimova // Indeks bezopasnosti. - 2010. - № 4 (95). - Tom 16. - S. 84-85].

¹⁹ Жуков С. В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С. В. Жуков, О. Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 116. [Zhukov S. V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S. V. Zhukov, O. B. Reznikova. - M.: IMEMO RAN, 2009. - S.116].

²⁰ Каукунов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы / А. Каукунов // Kazenergy. – 2009. –

№ 2. – Режим доступа: <http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.htm>. [Kaukenov A. Kazahstansko-kitaiskie ekonomicheskie otnosheniia: mehanizmy i printsipy / A. Kaukenov // Kazenergy. - 2009. - № 2. - Mode of access: <<http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>>].

²¹ Zhou Peng. China's Energy Import Dependency: Status and Strategies / P. Zhou // College of Economics and Management & Research Center for Soft Energy Science. – Nanjing, China, 2011. – P. 19.

виваться практически сразу же после распада Советского Союза. Одним из первых энергетических проектов был рассматривавшийся в 1990х гг. проект строительства газопровода Туркменистан – Китай – Япония до побережья Тихого океана протяженностью около 8 тыс. км и пропускной способностью около 30 млрд кубометров газа в год. Предполагалось, что данный трубопровод должен стать частью разветвленной сети газопроводов, связывающей Туркменистан, Казахстан и Узбекистан с Китаем, Японией и Южной Кореей²², вернее, он должен был связать туркменское газовое месторождение Даулетабат с восточноазиатскими странами-потребителями через территории Узбекистана и Казахстана. Однако данный проект так и не был реализован, поскольку он был признан слишком затратным, а инвестирование в него не окупалось ни для одной из сторон²³.

Одним из ключевых совместных проектов Китая и Туркменистана в области энергетики является газопровод «Центральная Азия – Китай». Данный газопровод изначально планировался как двусторонний проект КНР и Туркменистана, однако со временем превратился в обширную сеть трубопроводов связывающих Китай с основными производителями природного газа в регионе. Данный газопровод имеет протяженность 1800 км и соединяет газовые месторождения в Туркменистане с СУАР КНР через территории Узбекистана и Казахстана. В 2006 г. было подписано соглашение о строительстве этого трубопровода, само строительство началось в 2007 г., а в 2009 г. трубопровод был введен в эксплуатацию. Работы по проекту финансировались главным

образом китайской стороной за счет предоставления Туркменистану кредитов на несколько миллиардов долларов. Эти кредиты вкладывались в разработку месторождения Южный Иолотань – Осман и в строительство трубопровода, и при этом выплачивались за счет поставок газа. Основной объем работы выполняла CNPC совместно с туркменскими компаниями и компаниями транзитных государств. При этом следует отметить, что соглашение о реализации данного проекта носит стратегический характер, поскольку, с одной стороны, оно подразумевает заключение долгосрочного контракта на закупку природного газа, по которому Китай в течение 30 лет будет импортировать из Туркменистана 30 млрд кубометров газа в год; а с другой стороны, носит и элементы политического партнерства, так как подразумевает оказание Китаем помощи в развитии инфраструктуры и решении разного рода дипломатических вопросов, которые могли возникнуть между Туркменистаном, Казахстаном и Узбекистаном при строительстве газопровода²⁴. В 2010 г. Китай заключил соглашения с Казахстаном и Узбекистаном о соединении газопровода «Центральная Азия – Китай» с энергетическими и трубопроводными системами этих двух стран, и таким образом обеспечил транспортировку через этот газопровод природного газа и из Казахстана и Узбекистана. Объем казахского и узбекского газа, импортируемого по данному газопроводу, достигает 10 млрд кубометров в год. К тому же, существуют и проекты по расширению сети газопровода «Центральная Азия – Китай». В частности, к концу 2015 г. планируется увеличить объем поставляемого по газопроводу природного газа до 60 млрд кубометров в год. Также планируется строительство четырех «ответвлений» от основного газопровода: через территории Туркменистана, Казахстана, Узбекистана; через северные части Тад-

²² Центральная Азия в системе международных отношений: сб. науч. статей / Ин-т востоковедения РАН; РАЕН. – Москва, 2004. – С. 92. [Tsentrāl'naiia Aziia v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenii: sb. nauch. statei / In-t vostokovedeniia RAN; RAEN. – Moskva, 2004. – S.92].

²³ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 108. [Zhukov S.V. Tsentrāl'naiia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiakh globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – M.: IMEMO RAN, 2009. – S.108].

²⁴ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / А. Петерсен, К. Барыш; Центр европейских реформ; Московский Центр Карнеги. – М., 2012. – С. 58. [Petersen A. Rossiia, Kitai i energeticheskaiia geopolitika v Tsentrāl'noi Azii / A. Petersen, K. Barysh; Tsentr evropeiskih reform; Moskovskii Tsentr Karnegi. – M., 2012. – S.58].

жикистана и Афганистана; через Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан; и через территорию самого Туркменистана до Каспийского моря²⁵.

Помимо реализации крупных совместных проектов, двустороннее энергетическое сотрудничество подразумевает участие китайского капитала в разработке и эксплуатации туркменских нефтегазовых месторождений. В этом отношении следует подчеркнуть, что Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) фактически является единственной иностранной компанией, которая обладает правом разрабатывать газовые ресурсы Туркменистана, не относящиеся к шельфовым месторождениям, после того, как в 2007 г. КНР и Туркменистан подписали Соглашение о разделе продукции нескольких газовых месторождений Багтыярлык. CNPC также участвует в разработке нефтегазового месторождения Котурдепе и газового месторождения Гунорта Йолотень²⁶.

Важным аспектом двустороннего энергетического сотрудничества является и инвестирование КНР в развитие энергетического сектора Туркменистана, а также предоставление Китаем довольно выгодных кредитов, нацеленных на развитие необходимой инфраструктуры, разработку месторождений, модернизацию соответствующих технологий и т.п. Если же говорить о конкретных примерах инвестиционного сотрудничества, то можно назвать следующие крупные китайские финансовые вложения. В 2003 г. Китай предоставил Туркменистану беспроцентный кредит в размере 3,6 млн долл. со сроком погашения 20 лет. В 2005 г. Китай предоставил Туркменистану кредит на схожих условиях в размере 24 млн долл. В 2007 г., после подписания соглашения о строительстве газопровода «Центральная Азия – Китай», КНР предоставила Туркменистану льготный кре-

дит на закупку необходимого оборудования (буровых установок и пр.), а в 2009 г. – кредит в размере 4 млрд долл. для разработки газового месторождения Южный Иолотань. В 2011 г. Государственный банк развития Китая предоставил туркменской компании «Туркменгаз» еще один кредит сроком на 10 лет в размере 4,1 млрд долл. Следует также отметить, что с 1998 г. Китай инвестирует средства в модернизацию нефтедобывающей промышленности Туркменистана. Инвестиции в основном имеют форму связанных кредитов, за счет которых КНР поставляет буровое и подъемное нефтяное оборудование²⁷.

В целом, можно судить, что энергетическое сотрудничество с Туркменистаном носит разносторонний и многоплановый характер и имеет стратегическое значение для КНР. Туркменистан является вторым ключевым энергетическим партнером КНР в регионе Центральной Азии, и крупнейшим поставщиком природного газа на китайский рынок. Более того, Китай превращается в ключевого энергетического партнера Туркменистана, постепенно оттесняя двух других крупных партнеров страны – Россию и Иран, что все больше укрепляет экономические (а через них и политические) позиции КНР в этой стране. Более того, среди экспертов существует мнение, что Китай столь стремительно укрепляет свои позиции в туркменской экономике, что в краткосрочной перспективе Туркменистан может сменить полную зависимость от российского рынка сбыта на преобладающую зависимость от китайского рынка²⁸.

²⁵ Petersen, Alexandros. Central Asia's New Energy Giant: China / A. Petersen // China In Central Asia. – 2013. – Mode of access: <http://chinaincentralasia.com/2013/06/29/central-asias-new-energy-giant-china/>.

²⁶ 中国石油在土库曼斯坦 [CNPC в Туркменистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. – Режим доступа: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Turkmenistan/country_index.shtml.

²⁷ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМОРАН, 2009. – С.104. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. - M.: IMEMO RAN, 2009. - S.104].

²⁸ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / А. Петерсен, К. Барыш; Центр европейских реформ; Московский Центр Карнеги. – М., 2012. – С.10. [Petersen A. Rossiia, Kitai i energeticheskaiia geopolitika v Tsentral'noi Azii / A. Petersen, K. Barysh; Tsentr evropeiskih reform; Moskovskii Tsentr Karnegi. - M., 2012. - S.10].

КНР И УЗБЕКИСТАН

Что касается Узбекистана, то в отношении этой центральноазиатской республики Китай занимает несколько двойственные позиции. С одной стороны, в политике КНР в отношении Узбекистана можно наблюдать некоторое «дистанцирование», проявляющееся в большей осторожности при реализации совместных проектов. Такая позиция связана с рядом внешнеполитических установок Узбекистана, таких как напряженные отношения Узбекистана с Россией и рядом региональных интеграционных группировок, в которых Россия играет ключевую роль (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС), а также его нежелание активно участвовать в поддерживаемых Россией региональных инициативах (как например Таможенный союз). К факторам, осложняющим китайско-узбекское сотрудничество, можно также отнести претензии Узбекистана своего рода региональное лидерство, непростые отношения Узбекистана с соседним Таджикистаном, что во многом обусловлено поддерживаемой узбекским руководством концепцией «Большого Узбекистана» (подразумевающей создание государственного образования узбекского народа, которое сплотило бы и другие народы постсоветских стран на основе исламских ценностей). Наряду с этой «альтернативной концепцией государственности», которой придерживается правящая элита в Узбекистане, существенно осложняет отношения КНР с этой страной Центральной Азии также исламский фактор. С одной стороны, беспокойство Китая вызывает активная исламизация Узбекистана; с другой стороны, все большую проблему представляет распространение в этой стране радикального ислама и активизация исламистских группировок, которые поддерживают идею создания «Восточного Туркестана». Эти тенденции могут отрицательно сказаться на ситуации в области безопасности и на политической стабильности в СУАР КНР. Все вышеперечисленные факторы способствуют осложнению обстановки в регионе и созданию проблем в области безопасности, что как бы «отталкивает» Китай и вынуждает его проводить более осторожную политику в отношении Узбекистана. Однако

существует и ряд факторов, которые положительно действуют на развитие китайско-узбекских отношений, в частности реальная угроза исламского экстремизма, в борьбе с которой странам приходится сотрудничать, наличие в Узбекистане населения, имеющего общие корни с народами Синьцзяна²⁹, а также большой потенциал для двустороннего экономического сотрудничества.

Как раз большие возможности для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества, вместе немалым экономическим потенциалом Узбекистана и значительными запасами углеводородов в этой стране, и предопределили стремление Китая к налаживанию конструктивных отношений с Узбекистаном и к укреплению своих позиций на узбекском рынке.

Как и в случае с другими странами Центральной Азии, обладающими богатыми запасами углеводородов, в экономических отношениях с Узбекистаном Китай основной упор делает на развитие сотрудничества в области энергетики. Несмотря на то, что Узбекистан обладает меньшим энергетическим потенциалом, чем Казахстан или Туркменистан, энергетическое сотрудничество с КНР развивается активно и по многим направлениям.

Одной из главных сфер двустороннего энергетического сотрудничества является совместная разработка газовых и нефтяных месторождений на территории Узбекистана. В целом можно сказать, что сотрудничество по разработке месторождений ведется по двум направлениям. С одной стороны, оно подразумевает доработку «тяжелых» месторождений с низкой отдачей, на которых длительное время велась разработка ресурсов. Примером такого сотрудничества является совместная разработка небольших «старых» нефтяных месторождений в Ферганской до-

²⁹ Китай в мировой политике / редкол.: А.В. Торкунов (отв. ред.), А.Ю. Мельвиль, М.М. Наринский; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; вступ. ст. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 330. [Kitai v mirovoi politike / redkol.: A.V. Torkunov (otv. red.), A.Iu. Mel'vil', M.M. Narinskii; отв. red.-sost. A.D. Voskresenskii; vstup. st. A.V. Torkunova; MGIMO(U) MID Rossii. - M.: ROSSPEN, 2001. - S. 330].

лине (в Ферганской, Наманганской и Андижанской областях). С другой стороны, страны ведут совместную разработку месторождений со сложными геологическими условиями. При таком виде разработки узбекские компании перенимают технологии, оборудование и опыт работы с подобными месторождениями от китайских корпораций. В качестве примера такого сотрудничества можно назвать разработку 23 нефтяных месторождений Бухарско-Хивинском районе и на Усть-Юртском плато³⁰. Также можно привести и другие примеры прямого участия китайского капитала в разработке узбекских нефтегазовых ресурсов. В частности, в 2004 г. китайская компания «Ту-На» получила право на восстановление и разработку крупного газового месторождения Газли, а Китайская корпорация нефтяных технологий и развития (China Petroleum Technology & Development Corporation – CPTDC) в первой половине 2000-х гг. вложила около 70 млн долл. в модернизацию 10 нефтяных буровых платформ на территории Узбекистана. Китайские компании также участвуют в разработке нефтяного месторождения Мингбулак в Наманганской области. К тому же, китайские компании в настоящее время ведут работы по освоению нефтегазовых месторождений на северо-западе Узбекистана, на шельфе Аральского моря. При этом, работы на узбекском шельфе Аральского моря ведутся китайскими компаниями с 2006 г. в составе международного консорциума, в который помимо CNPC, вошли также узбекская компания «Узбекнефтегаз», российская компания «Лукойл», южнокорейская Национальная нефтяная корпорация и малайская компания «Petronas»³¹.

³⁰ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 103–104. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 103–104].

³¹ 对中亚三国油气合作现状及分析 [Нынешнее состояние и анализ нефтегазового сотрудничества с тремя странами Центральной Азии] / 王越、王楠、张静 [Ван Юэ, Ван Нань, Чжан Цзин] // 中亚研究网 [Исследовательский портал по Центральной Азии]. – 2009. – Режим доступа: <http://euroasia.cass.cn/news/405653.htm>.

Помимо совместной разработки нефтегазовых месторождений, Китай и Узбекистан имеют и ряд других крупных совместных энергетических проектов. Среди основных можно назвать строительство участка газопровода «Центральная Азия – Китай», который проходит по территории Узбекистана, и поставки Узбекистаном газа в Китай по этому трубопроводу. Соглашение по подключению Узбекистана к изначально китайско-туркменскому проекту газопровода было подписано в 2010 г. Китайский капитал также участвует в строительстве установки по производству сжиженного газа на Мубарекском газоперерабатывающем заводе, расположенном в г. Мубарек (Кашкадарьинская область)³².

Важную роль для стимулирования развития энергетического сотрудничества двух стран играет инвестиционное сотрудничество. Инвестиционное сотрудничество в основном имеет форму предоставления Китаем целевых кредитов, которые используются для получения китайских товаров и услуг. Сотрудничество в таком формате осуществляется преимущественно на основе двух соглашений: Рамочного соглашения между CNPC и компанией «Узбекнефтегаз» о развитии сотрудничества от 2004 г. и Соглашения между Экспортно-импортным банком Китая и Национальным банком Узбекистана внешнеэкономической деятельности от 2005 г. Второе соглашение имеет ключевое значение для продвижения китайских инвестиций в нефтегазовый сектор, поскольку его действие распространяется на многие отрасли экономики Узбекистана, в том числе и на энергетическую³³. Объем инвестиций КНР в экономику Узбекистана в 2012 г. составил более 4 млрд. долл., причем основная

³² 中国石油在乌兹别克斯坦 [CNPC в Узбекистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. – Режим доступа: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Uzbekistan/country_index.shtml.

³³ Адясов И. Россия – Китай: анализ ошибок Центральной Азии / И. Адясов // OSTKRAFT – Восточное агентство. – 13.03.2015. – Режим доступа: <http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>. [Adiasov I. Rossiia - Kitai: analiz oshibok Tsentral'noi Azii / I. Adiasov // OSTKRAFT - Vostochnoe agentstvo. - 13.03.2015. - Mode of access: <<http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>>].

часть этих средств (более 50%) была вложена в ТЭК и разработку месторождений природных ресурсов.

Таким образом, можно наблюдать тенденцию к активному развитию и углублению сотрудничества в области энергетики между КНР и Узбекистаном. Более того, сотрудничество будет лишь углубляться, а позиции Китая в экономике Узбекистана вместе с его политическим влиянием будут укрепляться. Об этом свидетельствует тот факт, что на современном этапе основной объем экспортируемого Узбекистаном газа ориентирован на китайский рынок, а сам Китай превращается в основного энергетического партнера этой центральноазиатской страны. Однако существует и иная точка зрения, заключающаяся в том, что в отношениях между КНР и Узбекистаном достаточно много проблем, и уровень напряженности и недоверия существенно выше, чем в случае других стран Центральной Азии, и это, в свою очередь, в будущем будет препятствовать более активному развитию сотрудничества в энергетической сфере.

КНР И КЫРГЫЗСТАН

В отношениях Китая и Кыргызстана энергетическое сотрудничество не играет центральной роли. С одной стороны, еще с первой половины 1990-х гг. вопросы безопасности, и в особенности борьбы с исламским радикализмом и экстремизмом, занимали центральное место в отношениях двух государств. Несмотря на существенное изменение геополитической обстановки в регионе за последние 25 лет, вопросы безопасности, борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом, борьба с трансграничной преступностью и наркотрафиком по-прежнему имеют приоритетное значение³⁴ в повестке дня КНР в отношении Киргизии. С другой стороны, второстепенное значение энергетического сотрудничества в двусторонних отношениях обусловлено до-

вольно скудными природными ресурсами Киргизии, которая, в отличие от Казахстана или Туркменистана, не является одним из крупных экспортеров энергоресурсов в регионе. В Кыргызстане ведется добыча углеводородов, однако годовые объемы добычи нефти не превышают 100 тыс. тонн³⁵, что не представляет серьезного интереса для Китая и объективно не способствует развитию энергетического сотрудничества.

Тем не менее, нельзя утверждать, что Кыргызстан не представляет серьезного экономического интереса для Китая. С начала 2000-х активно развивается торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами. Более того, Китай является крупнейшим торговым партнером Кыргызстана, который импортирует из КНР широкий ассортимент промышленной и иной продукции. Торговля, являясь основой экономических отношений двух стран, выгодна как КНР, так и Киргизии, поскольку для Китая Киргизия является одним из основных рынков сбыта для китайской продукции, а Киргизия получает достаточно большую прибыль за счет реэкспорта дешевой китайской продукции в другие страны Центральной Азии. Важным аспектом экономического сотрудничества двух стран является и приграничная торговля, а именно развитие торговли между Кыргызстаном и Сынцзян-Уйгурским автономным районом (товарооборот с СУАР составляет 80% всего объема двусторонних торговых отношений³⁶).

Несмотря на то, что энергетика не является краеугольным камнем отношений Китая и Кыргызстана, энергетическое сотрудничество имеет место, в том числе и в нефтегазовой сфере. В частности, в 2002 г. Китай и Кыргызстан подписали соглашение о сотруд-

³⁴ Центральная Азия в системе международных отношений: сб. науч. статей / Ин-т востоковедения РАН; РАН. – Москва, 2004. – с. 86. [Tsentrāl'naia Aziia v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenii: sb. nauch. statei / In-t vostokovedeniia RAN; RAEN. – Moskva, 2004. – S. 86].

³⁵ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 102. [Zhukov S.V. Tsentrāl'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – M.: IMEMO RAN, 2009. – S.102].

³⁶ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики / Д.Б. Малышева. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 55. [Malysheva D.B. Tsentrāl'noaziatskii uzel mirovoi politiki / D.B. Malysheva. – M.: IMEMO RAN, 2010. – S.55].

ничестве по разработке нефтегазовых месторождений, расположенных в южной части Кыргызстана. К тому же, в 2014 г. китайская сторона получила право на участие в разработке месторождений Майлуу-Суу 4, Восточный Избаскент, Чангыр-Таш и Чыйырчык. К тому же, Китай активно участвует в строительстве газопровода «Кыргызстан – Китай», который фактически является ответвлением газопровода «Центральная Азия – Китай» (т.н. «четвертой веткой» газопровода, которая должна пролегать по маршруту Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Кыргызстан – Китай). Общая протяженность этого участка газопровода составит 215 км, а его пропускная способность – около 30 млрд кубометров газа в год³⁷. Соглашение о строительстве газопровода «Кыргызстан – Китай» было подписано в 2013 г., и ожидается, что строительство начнется в конце 2015 г. В реализацию этого проекта Китай уже вложил около 1,4 млрд долл.

Несмотря на низкий уровень сотрудничества в нефтегазовой области, Кыргызстан обладает богатыми гидроресурсами, что создает возможности для развития сотрудничества в области гидроэнергетики, строительства ГЭС и производства электроэнергии. Фактически, сотрудничество в области производства и транспортировки электроэнергии является ключевым аспектом энергетического сотрудничества КНР и Кыргызстана. Сотрудничество в данной области имеет большое значение для Китая, поскольку быстро растущая китайская экономика сталкивается не только с нехваткой непосредственно энергоресурсов, но и электроэнергии, что создает проблему для развития промышленности в западных районах КНР. Для решения этой проблемы помимо увеличения импорта энергоресурсов и строительства новых электростанций, Китай налаживает сотрудничество в об-

ласти транспортировки электроэнергии из государств, которые не сталкиваются с проблемой нехватки электроэнергии. В данном контексте большой упор делается на импорт электроэнергии из соседних государств, в том числе и из Киргизии. С 2004 г. Кыргызстан экспортирует электроэнергию в Китай через пограничные пункты Торугарт и Иркештам по линиям электропередач. Объем поставок электроэнергии составляют около 1 млн кВт/час в год.

К тому же, Китай и Кыргызстан ведут сотрудничество в области строительства новых электростанций. В частности, в 2006 г. стороны подписали Протокол о намерениях по долгосрочному сотрудничеству между Государственной электросетевой компанией Китая и киргизскими компаниями ОАО «Электрические станции» и ОАО «Национальные электрические сети Кыргызстана». Этот документ подразумевает сотрудничество в сфере строительства и реконструкции электросетей и электростанций³⁸.

Немаловажную роль для стимулирования развития сотрудничества в области энергетики играют китайские инвестиции и кредиты. В частности, в 2013 г. объем предоставленных Китаем кредитов превысил 3 млрд долл.³⁹, причем большая часть этих кредитов шла на реализацию энергетических и инфраструктурных проектов. Основная часть китайских инвестиций в энергетический комплекс Кыргызстана была вложена в реализацию проекта строительства газопровода «Кыргызстан – Китай», о чем уже говорилось ранее.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на слабую ресурсную базу Кыргызстана и достаточно низкий уровень энергетического сотрудничества (по сравнению с другими странами Центральной Азии) на

³⁷ Лазуткина М.В Киргизии благодаря КНР будет построен самый длинный и современный газопровод // News Asia – Центральноазиатский информационный портал. 05.02.2015. – Режим доступа: <http://www.news-asia.ru/view/ch/7899>. [Lazutkina M.V Kirgizii blagodaria KNR budet postroen samyi dlinnyi i sovremennyy gazoprovod // News Asia - Tsentral'noaziatskii informatsionnyi portal. 05.02.2015. - Mode of access: <<http://www.news-asia.ru/view/ch/7899>>].

³⁸ 中国将从周边国家引进电力 [Китай будет импортировать электроэнергию из сопредельных государств] / 安倍 [Ань Бэй] // 新浪 [Информационный портал «Sina»]. – 15.06.2006. – Режим доступа: <http://finance.sina.com.cn/chanjing/b/20060615/20412655203.shtml>.

³⁹ Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 9. [Larin A.G. Kitaiskaia strategiiia «prodvizheniia na Zapad» i «novyi Shelkovyi put'» / A.G. Larin, V.A. Matveev // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2014. - №5. - S. 9].

современном этапе, существует основа для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в области энергетики. Более того, сотрудничество в этой области имеет довольно широкие перспективы для дальнейшего развития, и в среднесрочной перспективе будет наблюдаться активизация деятельности КНР в энергетическом секторе Кыргызстана. Для самого Кыргызстана дальнейшее развитие энергетического сотрудничества с Китаем будет приносить существенные дивиденды, поскольку будет способствовать притоку китайских инвестиций в перспективные секторы кыргызской экономики, создаст возможность получить от КНР соответствующие технологии и будет стимулировать развитие таких отраслей, как гидроэнергетика и электроэнергетика.

КНР И ТАДЖИКИСТАН

На современном этапе довольно трудно говорить о развитии энергетического сотрудничества между Китаем и Таджикистаном, поскольку Таджикистан практически не обладает собственными энергоресурсами и сотрудничество в области энергетики не имеет большого потенциала для развития. Это, разумеется, не означает, что Китай не заинтересован в развитии экономических связей с этой центральноазиатской республикой. Подтверждением тому является активное развитие двустороннего экономического сотрудничества по целому ряду других направлений, таких как торговля, транспорт, коммуникации, строительство объектов инфраструктуры, разработка месторождений минеральных ресурсов и пр.

Тем не менее, следует отметить, что существенные перспективы имеет сотрудничество в области электроэнергетики между КНР и Таджикистаном. Уже на современном этапе Китай участвует в реализации ряда совместных проектов в области гидроэнергетики в Таджикистане. Примером этого сотрудничества может служить участие китайской компании «Sinohydro» в строительстве Зеравшанской ГЭС на р. Зеравшан, в северных районах Таджикистана (соглашение между сторонами о строительстве Зеравшанской ГЭС было подписано в 2007 г.). Мощность Зеравшанской ГЭС должна со-

ставлять 150 МВт, а общая стоимость проекта составляет около 260 млн долл.⁴⁰. К тому же, существенный потенциал имеет развитие сотрудничества КНР с Таджикистаном в области экспорта электроэнергии. Китайской стороной уже рассматривались проекты строительства линий электропередач (мощностью до 500 кВт), по которым бы электроэнергия экспортировалась из Таджикистана в сопредельные районы КНР⁴¹.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

При рассмотрении энергетической стратегии Китая в отношении региона Центральной Азии нельзя не упомянуть об одном из ключевых и наиболее масштабных китайских экономических проектов, непосредственно затрагивающих рассматриваемый регион, а именно о проекте «Экономического пояса Великого шелкового пути». Инициатива создания «Экономического пояса Великого шелкового пути» была впервые выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в ходе его визита в страны Центральной Азии в 2013 г.⁴² На современном этапе этот проект рассматривается как часть концепции «Одного пояса и одного

⁴⁰ Россия и Китай в Центральной Азии: конкуренция или сотрудничество? // Фонд Стратегической Культуры. – 2008. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2008/05/28/8826-8826.html>. [Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: konkurentsia ili sotrudnichestvo? // Fond Strategicheskoi Kul'tury. - 2008. - Mode of access: <<http://www.fondsk.ru/news/2008/05/28/8826-8826.html>>].

⁴¹ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 117. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. - M.: IMEMO RAN, 2009. - S.117].

⁴²习近平主席访问中亚四国和共建“丝绸之路经济带” [Председатель КНР Си Цзиньпин совершил визит в 4 страны Центральной Азии и объявил о совместном строительстве «Экономического пояса Великого шелкового пути»] / 王晔摄 [Ван Ешэ] // 新华网 [Информационное агентство «Синьхуа»]. – 13.09.2013. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/13/c_117349709.htm.

пути», которая объединяет проекты «Экономического пояса Великого шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21 века». Главная идея этого проекта заключается в развитии между странами, участвующими в его реализации, «пяти связующих элементов», а именно политической согласованности, единой инфраструктуры, торговых связей, валютно-финансовых потоков и гуманитарного сотрудничества⁴³. К основным конкретным направлениям создания «Экономического пояса Великого шелкового пути» можно отнести: развитие региональной экономической интеграции при структурирующей роли Китая и максимальном соответствии его национальным интересам; развитие транспортных коммуникаций и создание единой транспортной сети, которая бы фактически соединяла противоположные части евразийского континента (от Тихого океана до Балтийского моря); увеличение объемов торговли и инвестиций; упразднение торговых барьеров; переход на расчеты в национальных валютах и др. Немаловажным направлением реализации данного проекта является и развитие сотрудничества в сфере энергетики, подразумевающее в том числе и строительство сети новых трубопроводов между КНР и странами Центральной Азии. В качестве примера уже реализованного энергетического проекта, относящегося к «Экономическому поясу Великого шелкового пути», можно назвать строительство нефтепровода «Казахстан – Китай», общей протяженностью 962 км⁴⁴. Фактически же проект «Экономического пояса Великого

шелкового пути» представляет собой ряд мер, нацеленных на дальнейшую активизацию внешнеэкономической деятельности Китая (вернее «экономическую экспансию») во многих регионах Евразии, в том числе и в Центральной Азии.

Причиной выдвижения подобного проекта является, помимо прочих факторов, и постоянно растущая потребность китайской экономики в импорте энергоресурсов и промышленного сырья, а также необходимость расширения экспорта и связанная с этим необходимость поиска новых рынков сбыта для китайской продукции⁴⁵. Таким образом, реализация проекта «Одного пояса и одного пути», и в частности «Экономического пояса Великого шелкового пути», напрямую затрагивает и страны Центральной Азии, которые, как уже ранее отмечалось, являются с не только важными энергетическими и торговыми партнерами Китая, но и транзитными государствами, через которые осуществляется экспорт китайских товаров в страны Европы. Подтверждением тому является и тот факт, что проект «Одного пояса и одного пути» подразумевает наличие трех маршрутов, два из которых проходят через страны Центральной Азии: первый маршрут пролегает из КНР через Центральную Азию и Россию в Европу; второй маршрут – из КНР в Центральную Азию и Западную Азию. Более того, китайское руководство неоднократно подчеркивало стратегическое значение развития сотрудничества со странами центральноазиатского региона в контексте реализации проектов экономического развития «западных провинций» КНР, и в первую очередь Синьцзян-Уйгурского автономного района. Развитие стран Центральной Азии способствовало бы стабилизации социально-политической обстановки в СУАР и росту его экономического потенциала, а также замедлению темпов распространения радикального ислама в регионе⁴⁶.

⁴³ Ли Хуэй. Один пояс и три маршрута / Х. Ли // 中国风 [Дыхание Китая]. – 2015. – № 64. – С. 26. [Li Hui. Odin poias i tri marshruta / H. Li // 中国风 [Dyhanie Kitaia]. – 2015. – № 64. – С. 26].

⁴⁴ Новый «Шелковый путь» – мощный двигатель торгово-экономического развития государств-членов ШОС // Региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества. – 2015. – Режим доступа: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=322&a_no=33790 [Novyi «Shelkovyi put'» - moshchnyi dvigatel' torгово-ekonomicheskogo razvitiia gosudarstv-chlenov ShOS // Regional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo Shanhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. - 2015. - Mode of access: <http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=322&a_no=33790>].

⁴⁵ Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 7. [Larin A.G. Kitaikaia strategiiia «prodvizheniia na Zapad» i «novyi Shelkovyi put'» / A.G. Larin, V.A. Matveev // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2014. - №5. - С.7].

⁴⁶ Умаров А.А. Стратегические инициативы США и Китая в Центральной Азии / А.А. Умаров //

Таким образом, реализация проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути» может принести Китаю огромные экономические и геополитические дивиденды. К таковым можно отнести дальнейшее расширение экономического и политического влияния Китая в соседних регионах (включая и Центральную Азию); создание стабильных маршрутов поставок как для экспортируемой китайской продукции, так и для импортируемых в Китай товаров (в том числе и энергоносителей); увеличение китайского экспорта в страны Азии и Европы; увеличение объемов инвестиционного сотрудничества; развитие инфраструктуры в западных провинциях КНР и др. К тому же отмечается, что реализация проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути» будет способствовать дальнейшей диверсификации поставок энергоносителей в Китай⁴⁷. К тому же, включение огромной центральноазиатской зоны в сферу, прежде всего, экономического, а затем и военно-политического влияния Китая, наряду с китайским экономическим фактором, включая экономические аспекты энергетического сотрудничества, будут играть ключевую роль в регионе Центральной Азии и выступать инструментом обеспечения геополитических интересов Китая.

* * *

Таким образом, можно отметить, что на современном этапе энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии активно развивается и носит многоплановый характер. Более того, существуют значительные положительные перспективы дальнейшего развития энергетического со-

трудничества. В частности, в среднесрочной перспективе КНР продолжит укреплять свои экономические и политические позиции в Центральной Азии, что приведет к дальнейшему росту зависимости центральноазиатских экономик от Китая. Эти факторы делают энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии все более выгодным для китайской стороны. Кроме того, в последующие годы будет наблюдаться развитие и новых сфер энергетического сотрудничества между сторонами, таких как гидроэнергетика (с Кыргызстаном), атомная энергетика (с Узбекистаном и Казахстаном), электроэнергетика (с Кыргызстаном и Таджикистаном) и др.

При этом, несмотря на наличие положительных прогнозов и активное развитие сотрудничества на современном этапе, сохраняется и ряд негативных факторов, которые способны препятствовать активному развитию сотрудничества в области энергетики в регионе. К таковым можно отнести постепенный рост «анти-китайских» настроений в странах Центральной Азии; политическую нестабильность многих стран региона и их сложные отношения между собой; проблемы региональной безопасности; усиление влияния некоторых внешних игроков в регионе (таких как Россия, США, Иран, в меньшей степени – Турция, ЕС, Индия, некоторые арабские страны). Эти негативные тенденции в различной степени способны представлять угрозу для китайских интересов и его экономических позиций в Центральной Азии, а также для развития выгодного КНР энергетического сотрудничества со странами региона.

Сравнительная политика. – 2015. – № 1(18). – С. 134–135. [Umarov A.A. Strategicheskie initsiativy SShA i Kitaia v Tsentral'noi Azii / A.A. Umarov // Sravnitel'naia politika. - 2015. - № 1(18). - S. 134-135].

⁴⁷ Полурос Т. Россия вступила на Шелковый путь. В 2015 году будет разработан подробный стратегический план создания Экономического пояса шелкового пути / Т. Полурос // 中国风 [Дыхание Китая]. – 2015. – № 64. – С. 31. [Poluros T. Rossiia vstupila na Shelkovyi put'. V 2015 godu budet razrabotan podrobnyi strategicheskii plan sozdaniia Ekonomicheskogo poiasa shelkovogo puti / T. Poluros // 中国风 [Dyhanie Kitaia]. - 2015. - № 64. - S. 31].

Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии

Мина Поштитч, выпускница магистратуры «Зарубежное регионоведение», МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу влияния энергетического фактора на формулирование политической и экономической стратегии Китая в отношении региона Центральной Азии. Исходя из этого, в данной статье подробно рассматривается энергетическая стратегия Китая в отношении данного региона, а именно ее ключевые принципы, задачи, цели и механизмы. Помимо этого в статье рассматриваются конкретные направления энергетического сотрудничества между КНР и пятью государствами Центральной Азии, как и наиболее значимые и крупные совместные энергетические проекты. Отдельное внимание уделяется проекту «Экономического пояса Великого шелкового пути» как одному из ключевых и наиболее масштабных китайских экономических проектов, который имеет непосредственное отношение к развитию сотрудничества в области энергетики в регионе. Автор также предлагает анализ перспектив и возможных проблем дальнейшего развития энергетического сотрудничества между Китаем и странами региона.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, энергетическое сотрудничество, энергетическая безопасность, международные отношения, «Экономический пояс Великого шелкового пути».

Comparative Analysis of China's Energy Strategy in Central Asian States

Mina Poshtich, MA in World Regional Studies, MGIMO University graduate.

Abstract: The article addresses the influence of the energy factor on formulating China's political and economic strategy towards Central Asia. Therefore, the article provides the profound analysis of the PRC energy strategy in the region, namely its principles, goals, objectives and mechanisms. The article also examines the key areas of energy cooperation between China and the five Central Asian states, as well as the major joint energy projects. Moreover, the article takes a close look at the Silk Road Economic Belt as one of the largest and most ambitious Chinese economic projects, for it is directly relevant to the development of energy cooperation in the region. The author also analyses the prospects as well as possible problems of further energy cooperation between China and Central Asian states.

Key words: China, Central Asia, energy cooperation, energy security, international relations, the Silk Road Economic Belt.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ ИНДИИ И ПАКИСТАНА ПО РАЗВИТИЮ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

А.А. Бойко

Атомная энергетика находится в фокусе широкого общественного внимания и является наиболее политизированной сферой борьбы за энергетическую безопасность в современном мире. Для региона Южной Азии, развитие ядерных программ Индии и Пакистана осложняется политическим противостоянием двух традиционных соперников. Для этих крупнейших стран южноазиатского региона ресурсы мирного атома являются не только основой решения проблем дефицита электроэнергии, но и сферой соперничества в экономике в целом, и в конечном итоге по линии жесткой безопасности. Одновременно их энергетическая политика обуславливает диверсификацию позиций и интересов четырех влиятельных ядерных держав: России, США, Франции и Китая. Этот процесс сопровождается появлением новых прецедентов: снятия ограничений ГЯП¹ с Индии, нарушения руководящих принципов ГЯП Китаем, которые не встречают значимого отпора со стороны других стран-участников, обсуждения вопросов вступления в ГЯП Индии, которая не является участником ДНЯО и формально не может рассчитывать на международную поддержку своего ядерного статуса.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ИНДИИ И ПАКИСТАНЕ

ИНДИЯ:

1. Руководство отраслью

Координацией и руководством ядер-

ной энергетической отраслью Индии занимается Департамент по атомной энергии (ДАЭ)².

Главой ДАЭ является секретарь Департамента Ратан Кумар Синха, который одновременно занимает должность председателя Комиссии по атомной энергии и подчиняется напрямую премьер-министру Индии. Штаб-квартира Департамента по атомной энергии расположена в г. Мумбаи (штат Махараштра). Структурно ДАЭ состоит из пяти исследовательских центров и трех вспомогательных служб. Кроме того, при финансовой поддержке ДАЭ работают семь НИИ, занимающихся исследованиями в областях общей и ядерной физики, математики, медицины и других прикладных науках.

Из довольно широкого спектра задач, стоящих перед ДАЭ, особое внимание Департаментом уделяется реализации долгосрочной программы атомной энергетики, нацеленной на повышение вклада отрасли в производство электроэнергии для нужд промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики Индии. Планируется решить проблему дефицита урана путем развития технологии реакторов на быстрых нейтронах (РБН). Она, в перспективе, позволит использовать торий в производстве топлива для традиционных реакторов на тепловых нейтронах. Также программа включает в себя развитие технологий, связанных

¹ Группа ядерных поставщиков – международное объединение, созданное в 1974 году, чтобы выработать основные принципы и критерии ядерного экспорта в дополнение к положениям Комитета Цангера.

² Департамент по атомной энергии (ДАЭ) был сформирован в августе 1954 года с целью создания атомной энергетики и ядерного оружейного комплекса Индии, а также внедрения радиационных технологий в промышленность, сельское хозяйство, медицину и другие отрасли.

с переработкой отходов, безопасностью производства и экологическим мониторингом. Параллельно с приобретением опыта в создании и эксплуатации реакторов на тяжелой воде, в октябре 2004 года ДАЭ начал реализацию второй стадии атомной программы, приступив к строительству в г. Калпаккам прототипа РБН мощностью 500 мегаватт. Третья стадия находится на начальном этапе. В этом направлении создан лишь задел в виде исследовательского реактора на уране-233 мощностью 30 киловатт.

Другим важнейшим звеном ядерного комплекса в Индии является Комитет по реакторам на тяжелой воде (Heavy Water Board – HWB) – специальное управление при Департаменте ядерной энергетики.

Основу ядерного комплекса составляют АЭС, деятельность которых регулируется государственным предприятием Индийская корпорация по атомной энергии (ИКАЭЛ) (Nuclear Power Corporation of India Limited – NPCIL).

2. Ресурсный и технологический потенциал

С момента принятия ядерной программы в середине 1960-х годов в качестве ключевого условия развития было определено обеспечение полного цикла производства электроэнергии за счет внутренних ресурсов от добычи полезных ископаемых до строительства АЭС. Выполнением первого этапа – разработкой урановых месторождений и поставкой сырья на реакторы – занимается созданная в 1967 г. под контролем Департамента атомной энергетики государственная Урановая корпорация Индии (UCIL)³. Корпорация включает в себя четыре действующих рудника, расположенных вдоль так называемого уранового пояса (160x10 км) в зоне районов Восточный и Западный Сингхбхум штата Джаркханд, комбинат по обработке урановой руды и комбинат по переработке вторичного сырья⁴.

В ведении HWB находятся отдельное предприятие по производству органических растворителей и других ядерных реагентов

«Талчер» в штате Орисса и 6 комбинатов по производству тяжелой воды (ингибитора ядерных реакций) для ядерных реакторов⁵.

По данным МАГАТЭ, в Индии к сети подключен 21 реактор совокупной мощностью 5780 МВт, 6 реакторов, среди которых российский энергоблок Куданкулам-2 и индийский опытный реактор на быстрых нейтронах, в процессе строительства либо подготовки к подключению в сеть. Кроме того, Индия заключила договор с Россией о строительстве еще двух энергоблоков на площадке Куданкулам, дополнительно планируется предоставить площадку для новой АЭС. Продвигаются переговоры с Францией о строительстве АЭС в Джайтапуре. Длительный период складывалась непростая ситуация вокруг планирующихся электростанций на площадках Митхивирди и Ковваде, которые должны быть построены американскими компаниями Westinghouse и General Electric, тем не менее визит Обамы в конце января 2015 года сдвинул обсуждение вопроса с мёртвой точки⁶.

Обладая необходимым технологическим и ресурсным потенциалом, Индия способна самостоятельно проектировать и строить ядерные энергоблоки, а также выполнять различные операции в рамках ЯТЦ от добычи урана до регенерации отработавшего топлива и переработки отходов. Страна располагает соответствующими технологическими ресурсами и производственно-инфраструктурной базой для удовлетворения спроса из-за рубежа, включая возможность строительства не единичных реакторов, а возведения энергетических парков, что существенно сократит расходы и повысит экономическую привлекательность АЭС. Её потенциальными клиентами могут стать, прежде всего, развивающиеся государства, чей объем энергетических мощно-

³ Режим доступа: http://www.ucil.gov.in/web/Nu_Energy_of_India.pdf.

⁴ Режим доступа: <http://www.ucil.gov.in/web/index.asp>.

⁵ Режим доступа: http://www.hwb.gov.in/htmldocs/plants/plants_index.asp

⁶ Индия и США согласовали правовой механизм для совместного сооружения АЭС // Nuclear.Ru 26.01.2015. Режим доступа: http://nuclear.ru/news/94699/?sphrase_id=46489, [India i SShA soglasovali pravovoi mehanizm dlia sovmestnogo sooruzheniia AES // Nuclear.Ru 26.01.2015. Mode of access: <http://nuclear.ru/news/94699/?sphrase_id=46489>].

стей составляет порядка 10 ГВт. Среди них, в частности, Непал, Шри-Ланка, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Вьетнам, некоторые страны Африки. Индия не скрывает свои амбиции стать одним из поставщиков на внешнем рынке атомной энергетики. Тем не менее, индийским планам препятствует отсутствие каких-либо четких решений по вопросу обеспечения зарубежных реакторов топливом. Для выхода на внешний рынок стране, прежде всего, будет необходимо решить проблему зависимости от импорта и дефицита сырья, которого не хватает даже для собственных реакторов.

Индия обладает крупными мощностями (7 предприятий, входящих в государственный концерн Heavy Water Board – HWB) по производству тяжелой воды (порядка 700 тонн в год) и может в ближайшей перспективе стать одним из крупнейших ее экспортеров. По разным оценкам, при сохранении текущих объемов производства количество запасенного оксида дейтерия, избыточного в плане обеспечения собственных энергетических и исследовательских реакторов, составило в 2007 году от 672 до 1332 тонн, в зависимости от темпов строительства новых АЭС. В 1994 г., когда количество производимой D2O впервые превысило потребности в ней, было подписано соглашение с Южной Кореей о поставках в эту страну тяжелой воды, в соответствии с которым в течение 1995-1996 гг. было экспортировано 100 тонн данного продукта.

Страна сумела достичь существенного прогресса в своей ядерной программе и разработать оригинальные технологии, что позволяет ей проводить независимую политику в сфере ядерной энергетики. Зависимость Индии от иностранного оборудования и материалов в атомной промышленности не превышает, по оценкам специалистов ДАЭ 10–15 %. По оценкам специалистов, обладая необходимым потенциалом и отработанной технологией сооружения тяжеловодных реакторов, Индия в ближайшей перспективе может стать поставщиком данного типа АЭС в другие страны.

Государство располагает двумя пилотными установками по центрифужному обогащению урана в Тромбее и в Ратехалле, не стоящими под гарантиями МАГАТЭ.

Кроме того, страна занимается разработкой перспективных способов обогащения урана – в Тромбее и Индоре действуют две экспериментальных исследовательских установки по лазерному разделению изотопов. Информация об этих установках, их мощности и назначении находится под большим секретом, однако специалисты предполагают, что потенциал индийской программы по разделению изотопов существенно уступает пакистанской и предназначен для производства высокообогащенного топлива для подводных лодок⁷. Однако, планы Индии по созданию собственного мощного легководного реактора могут говорить о том, что страна в будущем будет активно наращивать инфраструктуру по обогащению урана.

Топливо для индийских АЭС производится на трех заводах – в Хайдерабаде, Тарапуре и Тромбее. Комплекс ядерного топлива в Хайдерабаде – основное предприятие по производству тепловыделяющих сборок (ТВС) для всех атомных электростанций в Индии. Оно охватывает весь спектр производства ядерного топлива от первичного сырья до готового ядерного топлива⁸. В 2000 году комплекс производил 450 т. топлива ежегодно, планировалось довести объемы производства до 600 т. В Тарапуре расположен другой объект, его производительность – 100 т U/год. Помимо этого, в Тромбее имеется находящаяся в эксплуатации установка средней производительности (30–60 т U/год), а в Калпаккаме действующая лабораторная установка.

Идет сооружение еще двух заводов по переработке в Калпаккаме (один из которых предназначен для переработки топлива РБН, второй близок по производительности к заводу в Тарапуре). Все эти установки не стоят под гарантиями.

Страна располагает хранилищами твердых радиоактивных отходов с начала 1960-х. На данный момент в стране 6 действующих

⁷ Ramana, M.V., An Estimate of India's Uranium Enrichment Capacity / Science & Global Security, 12, No. 1-2, 2004. - Pp. 115-124. Mode of access: http://scienceandglobalsecurity.org/archive/2004/01/an_estimate_of_indias_uranium.html

⁸ Mode of access: <http://www.nfc.gov.in/html-aboutus.htm>.

захоронений (Тромбэй, Тарапур, Раджастхан, Калпаккам, Нарора и Какпапара) ⁹.

МАГАТЭ осуществляет гарантии на 5 индийских установках: 2 блока на АЭС в Раджастхане (производства США), 2 блока на АЭС в Тарапуре (производства Канады), зона сборки на установке по изготовлению керамического топлива в Хайдерабаде, установка по переработке в Тарапуре, отдельное хранилище отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) в Тарапуре.

3. Сдерживающие факторы

Основным препятствием к развитию индийской мирной атомной программы остается недостаток урана. Залежи урана на территории страны небогаты – около 100 тысяч тонн, (от 1 до 2% мировых запасов), этого хватает для обеспечения топливом тяжеловодных реакторов совокупной установочной мощностью 10 ГВт¹⁰. Однако ввиду действий руководства в Департаменте по атомной энергии (ДАЭ), извлекаемых запасов природного урана и количество производимого и запасенного уранового концентрата уже не достаточно, для эксплуатации действующих реакторов, поэтому Индия вынуждена искать другие виды ядерного топлива. Наиболее перспективным является торий, запасы которого составляют более 25% мировых. Именно поэтому государство придает большое значения развитию технологий РБН, которые бы позволили включить торий в индийский ядерный топливный цикл (ЯТЦ)¹¹.

⁹ Kumar, S.S. Ali, M. Chander, Bansal, N.K., Balu K., Integrated Radioactive Waste Management From NPP, Research Reactor And Back End Of Nuclear Fuel Cycle - An Indian Experience // Bhabha Atomic Research Centre, Trombay, Mumbai, India, Mode of access: http://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/csp_006c/PDF-Files/paper-38.pdf.

¹⁰ Индийский урановый кризис – доклад Счётной палаты Индии // АтомИнфо, 29.03.2009. Режим доступа: <http://www.atominfo.ru/news/air6179.htm>. [Indijskij uranovyj krizis - doklad Schetnoj palaty Indii // AtomInfo, 29.03.2009. Mode of access: <<http://www.atominfo.ru/news/air6179.htm>>].

¹¹ Анпилогов А. Борьба за индийский атом, часть 2. Трудный выбор между углём и торием // Однако, 9.02.2015 Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/borba-za-indiyskiy-atom-chast-2-trudnyy-vybor-mezhdu-uglyom-i-toriem/>.

Индия уже сейчас располагает достаточной завершённой инфраструктурой для самостоятельного развития своей ядерной программы, используя технологии, которые были заимствованы у канадских реакторов CANDU¹², в перспективе, возможна локализация более совершенных технологий новых поставщиков – России, Франции, США. Уже сейчас ведутся разработки более мощных и совершенных реакторов. Кроме того, она может сама стать одним из поставщиков технологий и оборудования ЯТЦ при условии решения вопроса дефицита сырья.

ПАКИСТАН:

1. Руководство отраслью

Пакистанская комиссия по атомной энергетике (ПКАЭ) является единственной правительственной организацией, которая занимается эксплуатацией этих электростанций и отвечает за все связанные с ними этапы ЯТЦ. Её возглавляет д-р Ансар Первез.

2. Ресурсный и технологический потенциал

Атомная энергетика в Пакистане представлена двумя лицензированными коммерческими АЭС. Несмотря на то, что Пакистан является членом МАГАТЭ с 1957 года, страна никогда не подписывала ДНЯО, что в последнее время создает массу препятствий в сфере развития национальной атомной энергетике. Ситуация стала существенной после вступления в 2004 году в ГЯП Китая – основного поставщика ядерных технологий и производства в Пакистан. Согласно договоренностям, Китай может сотрудничать в этой сфере только с теми странами, которые

chast-2-trudnyy-vybor-mezhdu-uglyom-i-toriem/. [Anpilogov A., Bor'ba za indiiskii atom, chast' 2. Trudnyi vybor mezhdu uglem i toriem // Odnako, 9.02.2015 Mode of access: <<http://www.odnako.org/blogs/borba-za-indiyskiy-atom-chast-2-trudnyy-vybor-mezhdu-uglyom-i-toriem/>>].

¹² CANada Deuterium Uranium (CANDU) – тяжеловодный водо-водяной ядерный реактор, особенность конструкции которого позволяет использовать в качестве топлива природный необогащенный уран или торий.

соблюдают правила МАГАТЭ. Пакистан к некоторым требованиям этого органа до сих пор не присоединился¹³.

Ядерная энергетика в стране пока что недостаточно развита. Общая мощность трех энергоблоков составляет всего лишь 725 МВт, однако Пакистан планирует развивать данную отрасль. Согласно Плану по энергетической безопасности, который был принят правительством в 2005 году, Пакистан планирует к 2030 расширить свои электрогенерирующие мощности до более чем 160 000 МВт. В Плате сообщается о намерениях увеличить мощность АЭС на 900 МВт к 2015 году, ещё на 1 500 МВт к 2020, и, в конечном счете, довести её до 8 800 МВт к 2030 году. План подразумевает дальнейшее строительство китайских реакторов на легкой воде четырех мощностью 300 МВт каждый и семи мощностью по 1000 МВт¹⁴. У Китая есть намерения установить два легководяных энергоблока по 1000 МВт на АЭС Карачи в провинции Синд, но в 2007 году Китай отложил разработку реакторов CNP-1000, а это единственный тип китайских реакторов, который пригоден для транспортировки на дальние расстояния.

В отличие от Индии, Пакистан не разделяет свою ядерную программу на мирную и военную, поэтому является предметом повышенной секретности. Становится сложно определить, какая часть его атомной инфраструктуры относится к «мирному атому», а какая к «военному». Вероятнее всего, Пакистан не располагает инфраструктурой по обогащению урана для атомных электростанций, несмотря на то, что её планировалось создать к 2015 году. Имеющиеся обогащательные технологии имеют военное назначение. Низкообогащенный уран (НОУ) для АЭС Чашма поставляется из КНР. Един-

ственный реактор АЭС Карачи работает на природном уране¹⁵.

Имеются разведанные месторождения бедных урановых руд в Центральной части Пенджаба и Сулеймановых горах. Эксперты полагают, что Пакистан производит приблизительно 45 тонн урана в год¹⁶.

В городе Кундиан в 175 километрах от Исламабада расположен комплекс по производству топливных сборок для АЭС Карачи (Kundian Nuclear Fuel Complex). Ежегодное производство оценивается в 24 тонны.

В провинции Пенджаб в городе Мултан расположен небольшой завод по производству тяжелой воды. Завод не находится под гарантиями МАГАТЭ, информация о нем засекречена, и Пакистан нигде не публикует информацию об этом объекте. Все, что есть в открытых источниках, было опубликовано различными разведывательными агентствами. Известно, что производственные мощности завода позволяют производить 13 тонн тяжелой воды в год¹⁷. Есть информация об еще меньшем заводе D2O недалеко от Хушаба (провинция Пенджаб), он также не находится под гарантиями МАГАТЭ. Пакистан не предоставляет информации о его назначении.

Пакистан не располагает инфраструктурой по долгосрочному хранению ОЯТ и отходов. По состоянию на сегодняшний день, отработанное топливо хранится в накопителях на территории АЭС. Возле каждой электростанции предложено строительство сухих хранилищ. Вопрос окончательной утилизации отходов по-прежнему остается открытым.

3. Сдерживающие факторы

Развитие атомной энергетики так же, как и в Индии, ограничивает дефицит сырья,

¹³ Китайско-пакистанские ядерные отношения / Великая Эпоха, 27.03.2013. Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/72559/4/>. [Kitaisko-pakistanskije iadernye otnosheniia / Velikaia Epoha, 27.03.2013. Mode of access: <<http://www.epochtimes.ru/content/view/72559/4/>>].

¹⁴ Energy Security // Ministry of Planning Development and Reforms. <http://pc.gov.pk/mtdf/28-Energy%20Security/28-Energy%20Security.pdf>.

¹⁵ Zia Mian, Nayyar A., Rajaraman R., Exploring Uranium Resource Constraints on Fissile Material Production in Pakistan / Science & Global Security, 17, No. 2-3, 2009. - Pp.77-108 Режим доступа: http://scienceandglobalsecurity.org/archive/2009/10/exploring_uranium_resource_con.html.

¹⁶ Uranium 2014: Resources, Production and Demand // OECD, 2014. - P. 61 Режим доступа: <http://www.oecd-neo.org/ndd/pubs/2014/7209-uranium-2014.pdf>.

¹⁷ Multan // Federation of American Scientists, March 16, 2000. Mode of access: <http://www.fas.org/nuke/guide/pakistan/facility/multan.htm>.

но в отличие от Индии, у Пакистана пока нет возможных путей решения этой проблемы. Помимо этого, существенными сдерживающими факторами являются ограничения ГЯП и инфраструктура, которая менее развита и самостоятельна, чем индийская. Что касается сферы НИОКР, в обозримом будущем наивно было бы ожидать от Пакистана собственных разработок в области ЯТЦ.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ИНДИЙСКОМ И ПАКИСТАНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

1. Специфика реализации международного контроля

Индия и Пакистан не являются участниками ДНЯО и, соответственно, на них должны распространяться ограничения Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Тем не менее, 6 сентября 2008 года на внеочередном пленарном заседании ГЯП было принято специальное пленарное решение о снятии ограничений на мирное ядерное сотрудничество с Индией. Его основные параметры таковы: оно снимает требование о наличии соглашения о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ в случае, если речь идет о поставках ядерного оборудования в Индию. При этом специальное решение не означает юридического признания Индии государством, обладающим ядерным оружием, и не создает прецедента для других стран.

Это решение было холодно принято Китаем, который безуспешно пытался провести аналогичное решение по Пакистану. У американцев и других членов группы был повод снять ограничения с Индии и сохранить их в случае с Пакистаном. В новейшей истории Пакистана весомое место занял физик-ядерщик Абдул Кадыр Хан, который занимался торговлей ядерными секретами с третьими странами и, судя по всему, с ведома правительства Исламской Республики Пакистан. Более того, настораживает категорическое нежелание допустить иностранцев, в частности, специалистов из МАГАТЭ, на допрос Хана по поводу его деятельности на черном рынке ядерных технологий. Это обстоятельство не только предоставляет возможность членам ГЯП проводить разную политику в отношении Дели

и Исламабада, но и в принципе ставит под сомнение возможность и целесообразность снятия санкций Группой ядерных поставщиков, и США в частности, с Исламской Республики Пакистан.

В связи с этими обстоятельствами, Пакистан может надеяться исключительно на помощь Китая, который, однако, тоже вступил в ГЯП в 2004 году. С тех пор Китай пытается добиться некоторых исключений в его сотрудничестве с Пакистаном, но, по мнению видного индийского аналитика К. Субрахманиама, который консультировал правительство Индии по поводу индо-американской ядерной сделки, провести такую сделку через ГЯП будет очень затруднительно¹⁸. Можно было бы утверждать, что добиться снятия даже двусторонних ограничений в ближайшие десятилетия Пакистану и Китаю будет невозможно. Сам Пакистан не обладает достаточными финансовыми, технологическими, интеллектуальными и профессиональными трудовыми ресурсами для самостоятельного развития мирной ядерной программы. Таким образом, в плане развития атомной энергетики Исламабад находится в затруднительном положении и не может даже рассчитывать на открытую помощь со стороны Китая.

2. Основные страны-партнеры в сфере «мирного атома»

Тем не менее, Пекин, судя по всему, твердо намерен строить реакторы на пакистанской территории, нарушая соглашения в рамках ГЯП. Если строительство реакторов на АЭС «Чашма» еще может быть неоднозначно обосновано тем, что исходное соглашение об установке данной станции было заключено до вступления КНР в ГЯП, то планирующееся размещение двух «тысячников» на АЭС «Карачи» никак не вписывается в правила ГЯП, так как Китай не имел отношения к этой станции до вступления в группу. Стоит обратить внимание, что никакой серьезной реакции со стороны ГЯП

¹⁸ Сотников В.И. К вопросу о пакистано-китайской ядерной сделке. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/12-07-10b.htm>. [V.I. Sotnikov. K voprosu o pakistano-kitaiskoi iadernoi sdelke. Mode of access: <<http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/12-07-10b.htm>>].

и США на вполне определенные намерения Китая относительно развития ядерной отрасли Пакистана не последовало. Иными словами, факт снабжения атомными технологиями Пакистана, который не является участником ДНЯО, не разделяет свою ядерную программу на мирную и военную, как это делает Индия, ко всему прочему, прибегает к торговле ядерными секретами, оценивается совсем не так серьезно, как, например, строительство АЭС Бушер в Иране, стране, входящей в ДНЯО и соблюдающей условия этого договора. Представляется, что крайне вялая реакция ГЯП в отношении КНР и Пакистана объясняется стремлением США избежать конфликта с могущественным торговым и финансовым партнером, которым является для них КНР. Исходя из этого, ожидать конкуренции в сфере строительства АЭС на пакистанской территории не приходится. «Мирный атом» в Пакистане развивается исключительно при поддержке КНР и на фоне нарушения руководящих принципов ГЯП.

Что же касается Индии, то после снятия ограничений ГЯП в 2008 году она поддерживает сотрудничество с основными мировыми поставщиками технологий и оборудования ЯТЦ – Россией, Францией и США. Стоит отметить, что после фукусимских событий в 2010 году правительство Индии ввело Закон о гражданской ответственности за ядерный ущерб¹⁹, таким образом, создав ощутимые препятствия для своих партнеров и благоприятные условия для ИКАЭЛ.

Наиболее активно продвигается взаимодействие с РФ. Россия уже успела закончить строительство двух энергоблоков АЭС «Куданкулам» в штате Тамилнад. В конце 2013 года был пущен первый российский тысячник, второй готовится к пуску. Кроме этого, в апреле 2014 подписано рамочное соглашение о строительстве второй очереди, совокупной мощностью 2 ГВт. Ведут-

ся поиски новых вариантов площадок для строительства российских АЭС. 11 декабря во время визита Путина были подписаны контракты на поставки оборудования для будущих энергоблоков. Помимо этого, удалось достичь рамочное соглашение, определяющее планы по строительству в Индии не менее 12 энергоблоков при содействии России. Индийское законодательство не является серьезным препятствием для развития сотрудничества России и Индии.

Менее успешно продвигаются дела у США. В отличие от РФ и Франции американцам были выделены сразу две площадки – Коввадав штате Андхра-Прадеш и Митхивирди в штате Гуджарат, но с момента введения индийского закона американские компании практически никак не продвинулись в вопросе строительства будущих АЭС. Существенным образом изменил ситуацию визит президента США Б. Обамы, по итогам которого удалось достичь некоторые договоренности в сфере разработки комплекса мер по смягчению действия индийского законодательства, которые не будут требовать его изменения.

Аналогичным образом складывается ситуация для Франции, однако можно ожидать, что весной 2015 года в ходе визита французского президента Ф. Олланда будут достигнуты важные соглашения по отдельным вопросам, касающимся строительства французской АЭС «Джайтапур», что серьезно подтолкнет развитие проекта.

Несмотря на успехи своих западных конкурентов, Россия все ещё удерживает уверенное лидерство в индийской ядерной гонке. По сообщениям российской прессы, предполагаемая стоимость американского и французского киловатт-часа будет составлять приблизительно 6 рупий, тогда как стоимость киловатт-часа действующего энергоблока Куданкулам-1 составляет лишь 3,5 рупии. Стоит учитывать, что первые два энергоблока АЭС «Куданкулам», в отличие от последующих, не попадали под действие нового индийского законодательства, поэтому логичным будет предположить, что последующие окажутся несколько менее рентабельными, но их рентабельность все равно, скорее всего, окажется выше конкурентов.

¹⁹ Индийский закон о гражданской ответственности за ядерный ущерб 2010 года налагает ответственность за последствия возможных аварий на АЭС на подрядчика. Положения индийского закона противоречат международным нормам, в частности Венской конвенции о дополнительной компенсации за ядерный ущерб.

3. Перспективы развития международного взаимодействия

Фактически, складывается ситуация, при которой ограничения ГЯП в том или ином виде прекратили свое действие не только в отношении Индии, но и Пакистана. Если Индия в рамках международного права официально сотрудничает с несколькими странами-поставщиками, то Пакистан ориентируется на двустороннее сотрудничество с Китаем, которое не вписывается в рамки международного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снятие ограничений ГЯП с Индии создало прецедент, который позже нашел отклик во взаимодействии Китая и Пакистана – Китай начал ядерное сотрудничество с Пакистаном в нарушение руководящих принципов Группы, что не встречает серьезного возражения со стороны ее членов. Более того – новые ядерные объекты Пакистана получили гарантии МАГАТЭ. Проблема увеличения числа ядерных объектов в Южной Азии дополнительно осложняется общей конфронтационной нестабильностью в регионе и неоднозначностью статуса Пакистана в роли оператора ядерных технологий, поскольку эта страна неоднократно принимала прямое участие в контрабанде оборудования ЯТЦ и подозревается в сотрудничестве с ядерщиками КНДР.

Что касается Индии, то эта страна, стремящаяся к безусловному региональному лидерству, имеет достаточные ресурсы, чтобы выйти на мировой рынок технологий и оборудования ЯТЦ в качестве нового заметного игрока. Если принимать во внимание позицию других стран, то очень вероятно, что в скором времени она может стать новым членом ГЯП, не подписывая, тем не менее, ДНЯО.

Последствия пакистанского и индийского прецедентов, безусловно, расшатывают режим нераспространения и в дальнейшем чреваты рисками потери авторитета ГЯП.

Однако парадокс заключается в том, что нарушения руководящих принципов ГЯП Китаем (сотрудничество с Пакистаном), которые, на первый взгляд, препятствуют соблюдению режима нераспространения, реально способствуют поддержанию регионального ядерного паритета в Южной Азии. Таким образом, расширяется окно возможностей как для предотвращения использования мирного атома в немирных целях, так и для выполнения миссии МАГАТЭ в отношении ядерной энергетики Индии и Пакистана. Кроме того, в среднесрочной перспективе ядерный паритет самым серьезным образом сдерживает инициативы любой из сторон по достижению технологического прорыва в области ядерных вооружений и средств доставки на пространстве Южной Азии.

Сравнительный анализ программ Индии и Пакистана по развитию атомной энергетики

Александр Александрович Бойко, аспирант МГИМО (У) МИД РФ.
Email: alexiurs@gmail.com

***Аннотация:** Развитие стратегических отраслей Индии и Пакистана становится взаимозависимым, ввиду традиционной конкуренции двух стран. Это касается и программ по развитию атомной энергетики. Пакистан отстает от Индии на этом направлении, однако особенности ядерной инфраструктуры позволяют поддерживать относительное равновесие потенциалов обеих стран. После снятия ограничений Группы ядерных поставщиков с Индии в 2008 году и активного подключения к развитию индийской ядерной программы внешних игроков – России, Франции и США, у Индии появилась возможность сделать качественный скачок в развитии национальной ядерной программы, тем самым нарушив региональный статус-кво в сфере технологий ядерного топливного цикла.*

Подобная перспектива побудила Китай пренебречь правилами ГЯП и принципами нераспространения и вмешаться в атомную отрасль Пакистана.

Перспективы пакистанской ядерной энергетической программы во многом зависят от позиции Китая. Несмотря на подозрения международных кругов относительно участия пакистанских представителей в операциях на черном рынке ядерных технологий и в обход правил нераспространения ГЯП, Китай достаточно открыто поддерживает атомную отрасль Пакистана, что в конечном итоге может сыграть положительную роль для блокирования напряженности в Южной Азии.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Китай, Группа ядерных поставщиков, атомная энергетика, «мирный атом», ядерный топливный цикл, ядерная энергетическая программа.

Comparative Analysis of the Indian and Pakistani Nuclear Energy Development Programmes

Alexander Aleksandrovich Boyko, Post-Graduate Student of Moscow State Institute of International Relations.

Abstract: *Due to the traditional competition between India and Pakistan, their strategic fields developing are interdependent. Nuclear power development programs are concerned as well. Pakistan falls behind India in this branch, however the specifics of the nuclear infrastructure let the potential of the states be relatively balanced. After Nuclear Suppliers Group granted a waiver to India in 2008 and Russia, France and USA, the new participants, broke into the market, India obtained an opportunity to make a breakthrough in the national nuclear program development, thus violating a status quo in fuel cycle technologies.*

Such chances stimulated China to violate the NSG guidelines and non-proliferations principles to get involved in Pakistani nuclear program development.

The nuclear power Indian-Pakistani competition prospects largely depend on the Chinese position. Despite the international community suspects the Pakistani officials in nuclear black market dealing and the NSG guidelines China obviously supports the Pakistani nuclear field. This may result in preventing of escalation of tensions in the region.

Keywords: *India, Pakistan, China, Nuclear Suppliers Group, nuclear power, "peaceful atom", nuclear fuel cycle, nuclear power program.*

CONFERENCE REPORT «AFTER THE UKRAINE CRISIS: TOWARDS A POST-HEGEMONIC MULTIPOLAR WORLD?» IN CENTRE ON ASIA AND GLOBALISATION, LEE KUAN YEW SCHOOL OF PUBLIC POLICY, NATIONAL UNIVERSITY OF SINGAPORE, FEBRUARY 24-26, 2015

Panel 1:

Ukraine Crisis, Russia's policies and implication to global strategic balance

THE RUSSIAN VIEWS OF THE UKRAINIAN CRISIS AND ITS TRUE DIMENSIONS

Viktor Kremenjuk: *Deputy Director, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Presented on his behalf by Alexander Korolev*

The Ukraine Crisis is a turning point. It is the end of a post-Cold War period in international politics that some people called “the Called Peace.” The “Cold Peace” is a rather vague state in which there were chances of closer cooperation between Russia and the West. The Ukraine crisis has put an end to this. “Why cooperation did not work? What to expect? Where do we go from here? There was a strong pretext to the current crisis in the relations between Russia and the West.

While US administration tries to demonstrate its concern with Ukraine in reality it has done very little both to help the Ukrainians out of their desperate position or to settle the problem. Mainly those who work hard in this area are the Russians and the Europeans – Germans, French, and Polish but not the Americans. The West preferred to continue traditional rivalry in the style of the 19th or the first half of the 20 centuries. Russia responded with the same what has become evident during Mr. Putin’s rule.

The end of the Cold War was not well perceived, especially in the Soviet Union, and later in Russia. Now when we hear expert comments on the Ukraine Crisis in Russia we can see some sort of an expected “catharsis” in US-Russian relations. The fact of NATO expansion is also very important for understanding the current situation, because it shows that it is the West who thinks in terms of traditional power and tries to deprive other countries of their sovereignty. The rest of the world, in this situation, finds itself at a crossroad. As to the other nations, especially the members of the BRICS (Brazil, India, China, and South Africa), they remained cold to the US plea. They have not expressed any support to the Russian action in Ukraine but equally they didn’t rush to support USA. At least, Russia does not pretend to play the role of the leader of this group, it stands as equal among the equals while USA pretends to play the role of the world leader and from this position the fact that a big and important group of nations did not follow Washington’s prescriptions tells much. Pessimistic about any alignment between west and rising powers as non-western states wants more, without clearer idea of what this more means.

Major Powers do not support American policies toward Russia. It is hard to say who suffered more from this crisis – Russia or the U.S. What we have in Russia-West relations is highly emotional, poorly structured, and extremely complicated controversy which may either burst one day into a full-size conflict or

become a subject for a long and exhaustive negotiation process.

THE UKRAINE CRISIS – HOW GENERALIZABLE?

Timothy Colton: *Chair of the Department of Government at Harvard University*

With changes to the status quo resulted in the Ukraine Crisis, it points us to the direction of trying to understand if the crisis echoes what happens elsewhere. Both Ukraine and Russia have been visibly worse off after the Ukraine Crisis. The EU has realized that itself helped triggered the crisis. Sanction and counter-sanction activities bite on the EU as well as the Russian side.

One year into the process, the Ukraine mess stands out, in my view, for its negative-sum character. The two major state actors, Ukraine and Russia, are visibly worse off than before the train of events got underway.

With no doubts Russia has widened the repertoire of sovereignty-shredding behaviors, but it is the other countries, particularly the United States that pioneered in this area. However, the example of great powers annexing territories from lesser powers set by Russia is unlikely to be copied by the other conventional powers, only two of which are embroiled in territorial disputes with neighbors, namely China and India. Their disputes are long standing and it's doubtful that the future conducts of China and India will be influenced by what Russia has gotten away with in Crimea. The only plausible exception might be China on South China issues. However, China was cross-pressured on Crimea by the pro-Russian separatists' use of a referendum device there, something that might be seen as setting a precedent for Taiwan or Tibet.

In general, the Ukraine Crisis is more sui generis and thus less system-shifting. Contextual elements of this crisis are specific enough to the regional context to moderate if not eliminate the chances that the Ukraine Crisis will have a major role in reshaping the international system.

THE BREAKDOWN OF 'BALANCING DILEMMA': RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN A POST-UNIPOLAR WORLD

Alexander Koroley: *Research Fellow, Centre on Asia and Globalization, Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore*

There is a controversy in the IR theoretical literature on the concept of balancing. The realist assumption is that balancing is inevitable. If the hegemon manages to restrain itself or employs strategies based more on benevolence than coercion, other states are still prone to worry about their safety and survival in the unbalanced international system and will either concentrate efforts to increase their capability (internal balancing) or try to realign with other secondary states (external balancing). There is vast amount of literature that counters this position and reasserts 'Exceptionalism of American domination and impossibility of balancing.' For example, "American power is extraordinary and unprecedented, and puts U.S. in a "category of its own."

This literature lends its argument on 6 conditions that guarantee the absence of balancing, namely the effectiveness of the Grand Strategy of the United States; the low availability of allies under the conditions of the unipolar system; America being a status quo powers; America being an international stability provider; the nature of American power seen as non-threatening; non-aggressive and benevolent; and the unsurpassable power threshold generated by the U.S. When this is applied to the current situation in international politics then it seems like this balancing dilemma is 'breaking down,' as neither of these assumptions are fully in place (except the final one, which is also changing).

Since the 6 conditions of balancing are not entirely satisfied, there is an environment in which balancing can occur, this can be demonstrated in Russian foreign policy. From Putin's speech in Munich in 2007, he rejected the concept of a 'unipolar world.' In his speech at the Valdai club in Sochi (2014) he said that the so-called 'victors' in the Cold War had decided to pressure events and reshape the world to suit their own needs and interests."

Between these two speeches there are empirical cases to show that Russia does balance against USA such as the Russia-Georgian War; Syrian War and the Eurasian Union. The main goal of the Russia-Georgian War was to thwart the US's political projects in Caucasus and prevent Georgia's NATO membership. It was also the first time since the end of the Cold War when Russia used military force outside its state borders and also the first time when American

forces were involved in military actions against Russia. It was not forced on Russia by a direct military attack on its own territory; otherwise it would not be 'balancing'. This was followed by an extremely harsh reaction by the US and, in the words of G.W. Bush, "Russia has invaded a sovereign neighboring state and threatens a democratic government elected by its people... Such an action is unacceptable in the 21st century." The main outcome was that Georgia's membership in NATO is a long way off.

Another was that of the Syrian Crisis, where Russia has been providing military and diplomatic support to the Syrian government; the U.S. has been trying to uphold the rebels. Russia and China vetoed four U.N. Security Council resolutions on Syria. Once again, this was not forced on Russia by a direct military attack on its own territory. The outcome of this was that any of the U.S.-led large-scale military operations in Syria failed to materialize due to increased costs of such endeavor.

The final case is that of the Eurasian Union. Similar to the cases of Georgia and Syria, the conflict in Ukraine was not directly forced on Russia (Russia had not been attacked), which would have ruled out the case for "balancing." There was a sudden strong push by the West for Association agreement with Ukraine as a reaction to Russia's Eurasian integration agenda, which ties post-Soviet space together: unification of economic regulation, coordination of policies in the energy sector; common policies toward non-members. Why now, but not under Yushchenko? The reaction of the West was quite straightforward. In the words of Hillary Clinton, "it's not going to be called that [Soviet Union]. It's going to be called customs union, it will be called the Eurasian Union and all of that, but let's make no mistake about it. We know what the goal is and we are trying to figure out effective ways to slow down or prevent it" (December 2012). Two main outcomes were achieved as a consequence: Crimea is part of Russia and Ukraine's NATO membership is a vague prospect.

Conclusions:

- American foreign policy has triggered a balancing response from another major power.
- The preconditions of "non-balancing" are compromised.

– Contrary to popular theoretical assumptions, balancing (hard, soft, internal, external) does take place and can be effective.

– Russia has already taken the lead in resisting U.S.-dominated unipolarity and, by doing so, has resolved the collective action problem. Now, other major powers – China, India, Japan, Germany – can decide whether unipolarity is good/bad for them and, through its policies towards Russia, accelerate the transformation of the international system.

– Balancing responses of greater scale will take place more regularly.

– If the US does not change its policies towards Russia, there will be high probability of China-Russia strategic alliance aimed at comprehensive balancing against America. This will transform the current world order and mark a historic return to the balance of power.

Discussant Ted Hopf:

1. Timothy's paper concludes that the Ukraine Crisis is *sui generis*. Rather than implying Russia's foreign policy or balancing of powers, he attributed the crisis to a set of unusual circumstances.

2. The West, the U.S. in particular, played unipolarity very poorly and inconsistently. Indeed US hegemony is 'dissipating.'

3. The 1990s is an important period for Russia as it was during this period that Russia realized the 'meaning of democracy and markets'. These entailed chaos, criminality and political de-functionality. Since 1990's there was a relentless pressure on the Russian sovereignty. Almost every IR scholar in the U.S., from realists to constructivists, argued against NATO's expansion.

4. There is a serious lack of diplomacy between U.S. and Russia. For example, in 2001 after 9/11, the U.S. received great support from Russian people and Putin. Such efforts have not been reciprocated and in November 2001, the US pulled out of the ABM treaty. This was followed by the Iraq invasion in 2003. Hence giving Russia reason after reason to balance against USA.

5. From 2003–2008, it seemed that Russia followed a foreign policy strategy of 'liberal imperialism,' where it pursued a neo-colonial American strategy of penetrating and dominating neighboring countries and providing eco-

conomic assistance to them. This then changes in 2008 to hard-balancing.

6. However, the current situation is not irreversible given the interdependence Russia gained in the international system. The West can regain the authority through collective efforts through sharing powers.

7. Russia is indeed a balancing power. However it may be an exaggeration to state that Russia is the vanguard of balancing against the US and that different countries would support and join its efforts in also doing so. Russia is fairly isolated internationally. While not many countries are supporting the U.S. foreign policies on Russia, none are supporting Russia's policy on Ukraine and Georgia.

8. Despite the Ukraine Crisis, Russia has been very cooperative on issues such as nuclear non-proliferation, North Korea, Iran, etc. Hence it does not seem to be balancing against everything. In fact the only entity that is purely balancing against U.S. power, which is also a common enemy for both the U.S. and Russia, is global terrorism.

9. While the paper argues that Russia and China can become strong allies, China may not necessarily want to go this far, given Russia's actions as an 'irresponsible power.'

10. The Eurasian Economic Union is presented as an economic counter balance to the EU. That may not be the case. Apart from using geopolitical tools to analyze this, exchange of resources such as high-tech are relatively limited.

11. Where is US hegemony going? What is the alternative? When the US caused the 2008 financial crisis due to the reckless mismanagement of its securities markets, it was expected that China and the rest would present an alternative to the American-led neoliberal order at the next G20 meeting. However, at the meeting there were only a few policy prescriptions from them. China has benefited most from the international system after 1945. It is unlikely that China will break down the international institutions for the sake of Russia. Indeed, the US has only lost 1% of its GDP since China's rise in 1978. Hence has there been much of a challenge to the American-led world order?

12. While the naval exercises that China has held with Russia was the largest in has done with any foreign power, have they held naval exercises with any other foreign power? If they

have not, then the example is meaningless. Further, how large is the exercise? If it is 1/100th of a US-Japanese naval exercise then it is also trivial from a balancing perspective.

13. While trade has doubled, but from what level? What is it from a global perspective? An argument can be made however, that these are 'leading indicators' of hard-balancing.

14. One of the features of 'mass common sense' in Russia, especially in relation to sanctions and public opinion was that the average Russian does not desire neoliberal integration with the world capitalist economy as a normal or desirable thing. Sanctions are not 'unpopular' in Russia, but instead talk of more state involvement and isolation is 'popular.' Hence, if the objective of Western sanctions is to turn public opinion against Putin then it is counter-productive.

Questions and Comments:

1. Do the Georgian, Syrian and Ukrainian crises are very different. Do they indicate that we are back to the era of proxy wars? Can escalation be contained at strategic levels?

2. How can the level of commitment between China and Russia be assessed? Having a strong economy may not directly translate into world leadership immediately.

3. Does the fall in oil prices have an impact on Russia's projection of power?

4. Though Russia is balancing against USA, it does not necessarily mean a return to a multipolar or renewed bipolar order.

5. Balancing takes time, so when criticizing theories that argue that balancing will not happen, clarity on the time horizon is essential. Given that, in how long will Russia catch up? It seems unlikely that Russia may do so as its economy will take time to recover. It can also be argued that Russia could be balancing against threats as oppose to balancing against power. In the case of the latter, this is done in 2 ways, internal balancing (such as military spending as mentioned in the presentation by Alexander) and external balancing (forming alliances). Does Russia have any such 'allies?' This creates a problem for a Russia's overall strategy as it relies heavily on asymmetrical balancing.

6. In terms of the China-Russia alliance, Russia might be the junior partner economically. China is a status quo power, is establish-

ing the strategic alliance with Russia really in its interest?

7. Given their Russian population, are Estonia and Latvia 'next' after Ukraine?

8. It seems to idealistic that Russian foreign policy has a long-term balancing vision against USA. It seems more reactive.

9. Russia may not necessarily be isolated. Other major powers such as Japan, China and India do not 'follow' American leadership in relation to Ukraine.

10. USA has 'outsourced' its policy to Europe. Is this the case in the Ukraine crisis or is Europe acting on its own?

11. China is not necessarily working toward some sort of 'alliance' or 'alignment' with Russia. China is pursuing its own interests.

12. China is playing a leverage game in its own interests. Every player is doing this and this may eventually bring the world to multi-polarity but it is not intentional acts of balancing.

13. The economic difficulties in Russia may somehow change the public opinions in Russia. However, it is important to delink the public opinions and policy making process.

14. Public opinion in Russia may not be the most accurate reflection of trends.

Responses:

Alexander Koroley:

1. Russia is not entirely 'isolated' in its response to the Ukraine Crisis. Since the crisis, China and Russia signed multiple contracts and the Chinese government even offered to provide economic assistance to Russia. Russia does not need a 'NATO-like' alliance with China as militarily Russia is more than capable and equipped. In this situation, 'silence' is support. Beneath the silence, there is growing trade and investment.

2. Balancing will occur with the means they have at hand. Russia exerts pressure using traditional geopolitical methods using energy and pipelines.

3. Chinese scholars in fact, say that it is Russia does not want to pursue an alliance with China and deal with its foreign policy problems rather than the other way around.

4. We have not completely stepped out of the era of proxy wars. Proxy wars fit into the concept of balancing.

5. The paper does not deal with 'balance of power' but 'balancing'. Hence it does not argue that Russia is capable of changing the international system and surpassing the United States.

6. According to Waltz's theory of international politics, balancing does not necessarily have to be an intentional act of restoring multipolarity.

7. In Russia's case, the benign relations with other countries can be alignments instead of alliances because Russia does not face direct threats. China-Russia do not have to be formal 'allies' China and Russia conducted the biggest military drills in Chinese history with any foreign power. China and Russia plan to conduct drills in the Mediterranean, which is traditionally, a NATO sphere of influence. Trade volume between the two countries has almost doubled since 2008. Further, it is not just oil and gas exchanges between Russia and China. There is a list of contracts between the two in various other sectors such as banking, technology and so on.

8. A poll shows that Russians who see the U.S. as the No.1 enemy actually read English news media and China is seen as the friendliest nation. Given the 'China threat' that drives English media, Russia's public opinion seems to overlook this.

Timothy Colton:

1. There are differences between global contexts and regional contexts. The region is sui generis because what happened in the 90s was not only the end of Cold War but also a country's decease. The collapse happened with minimum communication. A quarter century later, we are still dealing with the consequences, which have been underestimated for a long. In the 80s it is predicted after the swinging between ideology politics and interest politics, it would be about identities and eventually policy making tend to be rational. However, it is interesting to see identity politics have replaced interest politics in Ukraine. This also poses a challenge for us and reminds us to pay more attention to the puzzles of identities.

2. When the small countries are seeking protection from big countries, under certain circumstances, they end up with the biggest leverage. Proxy war is a very complex game in general.

3. Western sanctions make it difficult for Russia to recover from falling oil prices and

other woes of the economy. Russia is not very credit-worthy at this stage. Though Russian corporations and the Russian Government still have cash reserves but they cannot use them as they do not have access to international credit for the foreseeable future.

4. Russia will still be a major oil reserve for generations; however this oil from the Arctic sea might entail a lot of cost to obtain, which might not be very profitable.

5. Though Russia is not a 'democracy', the leadership does enjoy a considerable amount of mass support.

6. It is hard to see how Russia can sustain itself over a long period of time with this level of isolation and antagonism against it.

7. There is a school of thought that says that the major question in Ukraine is more about language than ethnicity. The sector of native speaking Russians in Ukraine were about 45-50% and they are a part of a Russian civilizational world that has been reinforced by the internet.

8. As far as Estonia and Latvia are considered, it may be a possibility that Russia might exert pressure on them, but very few would be sympathetic towards Russia as most of them are citizens of EU countries and want to avoid trouble at home. These countries are also members of NATO, so it is unlikely that Russia could make any territorial claims on them but it could exert soft power on them.

Panel 2:

The impact of the Crisis on international politics: strategic and policy reorientation of major powers in the wake of the crisis

RUSSIA – WEST RELATIONS AND RELATED THEORETICAL PROBLEMS IN THE UKRAINIAN CRISIS

Feng Shaolei: *Dean of the School of Advanced International and Area Studies (SAIAS) and Director of the Centre for Russian Studies, East China Normal University*

The author has presented directly from his paper (see the conference site at NUS).

RUSSIA AND THE WEST: RETURN OF BALANCE OF POWER POLITICS OR DIFFERING CONCEPTIONS ON WHAT IT MEANS?

T.V. Paul: *James McGill Professor of International Relations, McGill University*

There is a debate, as evident in the theme of this conference, whether this conflict is the harbinger of a new world order signaling a profound change in the structure of the international system from a near unipolar to a multipolar one.

In this paper I argue that we are still several years away from a hard balancing equilibrium in Eurasia as the parties are reluctant to escalate the conflict to an intense level. American military aid to Ukraine may challenge the situation a bit, but it is unlikely to lead to an intense hard balancing effort by the West or by Russia due to lack of allies, fear of losing too much economically, and a realization of escalation of unwanted conflict on both sides. Instead, we will see continued hedging based on soft balancing, diplomatic engagement, and limited hard balancing for some years until threats crystallize and the power capabilities of Russia and China increase to the extent of upsetting the present order. Increased nationalism is a possibility in Russia and China and more asymmetrical military challenges to regional order.

The Western conception of balance of power implies an expansion and consolidation of the liberal pacific union to prevent the rise of challengers, including semi-authoritarian Russia and China, and deterring potential and actual threats emanating from them. This strategic conception comes out of the liberal notion that the spread of democracy and liberal institutions are sure guarantors of enduring peace.

The European Union shows that a pluralistic security community can emerge in a region that experienced unending wars and rivalries through the millennia, if the liberal principles are applied.

This strategy is based on the notion of "overwhelming preponderance as a pacifying condition," rather than the balance or equilibrium of forces between the two sides. This is also routed in hegemonic stability logic that security is assured only when a benign hegemon has dominance over restive regions.

Western strategy toward Russia has been one of steady expansion of the liberal pacific union. At the end of the Cold War, the European Union and NATO invited former republics and allies of Russia in Eastern Europe to join NATO. In the first round of expansion, in March 1999, Poland, Hungary and Czech Republic were added to NATO.

The problem with the Western policy is the absence of a proper strategy to integrate the former superpower that is yet to accept the norms of the Western liberal pacific union. The more it resisted acceptance of Western goals, the harder the Western positions became. Further, the earlier invitations to Russia to join Western institutions were not intended to give it a prominent status as a great power but one among several equals, if only it accepted the Western liberal principles in both domestic and international affairs. In the new European order, the notion of great power status looked antiquated.

The Western position thus has been somewhat ideologically-driven and it gives the impression of surpassing or transcending traditional power politics as well as its chief component, balance of power politics. It reveals a strategy of overwhelming preponderance of liberal states as the best guarantor of peace in Europe. This policy appears to be fair at face value, but it gives the impression it is neutral to geopolitical consequences.

Russia under Putin has been playing according to the dictates of realism and classical balance of power, while the West is treating its expansion toward Eastern Europe, including former Soviet republics, as a benign liberal strategy with righteous ideological overtones.

It appears that both sides are driven by peculiar notions of balance of power, despite the liberal overtones of Western policies. The West wants to bind all East European states under NATO and the EU so as to balance Russia in both hard and soft balancing methods, even though it does not say it in so many words. This reflects the opposite views of the two sides on what constitutes international order, especially the rights and obligations of great powers, and their regional spheres of influence.

An interesting question is whether the Western understanding of international order itself is changing. John Ikenberry has argued that durable post-war orders were created by winners, especially democracies, by establishing "interlocking institutions" limiting the power of the winner that increasingly took on "constitutional characteristics." Limitations on what the winner can take disproportionately have been essential for order creation. He states: "limits are set on what actors can do with momentary advantages. Losers realize that their losses are

limited and temporary, and that to accept those losses is not to risk everything or to give the winners a permanent advantage.

The winner gave the impression of taking on all the advantages, especially from Moscow's point of view. Russia does not consider itself a loser, unlike the vanquished in previous major wars, yet it has little sympathy left in many of its former republics. Transforming the victory of the West into legitimate authority is a major challenge here. The favourable conclusion of the end of the Cold War occurred through diplomacy and the Western powers, especially the US and Germany, showed statesmanship in not aggravating the Soviet difficulties or undercutting Gorbachev who was making painful foreign policy choices. What we are missing today is statesmanship on both sides similar to 1989-1991 period.

Russian Conceptions:

Russia wants to retain its status as a great power and the dominant state, or *primus inter pares*, among its former republics and East European allies. This persisting opposition to NATO and EU expansion is contained in Russian foreign policy documents, especially the military doctrine Moscow issues periodically. The new Russian military doctrine issued in December 2014 states that the "main external military danger" comes from an increasing power potential of NATO and giving it global functions carried out in violation of international law.

The general problem in the Russia-Western relationship is a dearth of sensitivity to each other's points of view, the lack of trust and the absence of statesmanship on both sides to avoid a rivalry from emerging.

Status competition thus is an underlying issue here which is not easy to reconcile for the parties concerned. Material capabilities cannot explain why Moscow still pursues status projects with such vehemence. It may well be true that the material weakness of Russia is what affected its status in the West and neighboring states.

Will Intense Balance of Power Competition Re-emerge?

The chances of an intense balance of power competition between the West and Russia in the near and medium terms are low because states tend to hard balance through two mechanisms: 1. Internal balancing – i.e., building a strong armed force on one's own, and 2. Through ex-

ternal balancing, which involves finding suitable allies who would form a coalition to balance the external powers. On both these counts, the Russian efforts are likely to fall short. Russia may build more nuclear weapons as a balancing mechanism, but that has little relevance for its relations with the former republics. They at best will remain neutral in Russia's conflict given that it has legal implications as well.

Western efforts to develop further links with unattached Russian neighbours may be hampered by the fear of Russia's direct action similar to Ukraine. Even among NATO member states, leaders of Poland, Czech Republic among others, have expressed opposition to NATO expansion to additional spaces or to send troops to protect Ukraine.

How to Prevent Intense Balance of Power Competition?

Liberals can also believe in their own propaganda as they claim to stand for universal values of liberty, freedom and self-determination. What the West is communicating to Russia is that it has to accept a secondary role as a co-opted power in the European order, headed by the EU and NATO, built around liberal principles. These Western idealistic pronouncements have little resonance in Moscow which does not consider the liberal hegemony as benign or without power considerations.

The problem is that Russia is a weak global power, but is not a defeated great power and has residual power to spoil peace regionally and globally through asymmetrical means. Better statecraft is needed on both sides, and diplomacy has to be elevated to a higher level if a rapid deterioration of relations and escalation of violence are to be avoided. Institutional structures need to be created for confidence building and conflict resolution. But a dramatic reordering of world power structure is not in the cards for now.

INTERESTS, HEDGING AND STATUS: EXPLAINING INDIA'S
RESPONSE TO THE UKRAINE CRISIS

Rajesh Basrur: *Professor, Coordinator, South Asia Programme, S. Rajaratnam School of International Studies, NTU*

The basic question addressed is why India reacted mildly to Russia's military action in Ukraine. The reasons are twofold: 1) Russia has been a source of immense political support

to India on critical issues such as the Kashmir dispute with Pakistan, its nuclear status and so on. 2) Russia has long been the biggest supplier of advanced weaponry to India, amounting to \$40 billion over the last 10 years. That said, Russia's place in Indian strategy is declining and simultaneously America's place is advancing. In terms of political support, USA helps India better integrate itself in the non-proliferation regime. The US has also emerged as India's largest arms supplier. If that is the case, why is Russia still important enough for India to ignore what it has done in Ukraine?

India places a premium on strategic autonomy. This has security and status benefits as it helps India to spread its bets in both spheres. In terms of security, what India has been doing in the past is to keep away from the great power game by seeking alternative pathways - its commonly known Non-alignment movement, which is a weak power strategy, is an example.

As a rising power however, India's strategy has changed from staying away from great power relations to actually engaging in and with it, to its own benefit by building multiple strategic partnerships. Through this, India is trying to optimize its autonomous position in what is essentially a post alliance world, where structural politics is diminishing. In other words, 'Balance of Power' does not have the same meaning it used to. In the current era, it is hard to actually use that strategy among great or major powers for two reasons: 1) the presence of nuclear weapons. Patterns indicate this is why great powers avoid conflict; 2) economic interdependence: it is quite common place to say that the latter did not prevent World War 1, but it did not occur to this extent. The complex chains of production that exist today prevent states from letting them break and deriving benefit.

In a situation such as this, the strategies that India (and others) uses are: 1) building military capabilities, even though many are redundant and cannot be used. For example, the US would not think of India as the strategic partner as it does had it not been for the 1998 nuclear tests; 2) developing support in international institutions. As a post-colonial state, this helps India in establishing its 'status'. India is a part of G20 and will be a part of APEC. Though India does not play a very proactive role in these institutions, it is important to get a seat.

India is a relatively weak aspiring great power and it tries to establish itself as one without ruffling too many feathers and by presenting itself as a responsible power. It does so by providing limited security cooperation without incurring much cost. This demonstrates that Indian behaviour is a reflection of how all states behave in the post-cold war system. It is important to make a distinction between security-seeking behaviour and status-seeking behaviour, which is useful for policy makers as well to find out what they are looking for. What India is doing is optimizing security through strategic partnership and status through diversified networks. It is evident that everyone is playing this game. The distinction between balance of power and balancing is also critical as much of the latter is symbolic. Even India's security seeking behaviour is changing. For example, the use of force has and accumulation of military power has limited value and finally, alliances don't amount to much, which is why this behaviour is replaced by strategic partnerships. Commitments are always limited.

Discussant Huang Jing:

It seems to be that the scholars on this panel agree that the Ukraine Crisis and how it was handled by Russia is a fundamental challenge to the international system established in 1945. This not only attributed to tensions between national players in the system, but also the legitimacy of the system itself. Professor Paul touched on the question of legitimacy. America's own behaviour has undermined its legitimacy through its unilateral behaviour. Professor Feng Shaolei mentioned the Kosovo crisis, which also exemplifies this point. Next, the system is also challenged by rising powers. While China benefits from the international order, it but does not necessarily want to maintain it as it does not recognize China's political system as it is not compatible with the liberal order led by USA. This brings up two key questions: to what extent can the West remain united under the current world order and to what degree can rising powers recognize this order?

Questions/Comments from the Audience:

1) Russia was ranked 6th in military spending and now it is ranked 3rd. Also, there is a massive re-armament programme in Russia. What are the reasons to not call this internal balancing?

2) Much of the strategic behaviour in the post-cold war period is hedging - how do you define it? Is it different from Southeast Asian states are adopting? What can be used to define India's behaviour?

3) What is the difference between India and China's response to the Ukraine crisis on the other hand? What is the difference between India's response to Ukraine and the Soviet invasion of Afghanistan on the other?

4) Is the Russia-China-India alliance for India's status elevation useful?

5) Who is challenging the world order? Is it Russia or the West? What is the purpose of NATO's expansion to east? Is it to secure Europe from Russia, which it was very weak in doing after the fall of the Soviet Union? The reason was to decrease Russian space? Who is responsible for the Ukraine Crisis? Is it Russia? Russia helped Ukraine to survive economically? Is it a Russian organized coup-de-etat?

6) It is a bit a stretch to make it think World Order can be impaired by the crisis in Ukraine. It is different from Berlin crisis of 1948 and is more 'regional' in nature. The post 1989 order in Europe along with the understanding between Europe, Russia and America is broken down. These understandings need to be studied and questioned historically.

7) No Russian historian has produced a document to show that this was agreed that NATO would expand eastwards.

8) In 1990, when Iraq intervened into Kuwait, it seemed like a threat to American world order, but it was not, can this be the case of the crisis in Ukraine. What will India and Russia do with its new power and status? Will Japan go down this route, why is it not doing so?

9) What are the debates on leading scholars on China-Russia relations?

10) Small states are not irrelevant in great power relations. Though China is given an international status, denied Russia was denied of a military and/or material status. Small states are playing a destructive role. E.g.: Georgia, where the small state decided to gain from the conflict between USA and Russia, also Ukraine for that matter. Ukraine is different for 2 reasons: 1) it is tied to ideology-associated with it being a source of the Slavic civilization; 2) Choice of the economic system: Ukraine is fundamental to Russian security.

11) Russia was not defeated militarily after the Cold War. Instead, it reconstructed communism by the efforts of the communist people.

Responses:

Professor Rajesh Basrur:

1) Hedging is defined as establishing strategic partnerships, i.e. trying to build capabilities without strong commitment. A lot of it is symbolic meaning. In response to Ukraine, China has taken active steps towards drawing closer to Russia and India's response has been to stay as far away as possible. India's response to Afghanistan is not all that different from Ukraine. The difference is that there was a public statement stating its position in the case of the latter.

2) Through the Russia-India-China grouping India is two things: (1) establishing political communication to different audiences: To the US it sends the message that is not dependent on it. To the Russians, that despite growing relations with Washington, its ties with Russia is still important. To China, that it is not a part of any containment strategy against it. (2) Status: The idea is to tell major and smaller players that they belong the 'great powers' club.

3) Japan is not going about establishing its status actively was because it was better integrated into the international system after World War 2.

4) India is responding to China's rise through by engaging in balancing behaviour. It builds ties with the US to build its capabilities as India competes with China for status. Hence, it uses a bandwagoning strategy against China in this regard.

Professor Feng Shaolei:

Ukraine crisis is a key test for China's foreign policy.

Professor T.V. Paul:

1) While Russia is building military capabilities to balance, it cannot be called 'balance of power' as the process assumes parity equilibrium with other forces competing with it. Russia's building of capability in no way changes the outcome in the way the order is structured.

2) Hedging is commonly used as there is no other term to look at the world given the complexity of alliance structures. While there was the alliance structure in the Asia Pacific, there has

been a 'pivot' amongst Southeast Asian countries. Countries which were not initially 'American alliance' countries, are now becoming so. There is hence a limited hard balancing going on amongst ASEAN states towards China. There are multiple layers of balancing. India's behaviour is also soft balancing, but also limited hard balancing as it is building its air force, navy and so on but it is not to the extent of an arms race.

3) Russia's interventions have not really helped its national security in the long run. Beginning from the Afghan intervention in 1971 or Georgia. Immediate tactical gains are not long term strategic gains in terms of regional influence.

Professor Huang Jing:

1) The expansion of NATO does not challenge international order but instead it reinforces the American led world order as it keeps up with the momentum of the disintegration of the Soviet Union.

2) Ukraine is important to Russia as perhaps China is to Taiwan or Kashmir is to India. It is the collapse of stability in Ukraine that undermined the collapse of its stability to Russia.

3) The strategic mistake made by the West was that it overplayed its hand in Ukraine, which intensified the crisis.

4) The Ukrainian crisis is not a just a European problem, as it tests America's ability as a global leader.

5) China faces a dilemma: It cannot stand with Putin as it will lose credibility internationally, this would damage its key relations with the United States.

Panel 3:

Changing Asia: the shift of regional power balance – Russia and China

UKRAINE CRISIS AND THE REALIST WORLDVIEW
OF CHINA'S FOREIGN IN POLICY ELITE

Da Wei: *Director, China Institutes of Contemporary International Relations*

The realist Worldview of the China's
Foreign Policy Elite

It is natural for political leaders and foreign policy elites from all over the world to have realist view, but for Chinese elites, they have a particularly strong tendency to be realist.

1. A nation-state centric world view. China strictly sticks to the “territorial integrity and sovereignty independence” principle, so some issues like Taiwan issue, Tibet-related issue and territorial disputes over the South China Sea are linked with the “core national interest”. Nation state is the basic unit that Chinese foreign policy elites use when they try to do the strategic planning, and the Chinese leaders’ main concerns are challenges from other nation-states.

2. All the major countries pursue power and glory. China thinks it is natural for US to pursue its leadership and hegemon. China itself wants to achieve “national rejuvenation”, President Xi’s priority. When talking about power, China’s elites refer to material power resources. Even soft power is regarded as material power such as exporting of cultural industry.

3. The continuous national security concern. Historically, China worried about its survival as a country, facing the invasion of other countries, and then China faced the insecurity of the backwardness of its economy. Although China becomes the No. 2 economy today, China still has concerns over the political security, middle-income trap, and containment by the super powers.

4. Deeply influenced by the view of structural realism. China always talks about bipolar world and then the course towards multipolar world. In recent years, China talks about the avoidance of “Thucydides trap”, using the language of polarity of the structural realism to describe the international environment.

5. Great influence of the geopolitical view. Many Chinese foreign policy elites like to use terms such as “encirclement” or “containment” in a very strict and rigorous way. In recent years, they emphasize the importance of sea power and link it with China’s great power position in the world.

6. The anarchic nature of the world politics. Many believe that the international institution and interdependence cannot stop hegemonic countries.

The reasons for Chinese elites to have such a strong realist view can be explained by historical memories when China encountered the West in the 19th century and the lessons learnt from the collapse of the Soviet Union.

The Ukraine Crisis

The crisis intensified the realist world-view in China.

1. The return of the power politics and geopolitics. China views the Ukraine Crisis as the latest development of the Russia-West confrontation since the 1990s. Russia’s political space was viewed as squeezed step by step in last 20 years. Many see the importance of military powers in that process, for example, as Russia is a militarily strong country, no countries or international institutions can stop Russia from annexing Crimea, despite of the existence of sanctions.

2. From the crisis, Chinese get an updated understanding of the power of the West. Before the crisis, many people talked about the decline of the West, but after the crisis, the financial and economic sanction against Russia make people realize that the West’s power is not limited in the military aspect. Chinese are talking about whether similar sanctions would be imposed against China in the future.

3. Another power of the West is the discourse power, the dominant ideology that provoked “colour revolution”. The crisis started with the political instability in Ukraine since 2004 and in the year of 2013. A series of “colour revolution” since this century has posed serious concerns to Chinese leaders.

Generally speaking, China has the sympathetic attitude on Russia, but many people also ask is Russia’s response right or not. The mainstream view is that it is not Russia’s interest to have too strong response. There is an internal challenge to China’s realist view: on the one hand, the Chinese sympathize with Russia, but on the other hand, the Russia’s annexing of Crimea put China into an awkward dilemma because China cannot support that considering the sovereignty issue.

This crisis put China into a difficult position to balance Russia and the West. China and Russia’s strategic cooperation and alignment seems unlikely. It is quite clear that in China the main stream view is a real meaningful alignment with Russia cannot be achieved on this issue. Although the two countries have some kind of strategic cooperation to support Russia, it is a challenge for them to balance.

China’s Approach to Ease its Realist Concern:

China's realist worldview stems from the fact that for a long time China's foreign policy has been defensive and responsive to the outside world. In recent years, President Xi put forward that China wants to be more proactive and China launched a lot of new initiatives and declared that it will not follow the pure realist logic. However, China still lacks the detailed and practical strategic planning, and the language China is using sometimes seems too realistic and its theoretical basis is still not very clear. Now China has two-fold approach: hard realist defense and soft idealist cooperation.

The harsh policy can be seen when China perceives its interests being affected. China use the harsh policy to ease its concern over issues as, for example, the South China Sea issue and East China Sea issue and other core interest issues like Taiwan, Tibet and so on. In recent years, China has tried to modernize its military capability and strengthen its internal balancing to ease such concerns.

On the other hand, partially since the last half of last year, China launched massive cooperative policy agenda, trying to go beyond realism. China tries to manage the realist relationship with major countries like the US. China calls for the so-called "New Model of Major Country Relationship" with the US and other major countries. Although it is still a realist logic, but China tries to manage it very well. With regard to the relationship with neighboring countries, China tries to strengthen the interdependence and build the new institutions, with "One Belt One Road", RCEP, and FTAAP being the examples.

As China's capability grows, China will have a clearer and well-elaborated foreign strategy. The proportion of realism in China's future strategy depends on how realist the West strategy is viewed by China. Therefore, it is an interaction process.

HOW DOES THE UKRAINE CRISIS INFLUENCE
RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: CURRENT TRENDS
AND FUTURE PROSPECTS

Vladimir Portyakov: *Deputy Director,
Head of Research, Institute of Far Eastern Af-
fairs, Russian Academy of Sciences*

Ukraine crisis to some extent affects
Russia's relations with the People's Republic

of China. China's attitude to Russia in this crisis was benevolent or at least objectively neutral, thus sharply contrasted the reaction on the part of the US and European leaders and mass media.

China did not join the West in political and economic sanctions against our country. On the contrary, it positively responded to the willingness of the Russian authorities to expand ties. Some realist experts begin to say the rapprochement between Russia and China, and Ukrainian crisis would become a "turning point" in their relations. In order to understand why our bilateral relations resistant to any large changes, it may be worth to look at the Pre-history in brief.

During 25 years of history, Russia-China relations developed from "good-neighbourliness" to "comprehensive partnership and strategic interaction". As a result, bilateral relations have a self-sufficient nature, and have stable immunity against all sorts of perturbations in the world that developing gradually. Bilateral relations are shock-resistant, because as allies they struggle for preservation of cultural and civilizational diversity of the world and struggle for strategic stability in central Asia against the so-called Colour Revolution.

The partnership ties are important and targeted at supporting their independent and autonomous foreign policy, and also the other to sustain chosen respective way of societal development. Sino-Russian relations are not a static phenomenon. They react to the most important global processes and challenges of the time as well as to adapt to the changing situation. In the case of the Russia-Georgia conflict in 2008, China did not deter from abiding to its universal principle of sovereignty and territorial integrity of states and the same time to take the position that generally satisfied Russia. Essentially, China worked out the matrix of its self-positioning in case such or similar crises arise in future. In the essence, such matrix is meant not to damage relations with Russia in whatever the circumstances, to declare abidance by the principles of territorial integrity and peaceful resolution of conflict by means of negotiation and sustaining strongest possible ties with the other conflicting party.

China sees economic and political support to Ukraine promised in December 2013 as a huge help. The agreement on Strategic Partner-

ship achieved at that time does not only meet China's own pragmatic interest, but also help in stabilization of the situation in Ukraine and prevent it strongly moving towards the West. But unfortunately the situation developed the other way.

Major Features of China's Reaction to the Ukrainian Crisis

China found itself in an "uncomfortable position" or "in difficult situation" and demonstrated its "strongest unwillingness" to be involved in this crisis. The cautiousness of Beijing at the initial stage of the crisis can be explained partly by the traditions of Chinese diplomacy.

The main one is how to minimize the actual and potential damage that might be caused to China by events in Ukraine. Ukraine is seen as a link to the Silk Road Economic Belt, and Ukraine was one of the largest suppliers of military and technology production to China in the post-Soviet period. That is why when the events that lead to the ousting of Victor Yanukovich on February 21, 2014, China demonstrated its willingness "to respect the choice made by the Ukrainian people" and to develop ties with Ukraine as with "important strategic partner". When Petro Poroshenko was elected as the President of Ukraine, China hoped the situation turn stable. Xi Jinping congratulated President Poroshenko on his election and sent Cai Wu as a special representative of China to take part in the new Ukrainian President's inauguration ceremony. After the first agreement was signed in September 2014, Xi Jinping met Putin in Dushanbe and called upon Ukraine "as soon as possible to start the inclusive dialogue in order to reach comprehensive political resolution of the crisis."

At the same time, China asked Ukraine not to become a pawn in the Western game and not to "burn bridges" in its relations with Russia. China explained its position in the *Global Times* that "the conflicting parties are waiting for China to take a clear position in this crisis." However, China did not play a decisive role in the conflict. This is arguably a very reasonable position. What is important to stress is that, China maintained its neutral position for several months regarding the confrontation between Kiev and militia in the south-east of Ukraine. But after the so-called election in Donetsk and Lugansk People's Republics in November 2,

2014, Beijing's news analysts began to mention the militiamen in the eastern region as "anti-government forces."

The next important assessment is the role of the US in the Ukrainian crisis. They were very cautious because China is interested in forming a "New Type of Major Powers Relations" with the US. Also some Chinese experts in the first stage of the conflict hoped that the US begin to pay more attention to Europe, thus the course of "Return to Asia" would be weakened. But after Obama's visit to East Asia in April, it was clear that the frictions with China would remain as much as before.

Indeed, there are two perspectives among Chinese experts: those who study Russia, especially Central Asia, assess America's position quite sternly and negatively, emphasizing that "from the very start of the crisis America chose to interfere in the Ukrainian situation by all available means". Furthermore, they argue that the US position is in response to Russia's vetoing of the US draft resolutions on Syria and Iraq. On the other hand, Chinese specialists on the US ignore the Ukrainian crisis in the bilateral relations between China and the US. An example would be Professor Wang Jisi, who recently published an article on "Contemporary World" in which he, while reviewing in detail "the international problems, on which the views of Beijing and Washington are not similar", granted no attention to the Ukrainian crisis.

China made no pronouncement on the vote on the anti-Russian resolutions submitted by Western countries at the UN Security Council. Beijing did not join the anti-Russian sanctions of the West and condemned them as an acceptable instrument of political and economic pressure. China and Russia continued to cooperate actively within multilateral formats and Xi Jinping supported Putin many times during the member's meetings of last year. As for the bilateral trade of China and Russia last year, it achieved more than 95 billion USD. Perhaps, China substitutes Western countries in Russia's trade. European Union's share in the RF trade declined by one percentage in 2014, but the share of China increased from 10.5 to 11.2% last year.

Agreements on joint designing of the wide-body aircraft for non-military exploration and foreign- exchange swap were signed last year.

The West sees China as the major “beneficiary” in the Ukrainian crisis because of the natural-gas supply agreement, but Beijing rejected such claims, saying that it is totally unreasonable. There are also some differences in the Chinese position in Russia’s role in Ukrainian crisis, which to some extent may influence the future.

Despite criticism on this idea, China favours a ‘Russian zone of influence’. As for the position on Crimea, many Chinese newspapers including Renmin Ribao, try to remain objective. At the official level, some Chinese scholars stated that Crimea’s entry into Russia was justified, but this position was not effectively expressed in the print media. On the other hand, the view that having acquired the Crimea, Russia lost Ukraine – was expressed in print and discourse.

Prospects for Russia-China Relations

There has been a major decline in Russia’s economic growth and the IMF predicts a decline in GDP over the next two years. There role of Russia in China’s foreign trade might decline and there are not any good prospects for trade due to devaluation of Rouble. It is likely that the share of China in Russia’s trade will increase to 13-15% but it is still comparatively less than its share trade with the US. Several complexities downplay two national projects of international cooperation – that is, the Eurasian Economic Union (EAEU) being propelled by Russia, and the concept of the “Silk Road Economic Belt” (SREB) being actively promoted by Beijing.

There are three realistic scenarios for evolution of bilateral Russian-Chinese:

1. sustaining of the reached level;
2. consistent improvement;
3. some deterioration.

It can be argued that after the Ukrainian crisis the probability for realisation of the second scenario slightly grew from 25 to 30% (from total 100%), while the probability for realization of the first scenario – preservation of the status-quo – would reduce from 70% to 65%. The third scenario hypothetically can be realised in case of coincidence and synergetic effect of all afore-analyzed unfavourable factors. Nevertheless, its probability at the level of 5% would remain insignificant.

IS CHINA TRYING TO PUSH THE US OUT OF EAST ASIA?

Wang Dong: *Associate Professor, Institute of International Studies, Director, Center for Northeast Asian Strategic Studies, Peking University*

The rise of China, both economically and militarily, has increasingly posed a challenge to the US primacy in East Asia. Arguably, the interactions between China, the rising power, and the United States, the incumbent dominant power, will to a great extent shape a future regional strategic landscape. One of the key questions for understanding the future trajectory of regional order, of course, is China’s strategy of dealing with the predominant power the United States. Is China trying to push the United States out of East Asia and build a China-dominated regional order? Contrary to some Western analysts’ accusations, it will be argued that rather than intending to push the United States out of East Asia, China is pursuing a hedging strategy.

There is an emerging discourse of China pursuing of the so-called “Monroe Doctrine” in the past few years. This discourse is because of the growing perception of China’s assertive behaviour. But this has misread China’s intention and misinterpreted China’s behaviour attributed to an absence of the Chinese perceptive. The recent example of Air Defence Identification Zone (ADIZ) and how that has been misread by part of the community will be discussed.

China’s hedging strategy in East Asia can be defined as an insurance strategy that aims at:

- Reducing or minimizing risks brought by the uncertainties in the system,
- Increasing freedom of maneuver,
- Diversifying strategic options,
- Shaping the preferences of adversary.

It is a portfolio or mixed strategy that consists of both cooperative and competitive strategic instruments ranging from engagement, enmeshment, fang fan (taking precautions measures), qian zhi (something softer than hard balancing and harder than soft balancing) and balancing. Any hedging portfolio will be a combination of both these cooperative and competitive strategic instruments.

China and ASEAN

For many years since the end of the Cold War, under the guidance of “peaceful develop-

ment” strategy, Beijing avoided security competition with the unipolar hegemon, the United States, actively engaged and reassured ASEAN countries through “good neighbour” diplomacy, and successfully created a stable external environment for its economic growth. For example, in 2002, China and ASEAN initiated the process to establish a free trade area; in 2012, China and 15 other regional states formally embarked on the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) negotiation process, marking a key step toward a deeper level of regional economic integration.

In political and security arenas, China actively supported and participated in ASEAN-centered regional multilateral regimes such as the ASEAN Regional Forum (ARF), ASEAN+3, East Asia Summit (EAS), ASEAN Defense Ministers Meeting Plus (ADMM-Plus). In 2003 China signed the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (TAC) with the ASEAN, and the two decided to establish the China-ASEAN Strategic Partnership for Peace and Prosperity. In 2011, Chinese President Xi Jinping called for the building of a more closely-knit China-ASEAN Community of Common Destiny.

Beijing’s expansion of its ties with the ASEAN is part of its hedging portfolio that aims at fulfilling the following goals: minimizing the risks brought by U.S. hegemonic behaviour through engagement and accommodation of U.S. primacy; diversifying its strategic options vis-à-vis the United States and preserving and expanding China’s freedom of maneuver; as well as shaping U.S. preferences through engagement and persuasion (both peaceful and forceful).

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) and China’s Foreign Policy Activism

The SCO has evolved into a premier regional security regime that encompasses China, Russia and Central Asia states and keep expanding. China has expanded security ties with Russia and Central Asia states, diversified and secured sources of energy supply, and enhanced cooperation with member states against threats posed by the “Three Evils” (*sangu shili*), namely terrorism, separatism, and extremism. Since the President Xi Jinping assumed office, the new leadership has advocated the so-called *fen fa you wei* (proactive) policy agenda which includes ambi-

tious proposals to build a “Silk Road Economic Belt” extending through Central Asia and a new “Maritime Silk Road” with the ASEAN countries, “One Belt and One Road” in short. Supposedly, China’s “One Belt and One Road” was designed to promote economic growth through building connectivity in the region, boosting exports, enhancing access to natural resources, and to integrate China’s neighbours more closely with the Chinese economy.

China’s foreign policy activism naturally raises the question whether or not China aims to “push the United States out” of the Asia Pacific and form an exclusive, China-dominated regional order? Arguably, the SCO, where China remains the main architect and promoter, is a counter-balance to the United States, or as some western analyst puts it, “China’s NATO.” However, the worry that the SCO would be developing into an anti-U.S. coalition might be overstated. Chinese Foreign Ministry actually repeatedly ruled out the possibility that the SCO would “evolve into a political and military bloc.”

China-Russia Relations

Since his assumption of office, President Xi’s first foreign visit was to Russia. During that trip, he declared that the China-Russia relationship was “the most important bilateral relationship in the world”. Apparently, Xi’s visit was meant to send a message to the United States and the West that Beijing and Moscow had an option. It is not surprising that the two want to be close when Beijing is increasingly disturbed by perceived U.S. heavy-handed pivot/rebalancing to Asia, and Moscow’s relations with the United States more and more strained after Vladimir Putin was re-elected Russian president, particularly, in the wake of the recent crises over Crimea and Ukraine.

Despite some realist scholars’ urge for forming a China-Russia alliance, Beijing and Moscow apparently are not prepared to go down that road. In fact, Putin himself has publicly brushed aside the possibility of forging a political and military alliance between Russia and China, even when the Ukraine crisis broke out. Beijing has so far settled for the strategy of “forging a partnership without forming an alliance” (*jiebang er bu jiemeng*), which features a very typical hedging behaviour.

Falling short of the extreme pressure from US, which will be a serious strategic security

treats, Beijing and Moscow will continue to pursue a hedging strategy, forming a tactical coalition in groupings such as Group of 20 (G20) or the BRICS countries, but shy away from forging any formal alliance.

The CICA and New Asian Security Concept

In his May 2014 speech at CICA summit, Chinese President Xi Jinping unveiled China's "New Asian Security Concept," stating that "it is for the people of Asia to run the affairs of Asia, solve the problems of Asia and uphold the security of Asia." He also called for the development of regional security cooperation architecture and specifically criticized the Cold War mentality. Xi's speech was read by some Western analysts as a declaration of China's "Monroe Doctrine". However, such anxiety is overblown.

The reason is also very clear. Careful reading of President Xi's speech, is that there is nothing surprisingly new or by no means revisionist in nature. China has always been critical of the Cold War mentality and the alliance system associated with it, and China has always been stressing for the respect of sovereignty and non-interference in internal affairs. At the core of Xi's "New Asian Security Concept" is his call for the realization of "common security, comprehensive security, cooperative and sustainable security", definitions and concepts that have been widely accepted by the international community. It is clear evidence that China has been socialized into the existing system, since these terms have been clearly internalized into China's foreign policy discourse.

China's efforts to revive the CICA can be viewed as part of its hedging portfolio, an effort to enmesh the United States into a region-wide security architecture so as to reduce strategic risks, increase China's freedom of action, and shape U.S.' preferences.

China-U.S. Relations

Both privately and publicly, Chinese leaders have acknowledged that the US is the dominant power in the region. In December 2011, Chinese Assistant Foreign Minister Le Yucheng noted in a speech given at the MFA-affiliated Foreign Affairs University that the United States "has never left the Asia Pacific", confessing that China "has neither desire nor capability to push the United States out of" the region.

Most recently, Chinese vice Premier Wang Yang acknowledged at a Forum on Sino-U.S. Commercial Relations, held in Chicago that "it is the United States that leads the world, and China does not have any ideas or capabilities to challenge the leading role of the United States". It is very clear that China wants to reassure the US its intention. But interestingly, in 2013 and 2014 respectively, Chinese president Xi Jinping reiterated his belief that "the vast Pacific Ocean has enough room to accommodate" the development of two major powers, the United States and China. The Chinese comment, sometimes misconstrued by Western analysts as implying for a division of sphere of influence in the region, in fact reflects Chinese leaders' conviction that China, as the rising power, does not need to be on a collision course with the United States, the established, dominant power. Rhetoric aside, these statements and remarks show that Chinese leaders are trying to avoid the emerging security dilemma between China and the United States, and thus seeking a non-zero-sum path forward for China-U.S. relations. Chinese leaders have been advocating the concept of build a new model of major country relationship between China and US, which is an intellectual framework for transcending the destiny of great power conflict between rising powers and established powers, the so-called "Thucydides trap." Policy makers and scholars in both countries envision the possibility of shared responsibilities and even shared leadership between the United States and China.

Conclusion

Rather than trying to push US out of East Asia, China has adopted a hedging strategy that helps minimize risks, expand freedom of maneuver, diversify its strategic options and shape the preferences and behaviour of the United States. Indeed, Beijing has explicitly acknowledged the U.S. predominance in the international system and reiterated its willingness to participate and reform the existing system. This is the message that Wang Yang gave last year.

Lastly, for a more peaceful future to emerge in East Asia, the United States and China, as an incumbent power and a rising power, would have to accommodate each other, and negotiate and renegotiate the boundary of their relative power, as well as their respective role

in the future regional order where Beijing and Washington would learn to share responsibilities and leadership.

Discussant: Kanti Bajpai:

The papers deeply analyze Chinese calculation, Chinese strategy and Chinese strategic thinking, and a few things could be said about China, where the three papers have reached agreement:

China is realist, fairly prudential realist. Although there is some disagreement, everyone seems to believe that China acts as a fairly predictable realist power.

China, like anybody else, seems to hedge between committing to a deeper relationship with Russia, and engage with the West and other countries in the Asia-Pacific.

China's estimation in respect to American policy seems to have changed. There is acknowledgement in China that the US is more powerful. Particularly, US's soft power, power of discourse or its ideologies seem to be quite important, and the acknowledgement of that in Beijing is more than earlier.

In respect to the Chinese calculations, any kind of very deep relationship with Russia, amounting especially to an alliance, is unlikely and will be very problematic. But the relations will be strengthened, and there are opportunities for China at this moment with Russia, not only economic but also diplomatic and political, and China will perceive those.

China still seems to be very attentive to its domestic instabilities and weaknesses, particularly ethnic issues, when it looks into the Ukraine problem and its broad grand strategic choices and its positions.

The crisis in Ukraine offers some changes, some varieties, and some longer term perspectives on Chinese foreign policy grand strategy.

All the parties are hedging: India is hedging, ASEAN states are hedging, China seems to be hedging, Russian is not quite giving up upon the West either and not quite committed to China, thus they are hedging, the Europeans are good hedgers, and even the US is hedging as it does not give up on giving Putin a way out and at the same time trying to balance against him to change his behaviour. The large systemic question is: if multiple countries are hedging, is that good for systemic stability? If most of the major

powers are fairly flexible and not committed to an alliance like structure, it induces more stability. But it could be the case that, deterrence theory and theories of alliance and so on, could bring on the wars and instability.

Question of international order: Taking into account the portrait of liberal international order, it seems that the state is a basic unit, and then sovereign, force is not acceptable, trade and investment flow should go in an unimpeded and globalized liberal order and should not be used as the instruments of diplomacy. Non-interference into domestic affairs seems to be key principles, except in cases of violence or state failure. Institutions matter can help resolve conflicts and provoke stability.

Questions/Comments from the Audience

1. Is it reasonable or realistic to expect systemic primacy to be sustained forever in the indefinite future, and if it is not, what are the ways in which we can envision a more stable equilibrium, say, in 10, 15 or 20 years' time or is there sustained primacy as the source of order?

2. China and the US will learn to share responsibility and leadership. There is an argument that has risen recently, that there are two Asias, one is Economic Asia and the other is Security Asia. Some argues that Economic Asia is led by China while Security Asia led by the U.S, a dual leadership may be achieved if China takes its role as economic power and the US takes its role as a security protector in the region. What is your opinion on this?

3. Which Chinese foreign policy elites are realists? If China continues its growth, it will sooner or later develop its own detailed and practical foreign policy approach beyond the framework of realism. How exactly can the growth of capabilities make China to go beyond realism? What is the causal link between growth of capability and rejection of realism?

Responses:

Da Wei:

1) In China realism is too dominant limiting its freedom of action.

2) As China's power and capability grows, it will be more confident to feel safe. The sense of security is extremely important to develop foreign policy of major powers.

3) Among the elites, actually there are different ideas and debates. There are different

schools of thoughts, different academic focus and different levels among the elites. For example, there are some strong realists, and there are some ones who are more liberal. But I think the main stream is realist. There are different ideas among scholars who follow the US or the West and those who follow Russia. There is a huge difference between academic opinions and those that get reflected in the media.

4) Sino-Russia relations will not accelerate beyond a point and Sino-US will not deteriorate to an intense low-point either. This is a new type of major power relationship which is a strategic partnership.

5) Institutions are not necessarily neutral and realists try to emphasize the power manoeuvre within them. This view prevails amongst many Chinese observers.

6) There is no conspiracy about how China will take over the US. In fact, China does not have a consensus about the goal and the vision of itself in the future. We don't know what kind of China we are going to build in the future.

Wang Dong:

The new structure we are seeing now in Asia is perhaps unsustainable. In theory, at least five different future scenarios can be envisioned:

1) Unfolding of the new Cold War, very likely to happen if China follows the path Yan Xuetong advised to try to compete with the US for the regional dominance. It will be very perilous to follow this path.

2) Sustaining a "Status Quo" forever, but it sounds unlikely to be sustainable.

3) American's full recovery and China's rise is intermitted, for example, by the aging population, and China becomes another Japan. Then China will fail to overtake the US, therefore, US's dominance structure will be restored.

4) China-dominant order because of US's forever decline and China's full rise. But this is an unlikely scenario as well.

5) Gradually China, as an emerging power, and the US as the dominant power, try to learn to co-exist with each other, negotiate and renegotiate on their respective boundaries of power and share the responsibilities and leadership. It will be the most optimistic scenario, but still needs to be chartered out.

6) What kind of domestic constraints do Chinese foreign policy elites have? How much autonomy do they have for now? Do their strategies and does their rationality get affected as a consequence?

7) Chinese former leader Deng Xiaoping said, those countries that stand with America are richer and richer, and those who follow up with Soviet Union became poorer and poorer. Since that last century, Sino-US relations have become the cornerstone of China's foreign policy, and it has the most important position. While China pays more attention to the Sino-US relations, it also builds the partnership or the strategic relations with Russia. Since the Ukraine crisis, how to develop China's partnership relations with Russia while in the same time keeping the most important bilateral relations with US? What is Singapore's role in this crisis and how it can play an active role?

8) To what extent do the European and American sanctions seem to have restrained Russia's behaviour?

9) What would be a breaking point for Russian-China relations to go downwards? In contrast, what would be a promising point? There is 25-30% chance in this particular period for bilateral relationship to improve, more concrete points need to be established. There have been several hesitations and oil gas will not do it, so what would be more substantive points for the two countries to actually work it out?

10) Before the Ukraine Crisis, Prime Minister Abe went to Russia for 5 times, and Abe and Putin invested in each other significantly. Due to the Ukraine crisis, Japan retreated its arms and even went ahead to impose sanctions. What is a long term prospect in Russia-Japan relationship? Based on realism, Russia and Japan could build a partnership to counter-balance China's rise in the region.

11) According to China's peaceful rise strategy, China talks softly but acts very tough. All these are conspiracies to scheme take over the US. Is this a legitimate argument? On seeing China's trajectory over the years, it seems to have a good amount of weight.

12) It is a very typical hedging behaviour that China does not want to choose between Russia and the US.

13) It is very typical for Japan to hedge. Largely due to its alliance with the US, Japan initially wanted to hedge a little, trying to give itself more freedom or options, but it has no choice but to take the de facto position, which is to choose to side with the US. As a junior partner, Japan has no choice but to bandwagon with the US.

14) China wants to yield its power, increase its prestige, and wants to be a great power, but that does not mean China wants to overthrow the US and challenge US hegemony. This was a Cold War position that changed over time.

Panel 4:
Transformation of the world strategic balance after the Ukraine Crisis and its theoretical explanations: the Decline of Unipolar Structure and Behaviour of States

DECLINING UNIPOLARITY,
 GREAT-POWER RELATIONSHIPS AND SYSTEMIC TRANSITION

Liu Feng: *Associate Professor of international relations at Nankai University*

This article inscribes itself on the debate over U.S. decline by answering the following questions: To what extent is U.S. power declining? Does the world undergo systemic transition? What is the key determinate of a peaceful systemic transition?

First, it is inaccurate to equate the decline of U.S. power with the end of U.S. unipolarity. Decline is a process rather than a final outcome. The decline of U.S. power is thus reversible in the short or long term, if the U.S. can continue to boost its economy and reduce some unnecessary military spending. Second, through relative decline does not mean absolute decline, it has significant implications in international relations. As a consequence, we see continued competition for the reform of quota and voting shares between the U.S. and emerging powers in major international economic institutions, which reflects the need to redistribute benefits in the international system. Third, it is useful to make a distinction between the decline of a material unipolarity and the decline of social unipolarity. In this

sense, power and legitimacy are two essential pillars for the maintenance of U.S. hegemony or hierarchy.

On one hand, material unipolarity will be put to an end if a peer superpower will emerge. On the other, social unipolarity cannot be held if most secondary powers do not support the hierarchy and turn to balance against the United States.

Three possibilities have been put forward by scholars from many different perspectives. First, the unipolar system will last for at least a few decades, in which case U.S. power and hegemony would remain unchallenged. Second, a return to a multi-polar world “marks the end of era of the post-World War II Pax Americana”, as suggested by some realists. Third, the rise of a new bipolarity, in which case China could achieve power parity with the U.S. and share its global dominance.

Which possibility occurs is primarily determined by the alignment and realignment among great powers in the coming decades. This central argument has been informed by conventional wisdom that the specific relationships established between dominant powers and rising powers determined the prospect of peaceful systemic transition in the past few centuries. It has been argued that the transition of power from the Great Britain to the United States was relatively peaceful because these two countries were friends with similar domestic institutions and shared culture.

In reality, however, it is not so easy to identify the nature of the relationship between great powers in a specific period. Today, is China a friend or a foe for the United States? Are Russia and China truly friends?

The relationship between great powers or between any social actors in general, can be better understood by making a clear differentiation between the nature of the relationship and the status of the relationship.

The nature of the relationship refers to the “fundamental or essential characteristics” – or the essence of the relationship, which can be classified into three types: friends, rivals, and enemies. Although the friend/enemy dichotomy has been commonly employed in international relations, bringing rival as a “middle type” into the analysis helps us to clarify some misleading and inaccurate concepts like “neither-friend-nor-

enemy” or “half-friend-half-enemy.” The status of the relationship means the current form or manifestation of interaction, usually identified in a specific period. It also has three types: cooperation, competition, and confrontation.

Three European powers – France, Germany, and Great Britain – and Japan belong to the first group; all of them are long time formal allies of the United States. These countries are the friends in the sense that they have no core interest-disputes with the United States. Sometimes, tensions in the security realm may arise with the United States but are often mediated through consultation and coordination. In these instances, their relationship could be labeled as competing friends, but the competition usually limited in a relative short period as well as on a few issues. For example, the rift between the Bush administration and France and Germany over the Iraq War in 2003 was the most salient intra-alliance tension in the post-Cold War era.

For the U.S., China and Russia are real or potential challengers of its hegemony in the post-Cold War era. The strategy towards China and Russia is a mixture of containment and engagement. The considerations of containment are focused on the security realm, as the United States has moved to further expand the NATO frontier into the central European heartland, to strengthen its military ties with traditional Eastern Asian allies as Japan, South Korea, the Philippines and Australia, and to develop a global antiballistic missile defence system. There has been a continuing debate on the likelihood of a serious rivalry between China and the United States.

These Powers are not trying change the US-led world order, but at times they pursue their national interests especially in the neighbouring areas. China feels ‘uncomfortable’ with the US strategy towards it, at times making it feel that is being contained. However, Chinese leaders think pragmatically in this regard as it has benefited from participating in the US-led international order, especially with its participation in international economic institutions.

President Xi Jinping stated that China is a builder and contributor to the international system and this remains world view of most Chinese leaders. This is why Chinese lead-

ers have good reason to avoid conflict. Hence ‘does friendship matter’? Some argue that the peaceful transition from the UK as a major power to the United States occurs because of their ‘friendship’. However, this might not be the case. It has been argued by Charles Kupchan that diplomatic engagement can change enemies to friends. China, Russia and the United States need to find a common ground for diplomatic engagement.

NEOCLASSICAL REALIST THEORY OF U.S. ALLIANCE DYNAMICS IN A (POST?) UNIPOLAR WORLD

Jeffery Taliaferro: *Associate Professor of Political Science, Tufts University*

Recent events such as China’s increasing assertiveness in the East China Sea, Russia’s annexation of Crimea, Russia’s support to insurgents in Eastern Ukraine to the emergence of the so-called Islamic State, might amount to the conclusion that the post-Cold War order which has been largely dominated by the United States is undergoing major change, this view is mistaken. We are still in a unipolar system and the US still holds an overwhelming preponderance on all forms of material power. None of the middle powers such as Russia and China have or are seeking to build material capabilities to challenge the United States on a global scale, especially when it comes to military capabilities and the ability to project power in different parts of the globe.

That said, there are two important things to note: 1) like every other past configuration power in the history of inter-state politics, unipolarity will come to an end and there will be a new distribution of power, eventually. Currently, a transition not of the international system, but within the international system is being witnessed. The 2 questions in this paper are: First, what might explain the variation in the ability of United States to organize collective efforts (alliance management) to deter or contain revisionist major powers, such as Russia and China, and revisionist non-state (or quasi-state) adversaries such as the al Qaeda and the Afghan Taliban, and more recently the so-called Islamic State? Second, what might explain variation in the ability of the unipole to restrain allies in volatile regions (alliance restraint) from under-

taking particular strategies deemed harmful to U.S. national security interests over time?

The argument is that this depends on the intersection between the international system and American domestic politics. Since the US has had such an abundance of power and that the past challenges it has faced are not existential threats. That has had the perverse effect of raising the domestic hurdles American presidents face when it comes to mobilizing resources when it comes to pursuing their security policies.

Neoclassical realism is to some extent an offshoot of structural realism. It begins with the supposition that the international system and the distribution of power matters. But it parts company with the structural realism of Mearsheimer, Waltz and Giplin in two respects: (1) the information that the international system provides to states, varies. Sometimes states find themselves in highly prescriptive environments in which the identity and the magnitude and time frames of the external threat they face are quite clear. The realm of possible options available to states to redress threats or seize opportunities is also quite clear. But there are other situations in which states face more permissive strategic environments, in which the identity and the magnitude of the threats they face are not quite clear. There is a greater level of uncertainty and the number of options available to states is much broader. It is this 'permissive strategic environment' that the United States has been in since the demise of the Soviet Union. None of the threats that the US has confronted have been the types of existential threats that it confronted during the Cold War or during World War 2.

The type of adversaries the US has confronted over the past 25 years fall into 4 categories:

(1) Recalcitrant minor powers, generally suspected of building nuclear weapons, such as states like Iran, Iraq (2003) and North Korea;

(2) Minor powers with revisionist aspirations like Serbia;

(3) Failed or failing states: Afghanistan, Somalia, Bosnia Herzegovina, Haiti;

(4) Transnational terrorist organizations: AQ, AQAP, ISIS.

None of these are actors that can threaten the survival of the USA. This means that the US has had considerable latitude in defining

how it could respond to these threats and the resources to addressing these threats is relatively minor. This does not amount to alliance management and restraint.

Neoclassical Realism does not only look at the relative distribution of power among states. It also tries to look at how do international systemic variables play themselves out through the intervening variables of domestic politics and elite perceptions. During the Cold War, with an ever-present threat, domestic hurdles for successive presidents were relatively low. NCR states that FP executives never have unfettered access to material resources. They need to extract material and human resources and generate political support for doing so. Since the end of the Cold War and the existential threat to the United States, mobilization threats for US presidents increased. The types of selling tactics that the Bush, Clinton and Obama administrations have had to use, have to be far more strenuous than those of their Cold War predecessors. It is harder for Obama and his successor that it will be more difficult for them to put screws on their allies. The abilities of them to get Congress to accept economic sanctions, restrictions on foreign military sales, cancelation of foreign military programmes or restrictions on technology transfer will be more difficult.

The paper represents an attempt to develop a framework on the US' ability to mobilize bilateral allies to deal with recalcitrant 'new' powers such as Russia in Ukraine and China in the South China Sea.

FROM THE HEGEMONIC UNIPOLAR TO THE MULTIPOLAR
WORLD: TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM
AND GLOBAL STRATEGIC BALANCE, PLUS ITS CONSEQUENCES
FOR THE FUTURE

Alexei Voskressenski: *Dean, School of Political Affairs and World Politics, Moscow State University of International Relations (MGIMO-University)*

The global economy must be seen as a single system and however regions configure differently in international political order and partially, by not wholly in political economic order. From these 2 premises, 3 conclusions can be drawn: (1) the international system is based on European/Western political and economic rules – they were accepted because they were extremely Universalist; (2) Rising non-western states must be

accommodated within the system. The system could be revised by military conflict or evolutionary means. Two spheres can be looked at, economic and then political order.

Economic Sphere:

USA: In today's single economic system, there are trade and financial imbalances between states, which weaken the US economy. This is interpreted as a relative decline in the US economy. Would this result in balancing? Currently, this appears to be an interim period. In the past 110 years, the segment of the US economy within the world economy was no less than 25%. There is no sign of military decline of the USA. Three key things can change the structural dominance of the United States: (1) Loss of internal capital in USA; (2) USA will need to purchase foreign technology; (3) demographical factors. While the latter two are intact, imbalances in these respects will influence debt, there may be a rise in unemployment, possible rise of the Euro against the Dollar and what is important is risks of default in some European states that became important in making economic and other decisions on a global level.

China: Its model of economic rise was based on high income tax, small provision of social benefits, growth in subsidies and cheap labour. This is not sustainable. China needs to rebalance its internal sphere which accompanies challenges. China needs to increase its consumption by 10% a year which is very difficult to do for China. Moreover, the growth in China could be much less than official figure, some analysts predict no more than 3%. USA grows at 2.5% and some analysts predict that growth may be 3%. So largely, both countries will be growing at the same rate.

Russia: Russia used petrodollars to rise economically. Then it tried to de-link from the financial system to lower the risks of losing material capability. Russia tried to do it partially, though now the economic system is a whole unit and it is difficult to predict to what extent Russian attempt may be successful. Russia wants to strengthen itself economically by creating the Eurasian Union (where it is important to see the rules that would be imposed on the members of the Eurasian Union). Like China, Russia then tried to de-link politically from the West to make a con-

siderable point that Russia does not need democracy at least in a Western sense. It linked itself with more compatible countries where it felt it could play a leadership role and regain former status.

Political Sphere:

There is a view that the world is unipolar, but the reality is different. The rise of other powers will change US dominance. There will be a realist-style international competition and this would give a chance to Russia to raise its status, power and so on.

The other vision is that of multipolarity, put forward by China and Russia. Through multipolarity China tries 1) to adjust better between different factions of their ruling elite; 2) to play US globalist elements against US hegemonic militarism; 3) to limit protectionist restrictions on trade; 4) to reduce vulnerability to US pressure despite the increasing dependence on US markets. It is important, in this vision to enhance regionalism as it is a source of capital accumulation and to use middle powers and to reach resources in the developing world. This Chinese vision of multipolarity is different from the Russian vision of multipolarity. Hence, rebalancing may not solve current problems, but new great power cooperation is needed.

The open socio-political order is more competitive and more legitimate since it is based on democratic governance. There is a competition that is going on and the open political access cannot be constructed in some countries for certain reasons. Liberal democratic theory underestimated the ability of authoritative or autocratic states to modernize. This called a trade imbalance and most of the current problems. The transition to open socio-political access in some states became subject to stricter conditions and this was then seen as a loss of democracy. The transformation was vulnerable to external impacts. The theories of national and international security confront the need to consensus and the need to development.

Conclusions:

The main challenges of the existing political order must be dealt with:

1) De-securitization of financial and trade imbalances must be achieved;

- 2) Constructive and political ties must be built with states which have different socio-political structures;
- 3) De-personalize foreign policy interaction;
- 4) De-westernize IR theories;
- 5) Curb unconstructive nationalism in internal politics that subvert rebalancing;

BALANCE OF POWER, COMPONENTS OF POWER, AND SINO-AMERICAN COMPETITION

Steven Lobell: *Professor, Department of Political Science, University of Utah*

What impact will the decline in the unipolar structure and the emergence of a hegemonic multipolar world have on the behavior of the United States and the other major powers? What are the logics and mechanisms of balancing under the conditions of declining unipolarity? In Asia, is great power competition, counter-balancing, and contestation an unfortunate tragedy of great power politics and is it occurring already between a declining U.S. and an emerging China? Is the “Thucydides Trap” of hegemonic war inevitable between the U.S. and China or are President Xi Jinping and some American officials correct that a New Model of Major Power Relations (NMMPR) is possible? Is the American pivot or rebalancing to Asia, the Trans-Pacific Partnership (TPP), and the Air-Sea Battle (ASB) strategy a form of economic and military containment, as Chinese officials maintain? Will the crisis in the Ukraine impact America’s pivot from Europe?

The Obama administration’s pivot to Asia reflects heightened U.S. economic, diplomatic, security, and military attention to the Asia Pacific region. The pivot entails boosting the U.S. presence in the Pacific including new troop deployments to Australia, new naval deployments to Singapore, and U.S. military personnel stationed in the Philippines and to possibly include air or naval forces; new agreements such as the U.S.-Singapore agreement to allow for four U.S. warships, the new Littoral Combat Ship (LCS); reaffirming existing alliance agreements; a commitment by the Navy to deploy 60% of its fleet in the Pacific rather than 50%; the development by the Navy and Air Force of a joint operating concept known as the Air-Sea Battle (ASB) strategy to better integrate surveillance

and airstrike platforms to attack coastal powers; and greater U.S. engagement with multilateral institutions in the Asia-Pacific region including membership in the East Asia Summit (EAS), enhanced commitment to ASEAN including a permanent ambassador to ASEAN, the U.S.-Korea Free Trade Agreement, and negotiation of the TPP. The pivot also signals that the U.S. is balancing its historic involvement in Northeast Asia with a renewed emphasis to countries in Southeast Asia including Indonesia, Malaysia, the Philippines, and Vietnam.

Though Sino-American relations have witnessed an uptick in competition, it does not mean that conflict, competition, counter-balancing, and hegemonic war – or more broadly that the tragedy great power politics is inevitable in a post-hegemonic order.

In February 2012, then Vice President Xi Jinping introduced the concept of a “new model of major power relations (NMMPR).” Hillary Clinton later stated that “together the United States and China are trying to do something that is historically unprecedented, to write a new answer to the age-old question of what happens when an established power and a rising power meet?”

In an interview with Evan Medeiros, the Senior Director for Asian Affairs in the National Security Council, the belief of a new model of great power relations was repeated:

“Medeiros stated that “We see the concept as a way to encourage – to ensure that China’s rise is a force of stability in the region...When we say a ‘new model,’ the question is ‘what’s new’? And my point is its new only insofar as we are able to develop patterns of interaction and habits of cooperation that allow us to avoid the historic trap of an established power and a rising power inevitably coming into conflict.”

In a post hegemonic multipolar order, two alternative realist strategies for the United States challenge the optimism of NMMPR and reflect a return to great power politics. Deep engagement entails maintaining and possibly expanding America’s hegemonic leadership. Proponents contend that America’s military preponderance dissuades China from territorial expansion and from challenging U.S. leadership, and reassures allies such as South Korea, the Philippines, Australia, and Japan.

An alternative realist strategy is offshore balancing which entails American retrenchment in Europe, Asia, and the Middle East. Proponents argue that the concentration of American power including the pivot to Asia, the ASB, and the TPP is self-defeating, and is antagonizing and provoking soft and even hard balancing by China including Beijing's A2/AD asymmetric strategy.

A New Model of Realist Major Power Relations (NMRMPR) is possible.

An alternative theoretical paradigm can better explain the current and future trends in the international arena; the extant realist approaches miss how states assess power trends, the fungibility or usefulness of material capabilities, and whether states balance against the accumulations and concentrations of power. Aggregate power is not very fungible. More important than increases in China's relative share of material capabilities is whether Beijing has or will have the appropriate real assets. Finally, when states balance, they target their counter-balancing against the specific elements of a rival power.

U.S.-Chinese territorial, economic, and military competition is on the rise. In terms of Sino-American territorial and maritime disputes, one point of contestation is China's unilateral change to the status quo in the form of the nine dashed map that includes a 'u' shape line (the so called nine-dash line) which claims the bulk of South China Sea as China's - much like Russia's unilateral change to its borders with the Ukraine.

Another recent Sino-American territorial dispute is that China unilaterally declared the East China Sea Air Defense Identification Zone (ADIZ). Sino-American military contestation is also on the rise. Since the 1990's, rather than directly challenging the United States, China has advanced its anti-ship missiles, short and medium range ballistic missiles, cruise missiles, stealth submarines, and cyber and space arms to challenge U.S. naval and air superiority, especially in China's littoral waters. These anti-access/anti-denial asymmetric weapons raise the cost for the U.S. in projecting American force by undermining fixed bases in Japan and Guam, and aircraft carriers.

Economically, Sino-American contestation has resulted in competing regional trade organizations.

The U.S. is working to advance TPP and China is pushing to advance the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) which excludes the U.S. In the debate over the direction of America's post-Cold War grand strategy, two alternative realist grand strategies for the United States challenge the optimism of Xi Jinping's NMRMPR and reflect a return to great power politics of counter-balancing, competition, and contestation.

Offshore balancing maintains that the concentration of U.S. power has provoked China to counter-balancing through soft balancing such as the RCEP and hard balancing through an A2/AD asymmetrical strategy.

Alternatively, a second realist strategy of deep engagement maintains that American primacy requires improved capabilities to defeat A2/AD strategies and to discourage China from moving beyond this asymmetrical strategy to build a blue-water navy. Moreover, American allies have complained that Washington needs to play a more engaged role in the region including new naval deployments and new military cooperation.

For the United States, offshore balancing entails that Washington engage in a policy of global restraint, wherever possible. Based on the premise of balance of power theory, offshore balancing translates into U.S. retrenchment though not complete withdraw and rejection of treaty commitments from locales including Europe, the Middle East, the Persian Gulf, and Asia, and re-negotiating security treaties with Japan, South Korea, and NATO. Offshore balancing is not an isolationist grand strategy and it does not call for the U.S. to rely on weak neighbours, large oceans, and nuclear deterrence to retreat.

American off-shore balancing involves regional states playing a larger role of counter-balancing China. By the U.S. playing a more restrained global role, regional balances will be restored by local states. An attempt by China to achieve local dominance will provoke the other regional states to counter balance. Specifically, China's rise will be countered by India and Russia, as well as Japan, South Korea, and Vietnam. American retrenchment from Asia is particularly easy since there is no imminent regional hegemon and therefore time for local states to form a counter-balance.

For offshore balancing proponents, a strategy of deep engagement or attempting to extend

America's global leadership is self-defeating for three reasons. First, the underlying assumption of offshore balancing is that the accumulation of American power, including a strong U.S. military pivot to Asia and the Air-Sea Battle concept, is self-defeating and is provoking soft and hard counterbalancing by China.

Second, deep engagement encourages reckless behaviour on the part of America's allies. Based on the logic of moral hazard from the insurance industry, U.S. treaty and security commitments embolden allies to act more recklessly and aggressively than if they had no security commitments. Moreover, they risk pulling the United States into their local disputes.

Third, deep engagement is expensive and contributes directly to American economic decline. The logic is two-fold: first, military expenditure squeezes-out and diverts resources (both financial and human capital) available for domestic investment, which reduces the size of the pie for future spending, including military and entitlement programs. Second, deep engagement encourages free riding and discourages burden sharing by allies.

To be the security partner of choice by regional states requires that the U.S. remains powerful and engaged in the region. By extending the American security umbrella to its allies, they do not need to provide as much of their own security. By keeping their own military spending artificially low they do not provoke the security dilemma. Deep engagement proponents challenge the claims of offshore balancing. Finally, deep engagement proponents do not accept the claim that military spending contributes to imperial overextension, overstretch, and decline. First, they argue that the U.S. is a wealthy country and can afford to spend 4.5% or more of its GDP on defense. Second, they discount the claim that there is a direct connection between military spending and economic decline.

The "Thucydides Trap" and the tragedy of great power politics between the U.S. and China are not inevitable, even in a post-hegemonic and multipolar world order. In recent testimony before Congress, Daniel Russel stated that "there are those who argue that cold war-like rivalry is inevitable and that the United States and China are condemned to a zero-sum struggle for supremacy, if not conflict. I reject such mechanistic thinking."

Disaggregate Power: When American decision-makers assess China's power trend to forecast future power projections and enmities, they ask themselves several questions. First, which components or elements of China's national power are increasing and will they peak above or below their own components of national power? The four general categories of national power include: changes in political leadership or ideology; shifts in territory or population; growth in real assets including equipment, plant, knowledge, technology, and inventory; and the increases in land-based military, naval, and air power.

Moreover, in assessing trends, state leaders ask themselves whether specific components of China's power will peak above critical thresholds and red-lines of power? Finally, state leaders will ask how interchangeable are resources intended for one task used for another?

For the United States, the foundation of its military security is its Command of the Global Commons. Command of the Commons allows Washington to extend its reach far beyond its waters edge. Command of the Commons represents the United States' command over the globe's sea, space, and air. According to Barry Posen, this is supported by nuclear-attack submarines, surface fleet and aircraft carriers, satellite communication and anti-satellite technology, fighters and bomber aircraft, air and sea lift capacity, explains why there is no balancing against the United States.

In contrast to the expectations of balance of power theory, components of power can explain why there is no significant Asian counter-balancing against the U.S. despite its unprecedented strength. First, continental land-powers such as Russia do not assess America's Command of the Commons as a major challenge to their vital interests. Second, China's barrier to entry to developing a naval capability of command of the global commons is high. In disaggregating U.S. power, the real assets for Command of the Commons include specific weapons and platforms that are expensive, and require a huge scientific and industrial base.

Third, China is a continental land-power and shares borders with fourteen neighbouring states, some of whom have nuclear weapons and large land armies, and whom Beijing has engaged in border disputes and wars. Instead, as continental powers, they have pursued a maritime asymmetric strategy of access-denial

capability to defend maritime approaches and shores. Moreover, China has limited geographical access to open seas, which like Germany and Russia, can easily be blockaded and choked.

In disaggregating China's power, one element of concern for Washington is that Beijing is acquiring access and area denial capability. It might also undermine the resolve of America's allies in the Pacific, encourage bandwagoning with China, and lead Beijing to believe that the U.S. will abandon its allies. Concomitantly, though China is a continental land-power, Beijing does not need to become a peer or even a near-peer naval competitor with the U.S. and its allies to pose a major danger. In contrast to the expectations of power transition and long cycle theories, China will not necessarily wait until its GDP or military spending surpasses America's to challenge.

China's military power is increasing relatively to the past levels and at a faster ratio according to reports by the Defense Department and IHS Jane's. However, China's military power does not necessarily translate into outcomes; China needs the appropriate elements of power to pose a credible threat. In disaggregating China's national power and given that Beijing does not have a blue-water navy but just commissioned its first aircraft carrier, its first at-sea landings, and has no integrated carrier task group, Washington should not exaggerate China's challenge. Washington should monitor China's naval power trend and specifically the supporting production, plant, skilled labor, and capacity to construct a green or a blue-water navy to determine whether Beijing is in fact challenging America's Command of the Commons.

Targeted Balancing: When states counter-balance, they target their balancing against the particular power trend that challenges vital interests, in both unipolar and multipolar orders. If no components of power of an emerging state challenge vital interests, then no targeted balancing will occur even if the state's aggregate capability is growing or is large. Targeted balancing includes a combination of naval construction to maintain naval supremacy, technology such as anti-ballistic missile and anti-rocket defense, blinding cyber warfare capabilities, and stealth attacks to destroy its anti-ship missiles, submarines, destroyers, and fighters.

The U.S. pivot or rebalancing represents an enhanced economic, military, and diplomatic

presence in the Asia-Pacific. However, it does not mean that the United States and China are destined for strategic rivalry, confrontation, or hegemonic war. The import of this model for understanding what role America sees for China and Russia in the Asia-Pacific is several-fold. First, if no components or elements of power of China's power (or Russia's) poses a threat then it should not provoke American counterbalancing or a preventive war despite China's growing material capabilities.

In contrast to arguments which emphasize shifts in power alone, China does not need to become a peer or even a near-peer competitor to pose a major danger to the United States. China does not need to possess a comprehensive toolbox of capabilities. Rather, as a partial power, what matters is whether China has the correct elements. The same holds for Russia. American leaders should assess power trends based on components or elements of national power rather than balancing against aggregate shifts and transitions in capability. Specifically, relative American military or economic decline and even if the U.S. is surpassed in 2027 or 2035 by China does not mean that America is necessarily less secure.

Discussant Alexander Korolev:

1) Liu Feng: The typology of great power relations is slightly complicated.

2) Jeffery Taliaferro:

a. There are differences between the objects balancing is targeted against as discussed in the paper. China and Russia are continental nuclear powers, are in the same category as terrorist organizations like Taliban and ISIS. There are different dynamics of mobilizing in both these categories is entirely different.

b. International system in transition is when there is ambiguity. When there is a clear unipole, is it really ambiguous?

c. Is the ability to project power across different regions a good indication of American superiority? Due to its geographical characteristics, does it have choice to project power in any other way?

d. The discussion about domestic politics loses the neoclassical realist link between domestic and systemic levels.

e. If the US fails to mobilize its allies, what will it mean for the sustainability of unipolarity?

3) Alexei Voskressenski: While the distinctions between the categories of modern political systems are clear, do 'natural' and 'open' access societies really differ in their international pursuits? Are they not driven by national interests?

4) Steven Lobell:

a. According to the argument made, it seems that there is assumption that policy makers make right and correct evaluations of power. Who decides what component of power should be balanced against?

b. While power is multidimensional and there are many components of power. Can this mere fact, guarantee confrontation will be avoided?

Questions from the Audience

1) Russia's main challenge is not America's navy, but NATO as it gives institutional power to the US. Hence, which competent of power matters in the emerging order? In the case of China, America's navy and alliances would be the biggest component of American power to balance against it. China attempts to break these alliances have only reinforced American hegemony. What action would challenge its hegemony like Britain did towards Germany?

2) Susan Strange provides a similar assessment of the sources of structural power that justify give America's power longevity. Do emerging powers have the ability to challenge these forces? America has been able to socialize its hegemony and has greater freedom to use force because it is advantage of being the hegemon.

3) In reference to the argument that China's growing blue water navy is a challenge to American hegemony in the Pacific, it is unclear what the 'Chinese challenge' means? Do China's naval capabilities rising numerically attribute to a challenge? Or will it be a challenge only if China deliberately builds up an offensive naval strategy to push USA out of East Asia?

4) Examples of Chinese 'behaviour' in the South and East China seas are referred to. From the Western perspective, it is easy to see this as 'assertiveness'. But from the Chinese perspective, while the ADIZ may have been handled in a clumsy manner, it must be acknowledged that China has the right to set an ADIZ. There is Lot of hypocrisy in the way China is analyzed. China is prepared to work on joint development.

5) To what extent domestic hurdles in mobilizing resources in American foreign policy apply to the post-9/11 context?

6) If the hurdles at the end of the Cold War were so high, why are foreign policy executives pursuing a demanding strategy of primacy and not off-shore balancing?

7) When does public opinion become a constraint on elite decision making?

8) How does 'international status' fit into neoclassical realism?

9) If the USA is going to remain in power for the foreseeable future, why is the USA so anxious about security?

10) Being a unipolar power, the US has to take a disproportionate share of the burden of maintaining order. How does it divide its commitments?

11) Can some sort of mutual deterrence be achieved between the US and China in the area of 'cyber-space' and 'the outer space'?

Responses:

Steven Lobell:

1) The problem with aggregate paper is that states act according to dictates of aggregate power. They risk the pathological outcome of balancing against a state that does not really pose a challenge.

2) In the case of Britain and Germany, there was a very powerful Germany in the 1880's. There was no British balancing against it, though this would be expected according to balance of power logic. The reason for this was that there were no German 'elements' (such as the navy) that existed. As Germany developed its navy in 1902 onwards, that's when the balancing behaviour occurred in Britain. If Britain began balancing against Germany in the 1880's, it would have led to the pathological outcome of doing so against a power that did not really pose a challenge.

3) States can misperceive power. The danger of this is balancing based on aggregate power.

4) In order to define 'which elements' should be monitored it is important to look at the 'structural modifiers'. Hence, if the US is a naval power, then it will see naval elements as a challenge.

5) In order to define what the 'challenge' is. It is important to look at specific elements such as manpower, capacity and so on.

Jeffrey Taliafaro:

1) After 9/11, there were less domestic hurdles indeed. But the aftermath of the Iraq War and the subsequent events that followed, domestic mobilization hurdles became greater.

2) Off-shore balancing may not necessarily be less costly for the USA. There would need to be an enormous network of foreign bases and elaborate security alliances.

Liu Feng:

1) There are three schools of thought pertaining to understanding China's naval strategy:

- a. China should be a continental power,
- b. China should be a naval power,
- c. China should be both.

The debate surrounds the notion that whether China should develop its own aircraft carrier. The debate is not relevant now as it has done so. For China's leaders there are 3 reasons for China to develop its naval capabilities:

- a. China tries to deter US in its neighbourhood,
- b. Defend its right on territorial rights in disputed areas,
- c. Tries to achieve a comfortable regional environment.

2) A two dimensional analysis is less linear than Wendt's single dimensional analysis.

Alexei Voskressenski:

1) Misperception of the elite can result in conflict.

2) The perception amidst the Russian elite is that USA will collapse and so will the dollar. Hence the strategic perception - the USA will collapse.

3) Stability is also a fundamental interest. Stability is a specific equilibrium between a country and a region, political order and development.

4) Rising powers challenge the West differently (China economically and Russia militarily). There are chances of an accord and the future is still unknown – BRICS is a symbol of it.

*Centre on Asia and Globalisation,
Lee Kuan Yew School of Public Policy,
National University of Singapore*

*Подготовка текста для публикации
в журнале «Сравнительная политика»:
А. Королев, А. Воскресенский*

PUBLIC SYMPOSIUM «70 YEARS ON: HOW TO MANAGE CHANGING POWER RELATIONS IN ASIA?,» NATIONAL UNIVERSITY OF SINGAPORE (5 AUGUST 2015)

Auditorium, Shaw Foundation Alumni House
National University of Singapore
Kent Ridge Campus, 11 Kent Ridge Drive

The US-led international system seems on the verge of crisis. Growing tensions in the South and East China Seas, as well as China's official launch of the Asia Infrastructure Investment Bank mark a critical transformation of the existing order laid out by the United States after the end of World War II. Despite the tremendous improvement of the security situation and cooperation mechanism in Asia, are we going back to the old age of power politics? How can two major Asian powers, China and Japan, move forward to enhance security and economic cooperation in Asia? With a reflection on the legacy of post-war development and cooperation, three prominent scholars on international security will discuss the prospect of peace and stability in 21st century Asia.

Speakers:

Professor Jochen Prantl, *Director, Asia-Pacific College of Diplomacy; Associate Professor in International Relations, Australian National University*

Professor Prantl's research focuses on global governance, international security, institutional diversity, and collective action. His research aims at developing key concepts of security governance that can be used more widely. Previously, he held positions in the Department of Politics and International Relations, and Nuffield College, University of Oxford, and the Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore. He also served

as Acting Director of Oxford's Centre for International Studies. In 2007, Professor Prantl was the inaugural recipient of the Zvi Meitar/Vice-Chancellor Oxford University Research Prize in the Social Sciences, and in 2008, the University's nominee for the AXA Prize for Innovative Research. Professor Prantl holds degrees in Political Science (M.A.) from the University of Bonn and International Relations (M.A.; D.Phil.) from the University of Oxford.

Professor Todd Hall, *Associate Professor of International Relations, Tutorial Fellow in Politics for St Anne's College, University of Oxford*

Professor Hall earned his PhD from the University of Chicago in 2008 and has held post-doctoral fellowships at Princeton and Harvard, as well as visiting scholar appointments at the Free University of Berlin and Tsinghua University in Beijing. Prior to joining the University of Oxford, Prof Hall held the position of Assistant Professor in Political Science at the University of Toronto (2010-2013). Research interests extend to the areas of international relations theory; the intersection of emotion, affect, and foreign policy; and Chinese foreign policy. Recent and forthcoming publications include articles in *International Organization* (forthcoming), *Shijie Jingji yu Zhengzhi* (2014), *International Security* (2014), *Political Science Quarterly* (2012), *International Studies Quarterly* (2012), *Security Studies* (2011), *Waijiao Pinglun* (2011), and *The Chinese Journal of International Politics* (2010).

Prof Hall is presently working on a book manuscript that examines the role of state-level emotional behavior in international relations titled *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*, forthcoming at Cornell University Press later this year.

Professor Ken Jimbo, *Associate Professor, Faculty of Policy Management, Keio University*

Dr. Ken Jimbo is an Associate Professor at the Faculty of Policy Management, Keio University. He is concurrently a Senior Research Fellow at the Tokyo Foundation as well as at the Canon Institute for Global Studies. His major fields of research are U.S.-Japan security relations, Asia-Pacific security, and Japan's foreign

and security policy. He is a leading author of "Japan's Security Strategy toward China" (Tokyo Foundation, 2011). He has been appointed to various governmental committees including Frontier for Peace, National Policy Unit (Cabinet Secretariat) and Working Group on Defense and Diplomacy (Ministry of Defense).

Chair:

Dr. Ryoko Nakano, *Assistant Professor, Department of Japanese Studies, NUS*

Organized by the Departments of Japanese Studies & Political Science, Faculty of Arts and Social Sciences, National University of Singapore.

ICTSD & OECD DIALOGUE, 22 MAY 2015, PARIS

The International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) have organized an informal policy dialogue on carbon markets during Climate Week Paris.

The event:

An increasing number of jurisdictions are putting into place carbon markets. Nevertheless, an international carbon market governed through the UNFCCC process is for the time out of reach, despite progress towards a new global climate agreement to be reached by the end of this year. This dialogue explores the case for a "carbon market club" involving collaboration between coalitions of the willing, set in the context of a bottom-up climate governance framework agreed under the UNFCCC. The event brings together experts, business representatives and policymakers for an interactive panel discussion looking at implications of such a club for the multilateral trading system as well as possible synergies between the two.

Venue: Château de la Muette, Room D. OECD, 2, rue André Pascal, 75016 Paris

Additional information: Ms Sonja Hawkins at shawkins@ictsd.ch

Speakers:

- Henry Derwent (Senior Advisor, Climate Strategies)
- Martin Hession (International Carbon Markets Negotiator, European Commission)
- Nathaniel Keohane (Vice President, International Climate, EDF)
- Andrei Marcu (Senior Advisor, Carbon Market Forum)
- Andrew Prag (Trade and Environment Policy Analyst, OECD)
- Jeff Swartz (International Policy Director, IETA)
- Ingrid Jegou (Senior Manager, Climate Change, Trade and Sustainable Energy, ICTSD) – Moderator

Background

Economists consider carbon pricing the first-best solution to climate mitigation. Indeed, internalizing the cost of carbon emissions is crucial for sending the right price signal and promoting a shift to a low-carbon economy. Although a growing number of jurisdictions have implemented emissions trading schemes (ETs), carbon taxes or a combination of both, an international carbon market under the UNFCCC is for the time out of reach.

However, the likely bottom-up nature of the new climate agreement opens doors for collaboration between coalitions of the willing. Under an agreement based on nationally de-

terminated contributions by individual countries, climate action will be driven by national governments who will have much leeway in choosing climate policies and measures.

In this context, governments pursuing ETSSs could aim to collaborate on their systems, for example through harmonizing their standards for carbon market operations and recognizing each other's emissions units. Such a "carbon market club" could take place in parallel to, but outside the UNFCCC context.

A carbon market club could offer a range of benefits, from greater cost effectiveness and market liquidity to reduced concerns about competitiveness distortions, free-riding and carbon leakage. Importantly, by providing membership benefits, a club can encourage a wider uptake of carbon markets and consequently drive more ambitious mitigation action. At the same time, the need for exclusive benefits raises challenges and there are implications of the trade system that need to be taken into account. This includes for example the issue of exclusivity in emissions unit trading or the potential imposition of border adjustment measures (BAMs) on non-members.

Research and publications

- Subsidies, Clean Energy, and Climate Change, by Ilaria Espa, Sonia E. Rolland, February 2015.
- The Case for Climate Clubs, by David G. Victor, January 2015.
- Linking Emissions Trading Schemes: Considerations and Recommendations for a Joint EU-Korean Carbon Market, by Sonja Hawkins and Ingrid Jegou, March 2014.

Related Events

- 10 July 2015, The Climate, Finance and Trade Nexus: Turning a Political Challenge into a Sustainable Development Opportunity, Paris, France.
- 10 July 2015, Revising the 2015 Paris Climate Change Agreement Architecture for Better Governance and Outcomes, Paris, France.
- 10 June 2015, Technology in the 2015 Paris Agreement, Bonn, Germany.

ICTSD, FAO, AND EAGC IALOGUE, 8-9 JULY 2015, NAIROBI

The International Centre for Trade and Sustainable Development, the Food and Agricultural Organization of the United Nations, and the Eastern Africa Grain Council have organized a dialogue in Nairobi, Kenya.

The event:

The aim of the dialogue is to provide policy makers and other stakeholders from the East Africa Community (EAC) an opportunity to explore how global trade rules and national policies affecting agricultural markets could best promote food security and support rural development, in the run-up to the WTO's tenth Ministerial Conference in Nairobi and beyond.

With WTO members currently negotiating a work programme on the remaining Doha issues ahead of a July 2015 deadline, this dialogue therefore constitutes a unique opportunity for EAC Geneva-based negotiators and national and regional constituencies to review priorities and negotiating strategies in advance of the upcoming ministerial conference.

Venue: Hilton Hotel, Nairobi, Kenya

Additional information: Jonathan Hepburn at jhepburn@ictsd.ch

Research and publications

Tackling Agriculture in the Post-Bali Context: A collection of short essays, by Ricardo Meléndez-Ortiz, Christophe Bellmann, Jonathan Hepburn, November 2014.

Agricultural Export Restrictions, Food Security and the WTO, by ICTSD, June 2014.

G-33 Proposal: Early Agreement on Elements of the Draft Doha Accord to Address Food Security, by Christophe Bellmann, Ekaterina Krivosos, Jamie Morrison, Jonathan Hepburn, May 2012.

Related events

- 29 June 2015, African TFTA: A key milestone for continental integration?, Geneva, Switzerland.
- 2 June 2015, A "new normal" for food and agriculture markets?, Geneva, Switzerland.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-3\(20\)-143-144](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-143-144)

ФАКТОР НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО- ГО РАЗВИТИЯ

**Бирюков А.В. Современные
международные научно-технологические
отношения. М.: РосНОУ, 2014. - 488 с.**

Монография А.В. Бирюкова «Современные международные научно-технологические отношения», опубликованная издательством РосНОУ в 2014 году, посвящена анализу влияния науки и технологий на международную политику. Несмотря на свою актуальность, данная проблематика не получила комплексного освещения в российской науке о международных отношениях, хотя отдельные аспекты являются хорошо разработанными (например, проблематика международной информационной безопасности, международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и пр.). Монография представляет собой успешную попытку формирования единой системы взглядов на природу научно-технологического развития в контексте международной политики. При этом автору удалось избежать технологического детерминизма, в сети которого попадают многие исследователи, разрабатывающие данную проблематику. Как отмечает А.В. Бирюков, «для понимания процесса ускоренного развития государства в современной системе международных отношений его необходимо рассматривать через призму всей совокупности факторов, прежде всего, этико-гуманитарной, социально-политической и экономико-технологической природы»¹.

Достоинством монографии, заметным еще на этапе знакомства с оглавлением, является широкий охват тем. В работе рассмотрены последствия научно-технологической революции для международной безопасности, мощи и конкурентоспособности госу-

дарства; исследованы последствия академической революции, а также глобальной эколого-энергетической трансформации; выявлена роль транспорта в международной политике; рассмотрено международное сотрудничество и соперничество в сфере освоения космического пространства, проблемы международной информационной безопасности, развития глобального информационного общества и управления интернетом, а также международное сотрудничество в сфере защиты интеллектуальной собственности. В заключительных главах монографии автор рассматривает такую актуальную проблему, как этические аспекты развития науки и технологий, и анализирует применимость опыта Китая при выработке политики России в области инновационного развития.

Исследование базируется на обширном эмпирическом материале, вместе с тем, не уходит в чрезмерную описательность, работа носит аналитический характер. Рассматривая природу современного научно-технологического переворота с политологических позиций, автор показывает, что «в условиях неолиберальной глобализации достижения научно-технологического переворота монополизированы небольшим числом стран и ТНК, которые присваивают подавляющую часть доходов от мировой научно-технической и инновационно-технологической деятельности»². При этом выравнивание научно-технологического потенциала различных государств, по мысли автора, невозможно без международного сотрудничества, субъектами которого являются как государства, так и негосударственные акторы, прежде всего, представители академического сообщества.

К достоинствам монографии следует отнести авторский подход к определению влияния государства на международную арену – использовано понятие «национальной мощи» государства, под которой по-

¹ Бирюков А.В. Современные международные научно-технологические отношения. / А.В. Бирюков. М.: РосНОУ, 2014. – с. 27.

² Там же, – с. 46.

нимается интегральный показатель влияния государства на международной арене. А.В. Бирюков отмечает, что определения национальной мощи великих держав разнятся, и, сопоставляя подходы Китая, США и России, приходит к выводу, что «в контексте национальной мощи все большую роль играют факторы глобальных революций и научно-технического прогресса, а также понимание, что в системе международных отношений на первый план выдвигаются международные научно-технологические отношения».

В монографии значительное внимание уделяется проблематике информационной глобализации в контексте международной безопасности, что обусловлено возрастающим противоборством в цифровой сфере. Проведен глубокий анализ не только позиций и интересов государств в информационном пространстве, но и проблем и перспектив развития международного сотрудничества в данной области.

Интересной авторской находкой является попытка проанализировать феномен научно-технологической глобализации с позиций гуманистической ноосферной этики, которая рассматривается в свете высоких гуманитарных технологий. В монографии показано, что в отсутствии морально-этического императива невозможно справедливое, демократическое и взаимовыгодное между-

народное развитие, в том числе и в области науки и технологий.

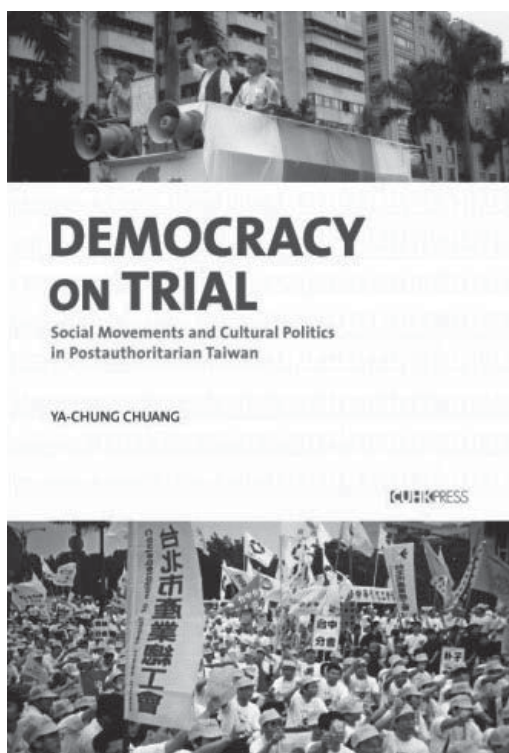
А.В. Бирюков более 35 лет находился на государственной службе, в том числе в долгосрочных командировках в КНР, что не могло не оказать влияние на его исследовательскую деятельность. В заключительной главе монографии детально проанализирован китайский опыт инновационного развития, на основании чего сформулированы рекомендации для России. Акцент на опыте Китая представляется обоснованным, но большую методологическую ценность при выработке рекомендаций относительно политики Российской Федерации в области научно-технологического развития могли бы представлять результаты сравнительного анализа опыта инновационного развития не только Китая, но и остальных стран БРИКС, а также развитых государств США, стран ЕС, а также Японии.

Монография А.В. Бирюкова, будет интересна не только специалистам международникам, но и широкому кругу читателей, интересующихся современным этапом научно-технологического прогресса.

*Е. С. Зиновьева,
к.полит.н., доцент
МГИМО (У) МИД России*

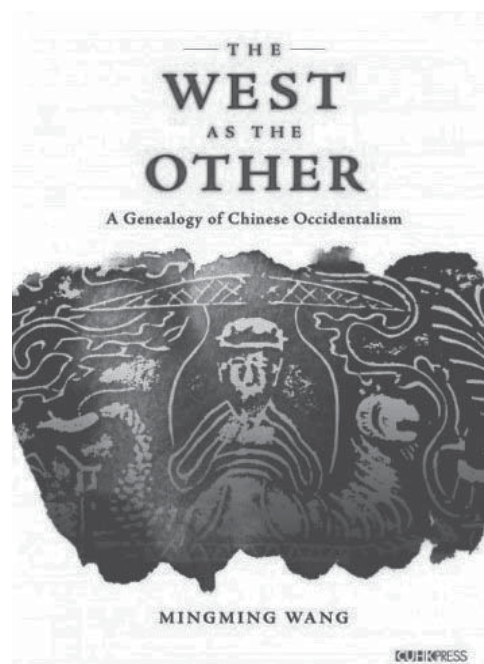
НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Ya-Chung Chuang. Democracy on Trial: Social Movements and Cultural Politics in Postauthoritarian Taiwan. Hong Kong: The Chinese University Press, 2013.

The book provides a unique socio-cultural anthropological dissection of Taiwan, a newly organized democratic civil society, which for the author is both home and the field, an object of study and yet also an area of hope and engagement. It negotiates the problem of writing about and understanding democracy and social movements in Taiwan, and what they can tell us about a place and country. The volume's discourse encompasses multiple forms of grass-roots self-mobilization and society-wide dialogue among activists, critics, and participants. Discursive and interpretative in nature, this book provides a different approach to a serious understanding of changing postwar Taiwan society.

Mingming Wang. The West As the Other: A Genealogy of Chinese Occidentalism. Hong Kong: The Chinese University Press, 2014.

This book challenges an extensive number of critical studies of Orientalist narratives (including Edward Said's Orientalism), and reframes such studies from the directional perspectives of an "Oriental" civilization. The author explores the ancient Chinese's view of the West as other by locating it in the classical and imperial China, leading the reader through the history of Chinese geo-cosmologies and world-scapes. Moreover, the author delves into the historical records of Chinese "world activities," journeys that began from the Central Kingdom and reached towards the "outer regions." This book offers a fundamental reimagining of the standard concept of the other, with critical implications not only for anthropology, but for philosophy, literature, history, and other interrelated disciplines.

*Ye Ming Lei,
The Chinese University
Press of Hong Kong*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте (предпочтительно) или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья – 20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами,
- обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц,
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала
- размер шрифта основного текста 14
- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см.

Для рассмотрения редакции просьба направлять два файла статьи – один, содержащий информацию об авторе (см. структуру статьи), один – без идентификации автора. Все материалы направляются на анонимное рецензирование, поэтому любая идентификация автора в тексте или ссылках должна быть убрана в одном из файлов.

При оформлении статьи просим авторов проверять их на соответствие следующей структуре:

1. Заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. Инициалы и фамилия автора(ов).
3. Название учреждения, где работает автор и адрес, включая почтовый индекс.

4. Резюме статьи на русском языке (200-250 слов).

5. Ключевые слова (10-12 слов на русском языке).

6. Основной текст.

7. Список литературы (составленный по алфавиту и пронумерованный).

8. Об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, научная специализация, e-mail).

9. Заглавие статьи на английском языке прописными буквами.

10. Инициалы, фамилия (английская транскрипция).

11. Название учреждения, где работает автор и адрес на английском языке, включая почтовый индекс.

12. Abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов).

13. Key words (ключевые слова на английском языке).

14. References (список должен соответствовать пронумерованному списку литературы, но названия книг и статей на русском языке транслитерируются латинскими буквами и переводятся на английский язык. Иностранные источники на латинице остаются без изменения).

15. About author (об авторе на английском языке).

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках [] порядкового номера упоминаемого произведения из «Списка литературы» и, в случае цитаты, номера страницы цитируемого произведения, через запятую после порядкового номера [3, с. 5].

«Список литературы» оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82. Второй список, «References», оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в систему «Scopus». Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Требования к оформлению «References»: названия статей, монографий и журналов на русском языке должны быть транслитерированы латиницей и переведены на английский язык. Например: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995)/ А.Д. Богатуров. М.: Конверт-МОНФ, 1997 (описание в «Списке литературы» согласно ГОСТУ) в References описывается как Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) [Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945-1995)]. Moscow:

Konvert-MONF, 1997). Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). При ссылке на переводную литературу в References следует указывать оригинальное издание.

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответственных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

Статьи необходимо направлять на e-mail: sravnitpolit@mail.ru и avtor@ibb.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

Контактная информация:
e-mail: sravnitpolit@mail.ru, avtor@ibb.ru

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала.